Збигнев Войцеховский

Иван Поддубный

одолеть его могли только женщины

Биографии великих
Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его называли чемпионом чемпионов. Неправдоподобно сильный, кристально честный, несгибаемо волевой и в то же время по-юношески влюбчивый и ревнивый, таким был едва ли не самый сильный человек планеты, потомственный казак Иван Поддубный. В начале XX века, когда вся Европа фанатично поклонялась «королеве спорта» – борьбе, слава о феноменальных способностях «русского медведя» Поддубного прогремела на весь мир. Он с легкостью кидал на лопатки сильнейших борцов планеты, он развенчивал мифы о непобедимости именитых европейских и американских атлетов, с честью демонстрируя всему миру богатырскую силу русского человека.

- Збигнев Войцеховский
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Эпилог
- notes
  - 1

Збигнев Войцеховский
Иван Поддубный. Одолеть его могли только женщины

Пролог

Вся история человечества – это цепь волевых бросков, прорывов. Сперва они случались редко, раз в тысячу лет. Скажем, научился человек добывать огонь, пользоваться каменными орудиями труда, сооружать себе жилище, изобрел колесо, письменность. Прорыв, радость, а потом, приобретя одно из очередных благ цивилизации, человечество вновь развивалось медленно, но только до следующего броска.

Последние десятилетия девятнадцатого столетия стали чрезвычайно интересным временем для тех, кто жил в нем, и для тех, кто наблюдает за ним через более чем столетие, – для нас с вами. Люди с восхищением следили за морскими путешествиями первых океанических лайнеров. Неуклюжие самолеты и величественные дирижабли взмывали в небо. По железным магистралям уже мчались паровозы, появились на дорогах первые автомобили. Подпирали тучи первые небоскребы. Стальные конструкции позволяли сооружать мосты головокружительной высоты и невозможной до этого протяженности. Теперь уже не надо было ждать попутного ветра, чтобы отправиться в путь, планировать путешествие по суше от одного постоялого двора до другого. Комфортабельные каюты ждали богатых пассажиров. Дома-вагоны уже вовсю стучали на стыках железных дорог. Скорость, мощь сделались объектами поклонения, самоцелью. А где есть общая для всех цель, там и возникают соревнования. Кто выше, кто дальше, кто быстрее, кто сильнее? Казалось, что человек, его тело, безнадежно отстает в развитии от собственных рукотворных созданий, что время одиночек – силачей-героев – уходит безвозвратно.

Да, на календаре еще был девятнадцатый век, но в воздухе, в пейзажах уже чувствовалось дыхание следующего – двадцатого – столетия с его сумасшедшими возможностями, достижениями, угрозами и разрушениями.

Но все это происходило в столицах, в больших городах. Совсем рядом, на обочине мировых магистралей, еще шла совершенно другая жизнь: размеренная и патриархальная. В которой, казалось бы, ничего не изменилось за последние сотни лет. Одним из таких мест на Земле была Полтавщина. Здесь по-прежнему носили украинские народные платья и сорочки-вышиванки. На головах у мужчин красовались широкополые соломенные шляпы. Вовсю звучали народные песни. И никто еще не знал, что именно здесь, в Полтавской губернии, в большом старинном селе Красеновка, 8 октября 1871 года родится самый

сильный человек на планете, один из самых известных борцов своего времени. Первенец – Иван Поддубный – появился на свет в семье потомственного запорожского казака Максима Ивановича Поддубного. После Ивана у Поддубных родятся еще трое сыновей и три дочери. Но все они если и известны нашим современникам, то лишь благодаря своему старшему брату.

Конечно же, фамилия звучала не совсем так, как ее преподносили советские и преподносят сегодня российские энциклопедии, а на украинский лад – Пиддубны. Так, кстати, все семейство и называли в селе. Но местный священник сделал запись в метрической книге по-русски – Поддубный – просто адаптировав фамилию к русскому языку.

Рассказывают, будто бы даже имя в планах было другое, родители хотели назвать сына иначе – не Иваном. Но по старой украинской традиции крестить новорожденного в церковь отправились не мать с отцом, а кум с кумою – крестные. Чтобы согреться в холодный октябрьский день, по дороге заглянули они в корчму – придорожный трактир. Выпили немного, захмелели. Когда же вновь оказались на улице с младенцем, то не сразу заметили, что просидели в корчме, рассказывая другим посетителям о своей миссии и о своем крестнике, непростительно долго. Небо затянуло тучами, солнце скрылось. Откуда же узнаешь, который час? Пришли к церкви, а священник, отчаявшийся их уже дождаться, закрыл храм на ключ и ушел по делам. Куда же было идти в таком случае куму с кумою? Правильно, вернулись в корчму и, как положено, снова выпили за здоровье и будущее счастье своего крестника. В церковь попали они уже ближе к вечеру, когда священник вернулся, чтобы служить вечерню. В головах у крестных после крепкой пшеничной горилки многое перепуталось. И когда батюшка спросил про имя новорожденного, то они его не вспомнили, как ни старались. Но не возвращаться же к матери и отцу из-за такой мелочи! Полистал священник святцы, стал называть имена. Все не то. И тут услышали они:

– … Иван…

– Точно, Иван, – приободрился кум, хотя и сам не мог сказать, почему именно это имя из святцев легло ему на сердце.

– Деда же его Иваном звали, – обрадовалась кума. – Вот и будет Иваном Максимовичем. Звучно.

– Если б дед его жив был, то нельзя было бы Иваном называть, – припомнил народную примету кум. – А если покойник, то сам Бог велел. В память преставившегося…

Вот и стал в тот октябрьский вечер с легкой руки захмелевших крестных совсем еще кроха Поддубный – Иваном…

Так оно было или по-другому, кто уже скажет? Может, и придумали позднее люди. Почти в каждом украинском селе вам расскажут подобную байку и станут клясться, что случилась она именно у них, с их жителем. Поддубный же – человек-легенда, и потому не удивительно, что стал он героем народных анекдотов. А это большая честь, не каждый подобного удостоится.

Детство Ивана проходило так же, как и у его ровесников-сельчан. Ребенком пас гусей, скот, помогал родителям управляться с большим хозяйством. Вот только силой не по годам выделялся. Но это и не удивительно – Поддубные издавна этим славились в Красеновке. Повзрослев, взялся и за мужскую работу. Пахал землю вместе с отцом, сеял, молотил. Возил зерно мешками на мельницу, а оттуда – муку. Далеко ему еще было до отца. Тот играючи брал пятипудовые мешки и легко бросал их на телегу. Через много лет, уже обладая многими титулами, в том числе став шестикратным чемпионом мира по французской борьбе, в многочисленных интервью он не устанет повторять, что единственный человек, который был сильнее его, – это отец.

Возможно, был бы с годами Иван Максимович знаменит только в своем селе, не раскрыл бы до конца заложенный в нем неповторимый талант борца. Женился бы на батрачке или в лучшем случае соблазнил бы дочь учителя или священника. Так бы и остался работать на земле, как миллионы его соотечественников, лишь на незатейливых сельских праздниках участвуя в народной борьбе на кушаках. Но судьбе было угодно распорядиться по-другому, открыть Ивану путь в большой мир, сделать его знаменитым, раскрыть данный от рождения талант. И толкнула его на эту дорогу, когда ему шел двадцать второй год от роду, как часто случается, первая неудачная любовь. Скольких великих поэтов она сотворила, сколько военачальников создала! Мужчины если и добиваются чего-то в жизни, то в большинстве случаев делают это, чтобы доказать свою значимость женщинам. Однако обо всем по порядку…

Глава 1

Как выйти из сложной ситуации и обратить на себя внимание? Иван Максимович против Максима Ивановича. Первые ставки, первая любовь, Шведские могилы, сватовство.

Солнце стояло высоко. Где-то в вышине неба заливался трелями невидимый жаворонок. С вершины пригорка было видно далеко-далеко. Синели на горизонте невысокие холмы, размытые прогретым воздухом. Белели у реки хатки-мазанки, крытые соломой и тростником. Среди них виднелось и несколько жестяных крыш: Красеновка – село богатое.

Иван вел за повод молодого коня. Всего неделя как его запрягли, приучали к работе. До этого животное жило вольготной жизнью, не зная ни упряжи, ни седла. А потому конь вел себя нервно, зло косился на Ивана, если и подчинялся, то лишь потому, что чувствовал в нем решительность и дюжую силу. Копыта глубоко вбивались во влажную землю. Молодой, непривычный к работе конь, выбиваясь из сил, тянул за собой плуг, ручки которого крепко сжимал Поддубный-старший – Максим Иванович.

– Но, пошел! – покрикивал он на коня, когда тот норовил остановиться и сорвать шершавыми губами очередной куст лебеды.

– Тато, может, хватит с него? Вспотел весь. Да и оводы заели. Вон как хвостом хлещет.

– Это он от злости, – усмехнулся Максим Иванович. – Не хочет работать. А надо. Но, пошел!

Подчиняясь богатырскому голосу, конь прижал уши и пружинисто потянул за собой плуг. Из-под блестящего стального лемеха пластами вываливался жирный, хоть на хлеб намазывай, полтавский чернозем. Максим Иванович ловко довел плуг до конца надела, кивнул сыну. Мол, берись, переворачивай, обратно пойдем.

Иван легко подхватил ручки. Плуг он не тащил по земле, а легко нес перед собой, словно тот весил каких-то полпуда. Конь, обрадовавшись передышке, успел слегка пощипать травы, но вскоре вновь раздался зычный голос Поддубного-старшего:

– Но, пошел…

Теперь, на подъем, конь тянул плуг совсем медленно, выбиваясь из сил. Вновь разворот, еще один… Иван и не заметил как село солнце, близился вечер.

– Еще три прогона сделать – и все, на сегодня шабаш, – подбодрил Максим Иванович.

Иван поглядывал на возвращавшихся с работ односельчан. Катились, пылили по проселку телеги с лежащими в них плугами. Шли жнеи. Мужики несли на плечах косы с деревянными граблями.

Конь сделал еще одну борозду. И только Иван взялся за плуг, чтобы развернуть его в обратную сторону, как животное почувствовало послабление и взбрыкнуло. Разболтавшаяся за день напряженной работы упряжь свалилась. Освободившийся конь радостно заржал и отбежал к межевой полосе, густо поросшей сочной травой.

Максим Иванович неодобрительно посмотрел на сына. Мол, упряжь ему доверена – надо было следить.

– Теперь лови.

Легко сказать «лови». Молодой конь своенравен, это не привыкший к работе трудяга, повинующийся любому слову хозяина. Он еще помнит вольную жизнь, когда им никто не понукал. Иван решительно направился к коню. Но тот держался начеку, рванул в сторону, чуть не ударив хозяина копытами, и вновь принялся за траву.

– Ах, ты так? – Иван вновь попытался взять животное силой и ловкостью, но ничего из этого не получилось.

Максим Иванович с кривой улыбкой следил за сыном, не помогал. По его разумению, каждой работе человек должен научиться сам. Тем временем возвращающиеся с работы селяне останавливались, подтрунивали над неудачливым ловцом.

– Эй! – кричал сосед Поддубных по улице. – Да разве ж настоящий казак коня своего упустить может? Не тебе на нем, а ему на тебе ездить надо.

Иван разозлился, но виду старался не подавать. Он решил действовать хитростью. Сложил ладонь так, как если бы держал в ней хлеб и, причмокивая губами, двинулся к своенравному коню. Тот, казалось, поддался на уловку, потянулся к ладони, жадно втягивая воздух ноздрями. Поддубный-младший метнулся, чтобы схватить коня за шею, но тот отпрянул, рука соскользнула с потной кожи. Не удержавшись на ногах, Иван упал на распаханный чернозем, а конь, взбрыкивая и оглашая пейзаж ржанием, побежал к дому.

Односельчане тут же отозвались дружным хохотом. А собралось их уже немало. Этот край надела проходил почти у самого села.

– Настоящий казак и из седла никогда не упадет. Ну, разве что совсем пьяный будет! – прокричал, отсмеявшись, сосед.

И вновь раздался взрыв хохота. Иван покраснел, отряхнулся от налипшей земли. Смеялись незло, никто не сомневался в

умении Поддубных быть хорошими хозяевами, но все равно было обидно.

– Отец, – тихо, чтоб слова не достигли чужих ушей, проговорил Иван. – Может, домой пойдем? Поздно уже.

– Начатое всегда доводить до конца надо, – твердо возразил Максим Иванович. – Завтра воскресенье. Работать в праздник – грех. Допахать надо. Иди за конем.

Ивану подумалось, каким дураком он будет выглядеть в глазах соседей, если примется бегать по деревне за своенравным жеребцом, но перечить отцу было нельзя. Максим Поддубный славился не только силой, но и упрямством. Если решил допахать поле сегодня, то сделает это хоть при свете луны.

Все еще красный от стыда, Иван осмотрелся. Мужского смеха он особо не боялся. Мужики, они отходчивые, посмеялись и забыли. Однако собралось и много баб, молодиц, девчат. Особо громко и заливисто хохотала Аленка Витяк. Даже постукивали крупные красные бусы у нее на шее. Не простые красные самодельные деревянные бусы, а привезенные из города. Отец у дивчины был одним из самых богатых хозяев в деревне. Этот смех словно подстегнул Ивана. Он, ничего не говоря, сбросил сорочку, подхватил развязавшуюся конскую упряжь, стянул ее, набросил на грудь и потащил за собой плуг вместо коня. Ноги вязли в мягкой земле. Лемех уперся, а затем вздрогнул, пошел, ровно вываливая пласты жирного чернозема. Максим Иванович спокойно продолжил работу, так, словно ничего особенного и не происходило. В душе он порадовался за сына – растет такой же упрямый и сильный, как и он сам.

Смех в толпе быстро поутих, хотя находились еще острословы, попытавшиеся подтрунивать над Иваном. Но на них зашикали, теперь симпатии зрителей оказались целиком на стороне Поддубных.

– Не вытянет. Один прогон сделает и спечется, – убежденно сказал сосед.

– А я говорю, вытянет, – возразил стоявший рядом с ним крепкий еще старик – крестный Ивана – и подкрутил ус.

– А давай на спор? Если вытянет, то я тебя завтра вечером угощаю.

Мужчины ударили по рукам. Иван понимал, что иной дороги у него уже нет. Надо допахать поле вместо коня, иначе оконфузишься и крестного подведешь. Он упирался, волок глубоко врезавшийся в чернозем плуг и исподлобья смотрел на сельчан. И тут его взгляд встретился с глазами Аленки Витяк.

Темные волосы заплетены в аккуратную косу толщиной с руку, конец которой доходил девушке до середины спины. Ивану

не к месту подумалось, что если волосы распустить, то опустятся они до самых широковатых бедер, а то и прикроют их. Аленка смотрела на него, задержав дыхание, явно любовалась игрой мощных от природы и постоянной тяжелой работы мышц. А посмотреть было на что. Не каждый парень мог похвалиться такой мощью. Девушка даже рот приоткрыла, отчего стала только краше. Теперь Иван смотрел исключительно на нее, медленно идущую по меже рядом с ним. И с каждым шагом работа давалась ему легче. На развороте он не стал дожидаться, пока отец развернет плуг, а сделал это сам.

– Дотянет, ей-богу, дотянет, – бормотал сосед, уже пожалев, что ввязался в спор и пообещал угощение.

Так и случилось. Сделав последний проход, Иван сбросил с себя упряжь, поднял сорочку с борозды и вытер ею вспотевший лоб.

– Ну что, сынку, теперь можно и до хаты, – Максим Иванович с теплотой глянул на то, как сын легко поднимает и устраивает на плече стальной плуг.

За спинами шагавших по улице села Поддубных, за плетнями, шептались. Мол, богатыри – отец и сын, придет время – и Иван станет знаменитым на всю округу.

Так в этот день будущий кумир публики провел свое первое публичное представление, приобрел первых зрителей и почитателей с поклонницами. Он, еще не понимая, что стал артистом, чисто интуитивно совершил то, чем издавна пользуются на сцене актеры и лицедеи на манеже. Артист должен выбрать кого-то одного из зрителей и выступать только для него. По его реакции ощущать настроение в зале. Таким зрителем в тот раз стала для Ивана Аленка…

…Воскресенье, как известно, праздник, когда самим Богом запрещено работать. Нет, конечно, можно готовить еду, мыть посуду да и печь топить. Но делать то, чем зарабатываешь на жизнь, или то, что спокойно можно сделать в другой день, нельзя категорически. Это каждый христианин знает.

С утра большинство жителей Красеновки отстояли службу в церкви, исповедались в грехах батюшке, получили отпущение и причастились, а потому могли позволить себе отдохнуть и поразвлечься с чистой совестью. Празднично одетые сельчане прогуливались по улицам Красеновки. Собирались компаниями, чтобы поговорить и обменяться новостями. Естественно, многие обсуждали и то, как вчера Иван Поддубный вместо сбежавшего коня впрягся в плуг и допахал надел. Старики припоминали, что дед Ивана в свое время тоже слыл силачом. Однажды на спор, взявши вола за рога, уложил его на землю.

Ближе к вечеру народ стал собираться на площади в центре села. Тут обычно сходились те, кто хотел померяться силой в борьбе на кушаках и любопытные. Борьба на кушаках – это старинная казацкая забава, практически бескровная, но требующая от участников умения и сноровки в рукопашном бою. Противники забрасывают друг другу за спины пояса и, держась за их концы, пытаются повалить один другого. Казалось бы, очень просто, но ведь борьба древняя, с большими традициями, просто так ее не освоишь. Необходимы тренировки, выдумка, знание приемов, а не только грубая сила и желание победить.

Зародившись в среде запорожских казаков, борьба на кушаках позже попала и в Россию, вместе с казаками, поступавшими на российскую военную службу.

Настоящим чемпионом Красеновки по борьбе на кушаках вот уже лет пятнадцать был Максим Иванович Поддубный. Мало кто решался мериться с ним силой. Но и проиграть ему не казалось зазорным. Сына своего, Ивана, Поддубный-старший приучал к борьбе с детства. В свободное время, а то и просто на поле показывал ему всякие приемы, хитрости, обманные движения, учил уходить от захватов, внезапным рывком поднимать противника в воздух, чтобы потом бросить на землю, положить на лопатки. Нередко Иван с отцом мерились силой у себя во дворе, но в народ не выходили. Ведь не было еще до недавнего времени в Иване той силы, которая бы могла уложить отца на лопатки. Однако с другими он схватывался часто и был даже в тройке сильнейших.

Любители борьбы занимали места, рассаживались просто на траве, молодежь – парни с девчатами – залезали на телеги у плетней, на бревна, где можно было незаметно для старших прижаться друг к другу, обменяться рукопожатиями, шепнуть пару ласковых слов. Некоторые стояли, лениво пощелкивая тыквенные семечки.

Посредине импровизированного сельского манежа разместились те, кто собрался померяться силой. Были среди них и мужчины в возрасте, и молодые парни, решившие блеснуть перед своими избранницами.

Максим Иванович возвышался над всеми, только сын Иван был почти под стать отцу ростом и телосложением. Мужчины, решившие посоревноваться в ловкости, стояли скинув сорочки, подставляя солнцу загорелые плечи.

– Ну, кто померяется со мной силою? – поинтересовался Поддубный-старший.

– С тобой-то мериться боязно. Проиграю, – отвечал коренастый казак, накручивая на руку широкий пояс.

– Ты, Максим Иванович, лучше сам себе противника выбери. Чтоб потом обидно не было.

– Сам – так сам.

Максим Иванович неторопливо прошелся мимо мужчин, окидывая каждого взглядом, словно мысленно укладывал на лопатки. Сделав круг, пошел по второму. Сельчане шептались. Говорить громко опасались, словно не на площади собрались, а на службе в церкви. Наконец Максим Иванович остановился напротив сына.

– А не хочешь ли ты со мной силами помериться, Иванко? Время-то твое уже пришло.

Честно говоря, вот этого, и особенно сейчас, Ивану совсем не хотелось. Ведь на него смотрела Аленка, стоявшая под самым плетнем отдельно от подружек. У других выиграл бы. А отцу проиграешь – опозоришься. А как тут выиграть? Сильнее отца мужчин в деревне нет.

– Как скажете, тата, – смирился Иван.

– Не хочешь – не будем мериться.

Но отказаться от поединка было бы еще большим позором, чем проиграть его. Публика оживилась. Аленка Витяк, раскрасневшаяся то ли от вечернего солнца, то ли от волнения, подошла поближе, смотрела издалека на парня, склонив голову набок.

– Будем меряться.

– Смотри, не проиграй.

Отец и сын размотали кушаки, сложили их пополам, забросили друг другу за спины, натянули. Некоторое время они топтались по кругу, примериваясь один к одному. Иван старался передвигаться, не отрывая ног от земли, так сложнее будет его опрокинуть. Максим Иванович не спешил, хоть его и подбадривали криками:

– Давай, Максим Иванович, давай!

Первым рванул Иван, попытавшись поднять отца в воздух, но тот словно прирос к земле, даже пятки не приподнялись. В рывок Иван вложил много сил, и теперь ему оставалось только ждать, когда в наступление перейдет отец.

Зрители загудели, предчувствуя победу старшего Поддубного.

«Ну, чего он тянет? – думал про себя Иван. – Бросил бы меня на землю. Пять минут позора – и все».

Но Максим Иванович, как и в работе, был рассудительным, ждал нужного момента. Именно этому он учил и сына: «Если чувствуешь, что не можешь одолеть противника сразу, то выматывай его, а сам экономь силы».

Отец рванул кушак на себя. На мгновение ноги Ивана оторвались от земли, он абсолютно точно почувствовал, что с ним сейчас могут сделать что угодно. Он бросил взгляд на Аленку, та кусала губы, явно переживая за него. Но тут же ступни Ивана чудесным образом вновь коснулись пыльной земли. Однако никто этого чуда не заметил, всем казалось, что благодаря своему умению Иван сумел избежать неминуемого поражения. Сын перехватил взгляд отца, тот тоже смотрел на дочку Витяка – в его глазах заблестел озорной огонек, будто он все понял и задумал что-то чрезвычайно веселое. И тут Иван сообразил, что отец просто решил поддаться ему сегодня в борьбе, но сделает это не сразу. Во-первых, не хочет портить людям праздник быстрым поражением, а во-вторых, держит марку и тем самым поднимает в цене будущую победу Ивана.

Сперва в душе парня поднялась обида. Ведь сам же отец всегда учил его, что жульничать нельзя, но потом он поставил себя на его место и понял, что сделал бы для сына то же самое. Для вида боролись долго. То один, то другой оказывались на грани поражения. Вот только никто из зрителей так и не понял, что их разыгрывают. Публика уже завелась. Люди в возрасте переживали за Максима Ивановича, а вот молодежь уже неприкрыто выкрикивала:

– Иван! Иван! Покажи силу!

И Ивану казалось, что он различает в гуле голосов тихий шепот Аленки, это придавало силы. Когда оба борца уже были мокрые от пота, когда сил оставалось совсем мало, Иван дернул за кушак, приподнял отца и ощутил, как тот сам заваливается на спину.

Победа была очевидной. Люди окружили боровшихся.

– От сына и поражение получить не зазорно, – сочувствовали Максиму Ивановичу.

– Настоящего казака вырастил!

Поддубный-старший только улыбался и еле приметно подмигивал сыну, который вмиг стал самым видным парнем на селе.

Схватки на кушаках продолжились, но Иван в них уже не участвовал. Он исподволь посматривал на Аленку, любовался ею. Девушка пару раз бросила на него быстрый взгляд. Но тут же, заметив, что за ней наблюдают, отводила глаза, опускала голову. А затем засобиралась, заспешила по опустевшей улице.

Иван знал, как бороться на кушаках, как пахать землю и сеять пшеницу. Он мог подбрасывать тяжеленные мешки с зерном, но он не знал, как подойти к девушке и сказать ей самые простые слова. Несколько раз глубоко вздохнув, он выбрался из толпы

зрителей, окруживших импровизированный манеж. Ему казалось, что все сейчас смотрят на него, понимают, куда и зачем он идет. Хотя на самом деле все были увлечены борьбой.

Аленка торопливо шагала к своему дому. Длинный подол прикрывал ноги, и Ивану казалось, что дивчина невесомо плывет над улицей. До дома Витяков оставалось всего две хаты. А Иван пока еще не решился приблизиться к Аленке, хоть та пару раз и обернулась.

– Постой, – наконец-то вырвалось у него.

– Чего тебе? – обернувшись, спросила девушка и остановилась.

Все заранее приготовленные слова мигом вылетели у Ивана из головы, он просто стоял перед Аленкой и молчал, глядя на нее и вновь представляя с распущенными волосами.

– Так чего тебе? – донеслось до него словно издалека.

– Приходи, как стемнеет, к Шведским могилам, – внезапно вырвалось у него само собой.

Сказав это, Иван повернулся и побежал по улице так быстро, что ему даже не удалось расслышать тихое:

– Может, и приду. А может, и нет.

Иван добежал до луга и упал на землю. Он лежал в траве, раскинув руки, и смотрел на солнце, клонившееся к западу. Хотя ему казалось, что оно застыло на месте и никогда не опустится за горизонт. Пахло сеном, гудели пчелы, мешались мысли в голове, мышцы еще немного ныли после борьбы, но все это казалось ощущением полета.

Наконец небо окрасилось розовым, потом багрянцем. Иван поднялся и пошел прочь от села – туда, где на фоне подсвеченного заходящим светилом горизонта высились три больших кургана. Именно их и называли в Красеновке Шведскими могилами. Разумеется, на самом деле к шведам они не имели никакого отношения – насыпали их жившие здесь в прежние времена сарматы. Но старые дела забываются, и появление курганов местное население прочно связало в сознании со шведами, потерпевшими в восемнадцатом веке поражение под Полтавой от войск Петра I. Будто бы оставшиеся в живых сносили сюда погибших на чужой земле товарищей, а потом засыпали их, таская землю в шляпах. Зачем шведским солдатам понадобилось носить грунт именно шляпами, и не проще ли было соорудить носилки, никто таким вопросом не задавался. Мол, именно так старые люди рассказывали, а им можно верить, они от своих дедов слышали, а те своими глазами видели.

Была еще легенда, что закопали шведы в одном из курганов

золотую карету Карла XII. В это тоже свято верили, но никто откопать ее не решался. Нельзя тревожить покой мертвых. Рассказывали, будто эта карета раз в год выезжает из кургана «для просушки» в лунном свете. И тому, кто увидит ее, будет в этой жизни счастье. С одной стороны, Шведские могилы считались местом проклятым, заколдованным, с другой – сюда любили приходить влюбленные. Ведь тут всегда было тихо, никто из отцов и матерей сюда не заглядывал, даже траву возле них никогда не косили, считалось, что, поев ее, скотина сдохнет. Да и напуганную страшными историями девушку проще обнять.

Иван сел у подножия кургана и смотрел на село. В окнах загорались огоньки лучин, сальных свечей, а в домах побогаче – керосиновых ламп. Вскоре темнота опустилась на землю, и Красеновка с ее огоньками стала казаться догорающими в потухшей печке угольками. Похолодало. Легкий ветер колыхал нескошенные травы. До боли в глазах всматривался Иван в темноту, пока наконец не различил приближающуюся белую фигурку, казавшуюся ему привидением. Она бесшумно плыла среди высокой, ложащейся волнами под ветром травы. Девушка замерла, огляделась, словно раздумывала – а не вернуться ли ей назад.

– Аленка, – позвал Иван и заспешил навстречу.

Он подошел и остановился. Витяк казалась ему хрупкой и почти бестелесной, хотя и была обыкновенной сельской девушкой, проводившей целые дни в работе.

– Ну, здравствуй, Иван, – выдохнула она. – Сказать чего хочешь?..

Она говорила, и было все равно, что именно она говорит. Главное – слышать ее голос, подобный песне жаворонка в небе. Иван сам толком не помнил, как взял ее за руку, повел за собой к кургану, как усадил. Опомнился, когда уже сидел рядом, так и не выпустив ее руку из своих могучих ладоней. Иван тоже говорил что-то несуразное о том, какие виды в этом году на урожай пшеницы, сколько сена они заготовили с отцом и братьями. И ни слова о том, что у него творится на душе. Он чувствовал, как иногда Аленка сжимает пальцы, словно отвечает его невысказанным словам.

– Ой, родители что подумают, я сказала им что с девчатами пойду гулять, а они, наверное, уже вернулись, – спохватилась Аленка.

– Я тебя провожу, – пообещал Иван.

Шли не по деревне, а задворками. Тропинка то и дело пропадала в темноте. Пахло тем, что растет на огородах – чесноком, луком, укропом, петрушкой, любистком.

– Ну, вот и пришли, – немного грустно произнесла Аленка.

Так не хотелось выпускать ее руку! Иван нагнулся и неумело поцеловал девушку в губы. Просто коснулся ее губ своими. Аленка отпрянула, беззвучно вскрикнула, а затем засмеялась.

– Глупый ты, глупый.

После чего, приподняв подол, заспешила к дому. Вскоре Иван уже слышал ее голос. Аленка рассказывала матери «где гуляла с подругами, что видела». И самое удивительное, ее рассказ звучал настолько убедительно, словно так все и было на самом деле.

Вернувшись к себе, Иван даже не стал заходить в дом, устроился на сеновале. Спать не хотелось. Он лежал, вдыхая запахи родной земли, смешанные с ароматами ночи. На небе горели звезды. Будущее казалось ему светлым и радостным. Ведь как же еще может быть, если он поцеловал Аленку, а она не стала противиться? Сон подкрался незаметно. Иван даже и не заметил, как провалился в него. Там он вновь оказался у кургана с Аленкой Витяк, они стояли, взявшись за руки, а навстречу им выезжала золотая карета шведского короля. Но так и не узнал Иван Поддубный, куда она должна их завезти. Проснулся от крика петуха. Нахальная птица высилась на балке прямо перед ним, хлопала крыльями и радостно кричала, встречая восходящее солнце…

…Потом еще были встречи с Аленкой – и тайные, у Шведских могил, и в селе, на глазах у людей. Теперь Иван уже не испытывал робости в разговорах с ней. Она стала для него близким, но, как оказалось, не до конца своим человеком. И вот однажды он твердо сказал отцу, что хочет посвататься к Аленке.

Максим Иванович выслушал сына и тяжело вздохнул.

– Я тебя понимаю. Красивая она, хорошая и хозяйкой стоящей будет. Но не пара она тебе.

– Почему же?

– Не пара, и все. Отец ее за тебя не отдаст. Мы не голытьба какая-нибудь, но и не сильно богатые. А он деньги считать умеет. Отдаст только за того, кто богаче его. Сам сколько раз от него слышал.

– Но любит она меня. И я ее люблю.

– Сегодня любит, завтра за другого пойдет. Женщины все такие, – не оставлял попыток образумить сына Максим Иванович. – Найдешь ты еще свое счастье.

– Зачем искать, если оно уже рядом?

Не занимать было упрямства Ивану, настоял-таки, и отец согласился заслать к Витякам сватов. Сделали все честь по чести, как заведено. Иван даже на колени перед старым Витяком стал, нагайку перед ним положил. Мол, если что, тот может и ударить

будущего зятя. Аленка подсматривала за этим из-за занавески. Витяк Ивана выслушал, с коленей поднял, только и сказал, чтобы шел во двор со сватами, ответа дожидался. Какого ответа, так и не сказал.

О чем говорили в хате дочь и отец, только они и знали. Наконец, когда Иван и его приятели устали ждать, дверь отворилась и на крыльцо вышла Аленка – бледная, как той ночью, когда она к Шведским могилам на первую встречу к нему шла. Сразу же Иван недоброе почувствовал, но не хотел об этом и думать, подбежал, шумно выдохнул.

– Ну?

Аленка не стала ему в глаза смотреть, но слезы ее Иван увидел…

Когда Иван к дружкам вернулся, только и сказал:

– Отказала.

И сразу же Иван Поддубный показался всем другим, таким, каким они его никогда прежде не видели, не знали. Куда только подевалась радость, даже жизненная сила, казалось, его покинула. Три дня он не показывался людям на глаза. То на сеновале сидел, то уходил до рассвета за село. Мать уже беспокоиться стала, хотела с ним поговорить, чтоб, чего доброго, руки на себя не наложил, но Максим Иванович остановил супругу:

– Каждый человек должен свое горе в себе пережить, пока оно из него не выйдет, как пот во время работы.

И вот однажды Иван стал перед отцом и сказал ему, что хочет податься в город на заработки. Максим Иванович, хоть и было по хозяйству еще много неоконченной работы, не стал его удерживать. Знал, что не может больше Иван жить в Красеновке. Невыносимо ему каждый день Аленку видеть и знать, что не может подойти к ней, поговорить даже не может.

– И чем заняться думаешь?

– В грузчики пойду, – не раздумывая, ответил Иван. Видно было, что все для себя он уже решил.

– В грузчики можно, силы в тебе хватает. Ты бы у наших расспросил, где и как можно устроиться. Хорошее место подсказали бы.

– А чего советоваться? Грузчики в любом порту нужны. Отпускаете?

Назавтра, расцеловав отца и мать, получив их благословение, распрощавшись с сестрами и братьями, Иван отправился в дорогу.

Мы не знаем, смотрела ли Аленка из-за занавески тайком на то, как уходит ее любимый, плакала ли. Наверное, плакала. Но, возможно, не тогда, а потом, когда узнала от других людей, что

Иван Поддубный покинул Красеновку надолго. Не знаем мы также, имел ли он точный план, знал ли, куда именно направляется, в какой город. Скорее всего, о таких вещах Иван не задумывался. Какая ему разница, где пытать счастье? Особых друзей-знакомых у него в городах не было. А работящие люди, которые не боятся трудностей, везде себе применение найдут. Где пешком, где на попутных возах и телегах продвигался он на юг. Случай мог привести его и в Одессу, и в Севастополь, и в Феодосию, и в Керчь.

Глава 2

Пять фунтов хлеба под бутылку пива. Искушение картами. Проходимцы и биндюжники. Счастливая кобыла. Геркулес, разрывающий пасть льву, и гадание цыганки. Дом у теплого моря.

Итак, 1893 год. Двадцатидвухлетний Иван Поддубный в широком войлочном пальто, войлочной же крестьянской шляпе, с самодельным саквояжем, плетенным из ивовых прутьев, в сапогах и штанах домашней работы оказался в Севастопольском порту. В планах у него было заработать много денег, вернуться в Красеновку и завоевать Аленку. Как именно это будет происходить – то ли она сама придет к нему, то ли придется бросить деньги к ногам ее жадного отца, Иван еще не знал. Но твердо верил, что главное – поставить перед собой цель, а уж добиться он ее сможет.

Разбогатеть, работая в порту грузчиком? Вам кажется это наивным и смешным? Но простаком он не был, крестьянской основательности ему было не занимать. Не забывайте об очень молодом возрасте Поддубного и о его патриархальном воспитании. Да и не слишком большие деньги нужны были, чтобы стать уважаемым человеком в Красеновке.

К тому же в то время Украина была без преувеличения настоящей житницей Европы. Миллионы тонн отборной пшеницы отправлялись морем из черноморских портов Российской империи на Запад. Миллионные суммы оборачивались через порты. Но хлеб сам в трюмы кораблей не посыплется, его надо туда еще загрузить.

Помните знаменитую песню про «Константина и шаланды, полные кефали, которые он в Одессу приводил»? Там есть и такие строчки: «…и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил…» Так вот, биндюжники – это портовые грузчики, на чьих плечах в мешках переносилась вся экспортируемая Черным морем пшеница. И получали они немалые деньги. Другое дело, что многие из биндюжников пропивали их, проигрывали в карты, тратили на проституток. Портовый город таит в себе много соблазнов и искушений. Но многие тратились по минимуму, лишь на харчи и дешевое жилье, остальное откладывали. И через год-два работы в порту могли уже позволить себе приобрести небольшой надел земли и построить незатейливую мазанку в Центральной Украине, чтобы вновь работать на земле, как это делали их деды-прадеды. Примерно так и представлял себе свое будущее Иван Поддубный.

Он и раньше бывал в больших городах, но тогда это были

лишь короткие поездки, когда не требовалось вникать в тонкости местной жизни. Однако теперь он смотрел на Севастополь совсем другими глазами. Здесь ему предстояло провести много времени, понять, чем живет порт, город, стать в какой-то мере своим, чтобы не обманули, не обокрали. Ведь иначе и мечту вернуть себе Аленку Витяк, сделать ее своей женой – не осуществить. Можно было, конечно, как и советовал отец – Максим Иванович, – отыскать односельчан, многие из которых работали грузчиками. Они бы и подсказали, где лучше всего устроиться. Но встреча с земляками неминуемо требовала рассказа о том, почему он подался в город во время полевых работ. Рассказа о сватовстве и отказе отдать за него Аленку. Гордость не позволяла Ивану пойти на такой шаг. Вот и решил он попытать счастья почти вслепую. Пусть узнают обо всем, что произошло в родном селе, но не от него.

Иван стоял в порту и присматривался к его напряженной жизни. Разношерстная, разнонациональная публика сновала во всех направлениях. Оборванцы и респектабельные господа, уличные торговцы и разносчики газет, дамы сомнительного поведения, перекупщики и ростовщики, матросы торговых судов и пассажиры… Все это беспрерывно двигалось, говорило на множестве языков. Причем движение казалось на первый взгляд абсолютно хаотичным. Но, конечно же, королями на этом «празднике жизни» были портовые грузчики. Биндюжники подходили к огромным, как курганы Шведских могил, штабелям с мешками, наполненными зерном. Товарищи взваливали каждому на плечи по два сразу. Мрачные мужчины цепочкой двигались к сходням, всходили на палубу и исчезали в трюме. Это движение было безостановочным. Даже важные господа, оказавшись на дороге у грузчика, считали за лучшее пропустить его. С такой непреодолимой энергией двигались биндюжники.

В карманах осталось еще немного из тех денег, которые дал ему отец на дорогу, и Иван решил перекусить, прежде чем двинуться на поиски работы. Он прошелся вдоль оживленной швартовочной стенки и вскоре отыскал вполне приличного вида закусочную. Как надо выбирать заведение, он уже знал – тоже отец научил. Если посетителей мало, значит, тут или плохо, или слишком дорого кормят. Если же людей много, особенно местных, значит, зайти стоит. И не потратишь много, и не отравишься.

Вскоре такое и отыскалось. Неброская вывеска с фамилией владельца возвышалась над навесом, установленным на столбах. Внутри – дешевые стулья и не покрытые скатертями столики. Иван подошел к стойке буфетчика, попросил бокал пива и пять

фунтов хлеба. Буфетчик еще переспросил, так ли понял посетителя.

– Пять фунтов? – свеженалитое пиво пенилось в стеклянном бокале.

– Ну да, пять. А что здесь такого?

– Это же целая буханка!

– Случается, я и больше съедаю, – удивился Иван.

Это была сущая правда. Он не особо любил мясо, но вот хлеба мог съесть за обедом килограмма два. За что над ним часто подшучивали. Но что поделаешь, могучий организм требовал топлива.

– Понятно, – улыбнулся худощавый буфетчик, выкладывая на тарелку буханку хлеба. – Вам порезать?

– Лучше сразу кусать, так вкуснее.

Со своим странноватым заказом Иван Поддубный устроился за столиком поближе к перилам, чтобы лучше видеть портовую жизнь. Плетеный саквояж, в котором и была-то всего смена белья, чистая, вышитая по воротнику сорочка да кусок мыла с рушником, предусмотрительно поставил на колени, чтобы не сперли. Напротив заведения как раз шла погрузка на небольшой грузо-пассажирский пароход местного сообщения. Команда помогала заносить на палубу нехитрые пожитки переезжающих на новое место горожан и крестьян. Поддубный с улыбкой смотрел на то, как двое грузчиков, ругаясь, с натугой тащат по хлипким, раскачивающимся сходням старое фортепьяно. Он бы сам в одиночку легко затащил его, лишь бы только нашлись ремни или вожжи, чтобы снести его на спине.

Иван разломил буханку пополам и стал есть, изредка запивая хлеб пивом, лишь для того, чтобы немного размочить его и суметь проглотить.

– Разрешите присесть, уважаемый? Не помешаем? – услышал он вкрадчивый мужской голос и обернулся.

У его столика переминались с ноги на ногу двое прощелыг с пивом в руках. Выглядели они «скользко». Одеты как господа, да только их модные когда-то сюртуки были подшиты на локтях кожей, обшлага и воротники лоснились от пота. Выцветшие ленты на соломенных шляпах-канотье были в подозрительных пятнах. Эти двое сильно старались показаться приличными людьми с положением в обществе, но чувствовалось, что им не всегда есть где переночевать и чем заплатить за ужин.

Иван смерил их взглядом, пожал могучими плечами.

– Присаживайтесь. Место всем найдется, – и он подвинулся ближе к перилам, чтобы освободить пространство.

Носатый прощелыга присел, отхлебнул пива и стал заученно

говорить, обращаясь к своему приятелю. Человек, более проницательный, чем молодой Поддубный, мгновенно бы почуял фальшь и понял бы, что все сказанное на самом деле обращено к нему. Речь шла о том, будто бы какой-то их приятель внезапно уехал из города, чем очень усложнил им жизнь.

– Федор – форменный дурак, – рассуждал носатый про своего отсутствующего приятеля и дул на никак не хотевшую оседать пивную пену. – Мог же кучу денег заработать.

– И что теперь делать? – возмущался краснолицый прощелыга.

– Человека всегда найти можно, – носатый покосился на Поддубного и тронул его за руку. – Уважаемый. Вы, как я понимаю, работу в Севастополь искать приехали?

– Ну, приехал, – не слишком охотно согласился Иван.

– Значит, вам крупно повезло, – с готовностью отозвался носатый.

– В чем? – удивился Поддубный.

– А в том, что судьба свела нас всех сегодня вместе. У нас для вас есть отличная работа.

– Это какая же?

– Делать вам практически ничего не придется, а заработаете много, – встрял краснолицый. – В карты играть умеете? В «очко», скажем?

– Видел, как играют, а сам не пробовал, – абсолютно искренне ответил Иван.

Носатый взмахнул рукой и жестом фокусника извлек из рукава карточную колоду, при этом стало видно, что под сюртуком нет рубашки, только манишка и манжеты. Он ловко перетасовал карты и стал выкладывать их по одной перед Поддубным.

– Напомню. Вот мы с вами, допустим, договорились играть. В идеале у вас должно оказаться двадцать одно очко. Можно и меньше, но больше – нельзя.

– Помню такое.

– Вот смотрите. У вас туз, валет и шестерка. Итого – девятнадцать. Это уже хорошие карты. И вы говорите мне «хватит».

– Хватит. Теперь берите себе, – немного втянулся в разговор Иван, но при этом не забывал отламывать куски хлеба и забрасывать себе в рот.

– Я и беру! – носатый бросил перед собой три карты и задумался. – Семнадцать. Брать еще одну – рискованно, может оказаться «перебор». И потому я, поскольку не должен был видеть, что у вас на руках, больше и не беру. Открываем карты.

Вы выиграли. Понятно?

– Не совсем. В чем моя работа?

– Вот это и есть самое интересное!

Прощелыги переглянулись.

– Мы приведем вас в одно очень хорошее место, где собираются любители поиграть в карты, и сделаем так, что вы крупно выиграете. А потом выигрыш поделим по справедливости. Вы не верите, что можно так сделать? – носатый, не дожидаясь ответа, еще раз ловко перетасовал колоду и стал выбрасывать перед Иваном по две, по три, по четыре карты.

И каждый раз в сумме получалось двадцать одно очко. Расчет прощелыг был прост и надежен. Внешность Ивана внушала доверие, никто бы не смог заподозрить в нем карточного шулера. Оказавшись за одним столом с ним, аферисты понемногу проигрывались бы, втягивая в игру честных игроков, обирая их. Потом же, обыгранные, прикинув силу Ивана, вряд ли бы решились с ним спорить.

– Видите, как все просто? – ухмыльнулся носатый.

– Как вы это делаете?

– Ловкость рук и никакого мошенничества, – расплылся в гнусной улыбке краснолицый. – Ну, еще немного математического расчета. Мы договорились? Заработок хороший, и главное, вам практически не придется ничего делать самому. Все сделаем мы. Пятая часть выигрыша остается у вас, остальное переходит к нам.

Предложение казалось соблазнительным, если, конечно, не задумываться над последствиями сотрудничества с шулерами. Подозрительно часто выигрывающий новичок обязательно привлечет внимание. В результате его или же пристукнут по дороге домой, или же он окажется за решеткой. Прощелыги же быстренько сменят Севастополь на другой город, где о них еще не слышали.

– Ну, так как? – поторапливал носатый.

– Знаете что, господа хорошие, – вымолвил Поддубный. – Идите вы отсюда, пока я полицию не позвал.

– Зачем сразу полицию? Мы же не предлагаем кого-то обманывать, – не унимался носатый.

Поддубный дожевал хлеб, глотнул пива. На пирсе тем временем происходило следующее. На борт грузо-пассажирского пароходика поднималась с пожитками семья сельчан. Перенести корзины, сундуки, мешки и свертки труда не представляло, даже телегу закатили по сходням. А вот с кобылой оказалось посложнее. Не хотела она ступать на раскачивающиеся над водой доски, сколько ни тащил ее за уздечку хозяин. Не помогали ни

грозные крики, ни ласковые слова. Животное испуганно ржало, задирая морду к небу, словно его вели не на судно, а на убой.

– Чтоб тебя волки порвали! – кричал хозяин, размахивая кнутом. – Не пойдешь, цыганам продам! На колбасу пойдешь!

Рядом уже собирались ротозеи. Кобыла от этого еще больше пугалась, шарахалась, грозя сорваться в воду.

– Ну что, договорились? – напомнил о себе носатый, перепуская карты змейкой из одной руки в другую. Он даже не глядел на них, казалось, что карты летают сами по себе.

– Не договорились, – Поддубный допил пиво, положил остатки хлеба в карман, предварительно завернув их в кусок полотна, и поднялся из-за стола.

– Зря, очень зря! – крикнул ему вдогонку краснолицый. – Подумайте, уважаемый.

А Иван уже выходил к сходням. Хозяин кобылы уже потерял терпение, особо раздражали его любопытные. Публика собиралась не только у пристани. Из открытых окон ближайшей конторы за происходящим следили уже и служащие.

– Ну, чего уставились? – зло бросал хозяин тем, кто пялился.

– А смотреть не запрещено, – нагло отвечал мальчишка с босыми ногами. – Тут город, дядя.

Хозяин еще раз ударил животное кнутом. Лошадь вырвалась. Пробежала круг и остановилась. С черных губ капала пена, грива тревожно подергивалась.

– Кто ж так со скотиной разговаривает? – мягко произнес Иван, выходя из толпы.

Хозяин кобылы тут же понял, что перед ним стоит такой же сельский житель, как и он сам, а потому смягчился:

– Да чего я уже только не пробовал! Не хочет идти на судно, хоть ты ее волоком тащи.

– Боится. Она ж моря отродясь не видела, да и шумно тут. – Поддубный сунул руку в карман пальто и протянул на ладони кобыле кусок хлебного мякиша. – Ну, иди сюда, иди…

Животное повернуло голову, некоторое время смотрело на Ивана, словно пыталось понять, можно ли доверять этому человеку, и… успокоилось, потянулось губами к хлебу, слизнуло его, доверчиво ткнулось влажным носом в ладонь.

– Все равно не пойдет, – махнул рукой хозяин. – Думаешь, я так не пробовал? Только на доску копыто поставит, сразу назад. Я и сахарком ее угощал.

– А ей и не надо копыто ставить, – Поддубный хитро прищурился. – Мы так сделаем… Ты только за вещами моими присмотри.

И он сделал то, что уже несколько раз проделывал в

Красеновке на спор с приятелями. Подлез под кобылу и поднял ее на плечи. Наперед знал, что животное не станет вырываться. Лошадь, оказавшись в непривычном для нее положении, мгновенно испуганно замерла. Тяжесть была огромная, но Иван знал – на спине можно что угодно таскать, главное – не терять равновесия. Он неторопливо двинулся к сходням. Собравшиеся зеваки ахнули, по толпе пробежал гул восхищения. Всякое можно увидеть в порту, но такое зрелище тут наблюдали впервые. Поддубный ступил на хлипкие сходни.

«Только бы выдержали», – пронеслось в голове.

Но потом тут же вспомнилось, как матросы тащили пианино, а оно наверняка весило не меньше худосочной кобылы.

– Не урони только, – испуганный хозяин от волнения взялся за голову.

– Не говори под руку, – огрызнулся Поддубный.

Шаг за шагом он преодолевал сходни, прислушиваясь к скрипу досок под ногами и гулу восхищенной толпы зевак. Плечами ощущал, как часто и неровно бьется сердце испуганного животного. Наконец нога Ивана ступила на палубу, он присел, кобыла, почувствовав под собой твердую опору, вздрогнула, неуверенно стала на все четыре ноги и, пошатываясь, подошла к борту. Только теперь собравшиеся закричали, до этого боялись спугнуть лошадь. Под эти крики Иван и спустился с корабля, снял шляпу, вытер ею вспотевшее лицо.

– Сколько я тебе должен? – хозяин кобылы беспорядочно шарил по карманам.

– А нисколько. Мы же с тобой ни про что не договаривались, – пожал плечами Иван.

– Нельзя так.

– Можно, – усмехнулся Поддубный.

Ему грело сердце восхищение людей, признавших его успех, от этого даже слегка кружилась голова. Зеваки неторопливо расходились. Из-за парапета питейной на Поддубного таращились носатый с краснолицым. От увиденного они даже позабыли о своем предложении, так их впечатлило зрелище. Из здания конторы к Ивану торопливо шел худощавый мужчина в клетчатом жилете, на локтях у него лоснились черные сатиновые нарукавники. Маленькие стеклышки очков поблескивали на солнце.

– Вас как зовут? – спросил он, взмахнув правой рукой, на пальцах которой виднелись чернильные пятна.

– Поддубный я – Иван Максимович, – проговорил силач.

– А моя фамилия Тапузидис, – представился мужчина. – Управляющий местным отделением греческой фирмы «Ливас», –

и обернулся на здание конторы.

Поддубный сразу же понял, что это его шанс, почувствовал, что судьба сама ведет его правильным путем. Не зря же появилась в порту пугливая кобыла. Не зря еще в Красеновке он на спор носил на плечах коня. Вот только нужно правильно понимать эти знаки судьбы, связывать их между собой, ведь она коварна и часто подсовывает всякие искушения типа тех двух прощелыг в питейном заведении.

Тапузидис глядел на Поддубного, как смотрят на понравившуюся на рынке вещь, разглядывал так, что Иван даже смутился. Не принято такое в селе.

– Геракл, настоящий Геракл! – восхищенно проговорил грек.

– Какой еще Геракл? – не понял Поддубный.

Он смутно припоминал о том, что про какого-то Геракла в приходской школе после занятий говорил священник с детьми, но кто он такой, так и не всплыло в памяти. Тапузидис охотно пояснил, причем сделал это без всякого выпячивания своей образованности, словно рассказывал, как пройти к нужной улице:

– Геракл – это древнегреческий герой. Силач. Самый сильный из всех живших на Земле. Он льву пасть голыми руками мог разорвать и, кстати, разрывал.

– Так я ж не разрываю, – усмехнулся Поддубный. – Зачем льву пасть рвать? Пусть живет.

– А знаете, как Геракл стал таким сильным? – спросил и тут же продолжил грек: – Еще мальчишкой он брал на плечи теленка и каждое утро оббегал вокруг городских стен. Теленок рос, становился тяжелее, и уже подростком Геракл спокойно носил быка на себе, бегал с ним вокруг города. Вот так совершаются великие дела. Вам бы в цирке выступать.

Иван улыбался, представив себя с быком на плечах. Тапузидис сделался серьезным:

– Вы, Иван Максимович, – перешел он на вполне официальный тон, – наверное, работу в Севастополь приехали искать? – он покосился на плетеный саквояж с нехитрыми пожитками.

– Сильно заметно? Да, есть такое, на заработки в город подался.

– Тогда лучше и не ищите. Считайте, что уже нашли. Согласны работать грузчиком на фирме «Ливас»? Если хотите, можете о нас справки навести. Репутация у нас безупречная. Лучшей не найдете.

– Слыхал о ней. Парни, которые в Одессе работали, хвалили. Сказали, им все до копейки выплачивали.

– Вот видите. Сколько вы рассчитываете зарабатывать?..

Иван и сам этого не знал.

– Как все, – слегка растерявшись, ответил он.

– Себя ценить надо. Знать свою цену. Это как на базаре, привезли товар – сами цену и устанавливаете. Много взять захотите, никто не купит, даже если товар хорошим будет. Мало попросите – прогадаете. Ну, так сколько? Вы же вдвое больше обычного биндюжника поднять можете.

– В порту грузчики артелями работают, – показал свою осведомленность в этом вопросе Поддубный. – Что заработали, на всех поровну делят. Когда кто работает спустя рукава, с тем сперва поговорят, а потом, если не поможет, сами и прогонят. Если из-за меня хотите кого выгнать, то я сразу не согласен. Захотят ребята меня к себе взять, тогда другое дело.

Тапузидис с уважением посмотрел на Поддубного, люди с принципами ему нравились.

– Тогда пошли. Сами спросим, – было видно, что он привык решать вопросы быстро, с ходу.

Иван еле поспевал за шустрым греком. Тот умудрялся идти быстрее всех, буквально просачивался сквозь портовую суету, проскальзывал между людьми. Широкий же в плечах Иван застревал. Он привык к сельскому простору, когда можно идти свободно, когда никто не стоит у тебя на пути. Тапузидис словно испытывал того, кого хотел нанять на работу, будто хотел узнать, способен ли Поддубный приспособиться к городской суете. Ведь здесь без этого никак нельзя.

– Пьянством не страдаете? – спросил он, вновь оказавшись рядом с Иваном. – А то, знаете ли, многих крепких мужчин мне пришлось повидать. Слабые у нас не работают. Вот только водка сильнее многих оказалась.

– Выпить могу, но без разгула.

– Это хорошо. Вот мы и пришли.

У стенки чернела громада парохода. На мостовой высился штабель с мешками. Бригада грузчиков – человек двадцать – устроилась прямо на них. Биндюжники перекусывали. Завидев управляющего, мужчины торопливо дожевывали, поднимались, здоровались с уважением. Грек тут же перешел к делу:

– Вот, – указал он на своего спутника. – Поддубный Иван Максимович. Хочет узнать, возьмете ли вы его к себе работать?

– А чего он умеет? – тут же раздался закономерный вопрос.

– Да все умею, – Иван развел руками.

Тут же кто-то из грузчиков припомнил:

– А это не ты кобылу на пароход занес?

– Ну я. А что? Надо было, и занес.

Такой ответ почему-то позабавил суровых портовых

грузчиков. Раздался хохот. Поддубный почувствовал, что просто взять сейчас три мешка с зерном и бегом занести на судно – это не демонстрация его возможностей. Следовало удивить народ. Он расставил ноги пошире, развел руки в стороны.

– А ну подходи, цепляйтесь, сколько сможете.

Замешательство длилось совсем немного. В чисто мужских компаниях в чести смелые дерзкие забавы.

– Чего уж тут, посмотрим на твою силу.

Крепкие мужчины один за другим висли на расставленных руках Ивана. Больше четырех повиснуть уже не могло, не за что уцепиться.

– Эх вы, я бы и шестерых унес, – поддел биндюжников Иван и понес живой груз к кораблю.

Донеся до сходней, он просто стряхнул людей, поведя широкими плечами. Очередное представление возымело свое действие. Так Иван Поддубный подписал первый в своей жизни контракт, официально став портовым грузчиком греческой фирмы «Ливас». Произошло это в душной комнатушке с пыльным окном. Конторщик вслух прочитал содержание контракта и положил лист перед Иваном:

– Все понятно?

– Контракт такой, как и с остальными? – только и спросил он, а получив утвердительный ответ, подышал на пальцы, макнул ручку со стальным пером в чернильницу и старательно вывел внизу свою фамилию.

Работа была не из легких. Однако четырнадцатичасовой рабочий день не казался таким уж долгим – в селе Иван привык работать вообще от рассвета до заката. Тяжелые мешки с зерном казались легче, чем были на самом деле. Ведь сердце Поддубного грела мысль, что он заработает много денег, приедет в Красеновку и непременно вернет себе Аленку Витяк. Потому много он не тратился, почти все, что получал в конце недели, откладывал. Ассигнации всегда держал при себе. Даже несмотря на то, что Тапузидис предложил ему воспользоваться собственным конторским сейфом. Не то чтобы Иван не доверял греку, просто так было спокойнее, когда он в любой момент мог потрогать, посмотреть на деньги, которые приближали его к исполнению заветной мечты. В письмах домой к отцу он специально не спрашивал об Аленке, боясь получить весточку, что она, не дождавшись его, вышла замуж. Максим Иванович в ответных письмах тоже ни словом не обмолвился о его избраннице. Писал о хозяйстве, здоровье родственников, интересовался жизнью в городе – в основном ценами на рынках.

Жил Иван, опять же из целей экономии, с другими

грузчиками в бараке, расположенном сразу за территорией порта, хотя по деньгам мог позволить снимать на пару с кем-нибудь комнату в городе, как делали некоторые другие биндюжники. В этом барачном житье было всего лишь два плюса – дорога в порт близкая и дешевизна. В остальном же одни неудобства. Когда неженатые мужчины живут тесно, неизбежными становятся пьянство, столкновения между ними. Всегда находился кто-нибудь, кто пьяным возвращался посреди ночи и вспоминал старые обиды на товарищей. Иногда доходило до драк и поножовщины. Биндюжники – народ суровый. Вот тогда и пригождалась сила Поддубного. Приходилось вставать и успокаивать дебоширов. Обычно он просто выставлял их на улицу, мол, там делайте что хотите, хоть поубивайте друг друга, а тут не мешайте приличным людям отдыхать после работы. Особо компанейским Поддубный не был. Для того чтобы не сильно выделяться среди остальных, иногда выпивал вместе с другими грузчиками, но головы при этом никогда не терял. А на предложения позабавиться с распутными девицами неизменно отвечал, что у него в селе есть невеста и глупостями ему заниматься некогда, да и ни к чему. Вот только курить начал, возможно, для того чтобы казаться постарше.

Изредка ходил в городской парк. Но там ощущал себя не в своей тарелке. Неуютно, когда ты в крестьянской одежде, а вокруг расфуфыренные горожане прогуливаются, косятся на тебя.

Время для Ивана словно бы остановилось. Изо дня в день происходило одно и то же. Четырнадцать часов он смотрел себе под ноги, чтобы не споткнуться и не загреметь вместе с тяжеленными мешками, затем – неуютный барак и сон. Выходные он любил проводить возле моря. Теперь ему казалось, что он и вырос на морском берегу. Такими же родными, как и полтавские пейзажи, ему стали водный простор, волны, крики чаек.

Однажды воскресным вечером Поддубный, выбравшись за город, сидел на морском берегу, завороженно глядя на горизонт, за которым скрывались другие – не такие уж и далекие – страны и земли. По кромке прибоя шла женщина, уже издалека можно было понять, что это цыганка. Цветастое, развевающееся на морском ветру платье с глубоким вырезом, непокрытая голова. Издалека она казалась молодой, полной сил. Так легко и грациозно шла, ступая босыми, загорелыми до черноты ногами по песку. Но когда она подошла поближе, то стало видно, что она старуха, а лицо ее испещрено глубокими морщинами, как рассохшаяся земля трещинами. Цыганка уверенно направилась к Ивану, посмотрела прямо на него, стараясь встретиться взглядом – так никогда не сделает украинская или русская женщина.

Славянка будет избегать смотреть прямо, а постарается как-нибудь незаметно и ненавязчиво привлечь к себе внимание.

Иван и раньше сталкивался с цыганками-гадалками, умел их отваживать, а потому уже приготовил пару обычных для таких ситуаций фраз. Знал, что не стоит смотреть им в глаза. Заворожит вмиг, воли лишишься, сам отдашь все, что у тебя с собой есть. Цыганка криво улыбалась, подошла, остановилась в шаге от смотревшего на горизонт Ивана и произнесла на удивление молодым голосом, даже не поздоровавшись:

– Не обидь бабушку. Дай папироску.

Ни одна из приготовленных фраз по ситуации не подходила, а потому Поддубный искренне удивился:

– Откуда знаешь, что я курю, к тому же именно папироски?

– А я все на свете знаю, – ухмыльнулась старуха-цыганка, обнажив ровные, пожелтевшие от времени зубы.

Иван полез в карман, вытащил папироску, чиркнул спичкой, прикрыв огонек широкой ладонью от ветра. Курил он мало, а потому мог позволить себе не самокрутки, а дорогие фабричные папиросы. Цыганка сноровисто прикурила, выпустила дым через нос – его тут же подхватил, понес ветер.

– А в глаза мне чего не смотришь? Боишься? – спросила она с легким смешком. – Такой большой, сильный, а старухи боишься. Выходит, знаешь, что настоящая сила не в руках, а здесь, – она прикоснулась пальцами к глазам. – Во взгляде она.

– Никого я не боюсь, – пожал плечами Поддубный. – Попросила папироску, я дал, ну так и иди своей дорогой. Берег большой. Чего рядом стоишь? Погадать мне все равно не соглашусь. Не верю я в цыганское гадание. Обман один.

– А тебе никто и не предлагает погадать, – засмеялась цыганка. – На сегодня я уже свое за деньги отгадала. Больше мне нельзя. Иначе сила пропадет, – и она мелко потрясла юбкой, сжав край подола в пальцах. Монеты веселым звоном отозвались в потайном кармане. – А за то, что ты бабушку уважил, папироской угостил, я тебе и без денег погадаю. Не нужны мне твои монеты. Своих хватает.

Иван колебался, знал, что гадалки горазды на всякие хитрости и их словам верить нельзя.

– Все равно, не надо гадать. Лишнее.

– Боишься, значит. Ты мне в глаза посмотри.

Поддубный поднял голову, взгляды старухи и молодого мужчины встретились.

– Веришь, что бояться тебе нечего? Плохого не сделаю.

– Теперь верю, – почему-то появилась у Ивана такая уверенность, и он протянул ладонь.

– А мне рука твоя не нужна. Мне глаз твоих достаточно, – взгляд цыганки стал каким-то странным, словно смотрела она сквозь Ивана. – Вижу, – наконец произнесла она. – Станешь ты большим человеком. Императоры с королями будут считать за честь за одним столом с тобой сесть, руку тебе пожать…

Звучало как какой-то бред. Никогда не думал о подобном Иван. Конечно же, он мечтал стать достаточно богатым, известным хозяином в округе родного села Красеновки. Но о том, чтобы российский или австрийский императоры принимали его во дворцах, такое и в мыслях не возникало. А цыганка тем временем вещала потусторонним голосом:

– …много друзей у тебя в жизни будет, но много и недругов. И большие деньги они на твою жизнь поставят. Вот тогда и вспомнишь меня. Осторожным будь, хитростью на коварство ответь, тогда и спасешься.

– Жена у меня какая будет? – решил спросить уже о земном-реальном Поддубный.

– Одно сказать могу. Любимая жена у тебя будет. И проживешь ты полжизни с любимой женой на берегу синего моря, – цыганка прикрыла глаза. – Все будет в жизни твоей. И богатство, и слава, и нищета с презрением. Все испытаешь.

Старуха глубоко затянулась папиросой, огонек пыхнул и полетел по ветру.

– Все, больше ничего не скажу. Погасла, – цыганка словно вернулась с того света, весь ее потусторонний вид улетучился.

Перед Иваном вновь стояла старая проходимка, готовая дурить простаков на базаре.

– Давай, хоть сколько тебе заплачу, – предложил он.

Поддубного порадовало не то, что ему предстоит якшаться с императорами и королями, в это он не верил, а весть о любимой жене. Он без сомнений решил, что ею станет Аленка. Его даже не смутило и то, что полжизни они проведут вместе у синего моря, до которого от Красеновки далеко.

– За что деньги плачены, то не сбывается. А если от души, то сбудется, – серьезно произнесла старуха, повернулась и вновь зашагала по кромке прибоя.

Заходящее солнце золотило ее пестрый наряд.

После этого случая Ивану стали изредка сниться странные сны. Словно видел он какие-то незнакомые ему города, ходил по ним, слушал чужую речь. Никого он не знал в тех местах, а вот его самого узнавали многие, издалека здоровались, норовили руку пожать. И не императоры это были с королями, а обычные люди.

Немного скрасила однообразность жизни поездка на

Рождество в родные места. Отец, хоть и выглядел уставшим и даже немного постарел с виду, но на жизнь не жаловался, бодрился перед сыном. Иван нарочно перед самым отъездом из Севастополя купил себе городскую одежду. В ней и приехал, думал показаться Аленке на глаза, чтобы она и ее отец поняли, насколько хорошо у него идут дела. Но только раз прошелся под окнами дома Витяков Поддубный в этом наряде. Когда узнал, что Аленка на праздники уехала к родственникам матери, то уже не рисовался, а переоделся в то, в чем раньше по селу ходил. Перед отъездом отдал он отцу свои деньги на сохранение.

Так и не повидав ту, ради которой отправился на поиски счастья, он поехал назад в Севастополь. Иван и сам не мог сказать почему, но о цыганке и снах он ни отцу, ни матери рассказывать не стал.

Глава 3

Новый город – новые знакомства. Соседи и летающие гири. Иногда неплохо знать французский язык. Проститутка и шествие атлетов. Ловкость рук и никакого мошенничества. Магия цирка – выход на манеж не может быть скучным.

Теперь уже дорога к морю не показалась Ивану такой долгой. Когда не в первый раз проезжаешь одни и те же места, то расстояния в восприятии человека становятся короче. Узнаваемое место проехать – это то же самое, что знакомого по дороге встретить и поговорить по душам. Поддубный даже отмечал в мыслях, где в каком селе хозяин успел новый хлев построить, где крышу перекрыть или новый плетень заплести.

По приезде в Севастополь Ивана ждала новость. На второй день работы Тапузидис вызвал его в контору. Поинтересовался, как на родину съездил. Но Иван понимал, что не ради этого его позвали. Грек по своей привычке пустыми разговорами не занимался, почти сразу и перешел к делу. Фирма «Ливас» расширяла свой бизнес. Грузопоток через феодосийский порт увеличился вдвое. Там срочно требовались грузчики. Сразу набирать людей с улицы – опасно. Пока артель сработается, пока в ней выявятся настоящие лидеры, умеющие держать порядок, нужно время, за которое черт знает что может случиться. Вот и решили владельцы «Ливаса» создать из грузчиков Севастополя этакое ядро новой артели в Феодосии, чтобы задать тон и темп в работе вновь набранных биндюжников.

Ивана вполне устраивало предложение сменить один порт на другой. В Севастополе его почти ничего не держало – настоящими друзьями он тут не обзавелся. В Феодосии ждали его все те же четырнадцать часов изнурительной работы в день, те же мешки с зерном. Но на новом месте платить обещали несколько больше и давали деньги на переезд с обустройством. И это решило дело, Поддубный согласился. Переезд для Ивана не оказался хлопотным. Все его имущество спокойно умещалось в том самом плетенном из лозы саквояже, с которым он появился в Севастополе.

Все портовые города похожи друг на друга, пусть не архитектурой, но духом. В каждом из них чувствуется энергия, чувствуется влияние больших денег, которые в них крутятся. Их переполняют приезжие, прибывшие работать на стройках, в порту. Сюда же стекаются и искатели приключений, жулики всех мастей, аферисты. Портовые города почти никогда не спят, по ночам работают увеселительные заведения, кафе, рестораны,

игорные дома. Приезжему из провинции тут легко растеряться.

На этот раз Поддубный решил не повторять своей единственной ошибки, совершенной в Севастополе. Жить в бараке – утомительно. Такой «отдых» порой выматывал больше, чем работа. Теперь он решил снять квартиру. Не отдельную, конечно, а просто комнату, чтобы иметь свой угол в шумной Феодосии. На обустройство на новом месте греческая фирма выделила ему три дня. Поддубный, переодевшись в порту поприличнее, отправился с утра в город. Теперь он уже не выглядел инородным телом – провинциалом, приехавшим на заработки. Ходил, не озираясь по сторонам, от экипажей не шарахался.

Ивану хотелось найти комнату поближе к порту, но, пройдясь по близлежащим кварталам, сразу понял, что это жилье ему не по карману, а потому двинулся по улицам в глубь города. Улочки старой Феодосии забирали вверх к Митридатовой горе, откуда еще во времена Древней Греции и начинался город. На фоне выжженных солнцем холмов высились полуразрушенные крепостные башни бывшей генуэзской фактории.

Понять, сдается ли в доме комната или квартира, было легко. Хозяева просто приклеивали на окно листок бумаги – ходи, выбирай. Вот так и оказался Поддубный в тесном дворике двухэтажного дома. Балкон-галерея опоясывал его, опоры густо увивала виноградная лоза, на веревках ветер полоскал белье. Чувствовалось, что здесь живут тихо. Даже тощие южные коты, бродившие под стенами, сложенными из местного ракушечника, не мяукали. Из других живых существ здесь присутствовала только старуха. Она сидела на вынесенном во двор видавшем виды стуле и неторопливо вязала, бросая короткие взгляды на пришельца-силача. Клубок грубых шерстяных ниток лениво перекатывался в картонной шляпной коробке. На втором этаже как раз белел приклеенный к окну квадратик бумаги.

– Комнату себе ищете? – не прерывая занятия, проговорила старуха.

– А вы – хозяйка? – Поддубный указал взглядом на окно с бумажкой.

– Она самая.

О цене договорились быстро. Хотя Поддубный чувствовал, что можно было бы сбить еще, но торговаться он не умел. Его комната находилась в небольшой квартирке, куда провела его хозяйка. В зале, как называла старуха большую проходную комнату, стоял круглый стол, на стене тикали часы-куранты. У дальней стены стояли две аккуратно застеленные кровати с горками подушек: мал мала меньше. Над ними висела длинная самодельная полка, заставленная книгами и иностранными

журналами.

– Тут у меня двое молодых людей квартируют, – рассказывала хозяйка. – Очень, кстати, приличные и достойные люди. На мореходных курсах учатся. Когда с занятий придут, уже сами познакомитесь.

– А как же иначе? С соседями всегда ладить надо.

Хозяйка провела Поддубного в его комнату, располагавшуюся сразу за залом. Тут было тесно. Рослый, широкий в плечах Иван если бы расставил руки, то смог бы сразу дотянуться до противоположных стен. Мебели стояло немного. Кровать, стул, тумбочка да небольшой столик. Короткая – на три колышка – настенная вешалка украшала стенку.

– Гардероб у меня в зале, – предупредила старуха и тут же предложила: – За отдельную плату можете и столоваться, как ваши соседи. Готовлю я отлично. Не пожалеете.

– Что ж, и это меня устраивает. Только хлеба я ем много.

– У меня есть определенные правила, – хозяйка говорила строго. – Барышень не водить. Возвращаться до полуночи. Не пьянствовать. Если не уверены в себе, то лучше поищите другую квартиру.

– В себе я полностью уверен, – пообещал Иван.

Устроившись, Поддубный пошел знакомиться с городом. Вернулся уже вечером, когда безлюдный до этого дворик ожил. Оказалось, что населяют его исключительно мужчины. Наверное, это было еще одним неозвученным правилом старухи.

Зайдя в зал, Поддубный увидел двух молодых людей, сидевших у стола за ужином. Один был высоким, статным, с короткими усиками. Второй – коренастым, чисто выбритым.

– Вкусно вам поесть. Я ваш новый сосед, – произнес Иван и представился.

– Нас хозяйка уже предупредила. Николай, – пружинисто поднялся и назвался обладатель усов, пожав Поддубному руку.

– Петр, – подал ладонь коренастый.

Рукопожатие у Ивана было крепким, иногда, здороваясь, он забывался, и тогда люди даже вскрикивали от боли. Но на этот раз он пожал руки своим соседям аккуратно.

– Присаживайтесь, – Николай указал на стул.

Только сейчас Поддубный заметил, что стол накрыт на три персоны. Он устроился на предложенном ему стуле и сразу растерялся. Иван привык есть «по-простому», ломая хлеб руками, орудуя одной ложкой. А тут перед ним стояли три чистые тарелки, поблескивали начищенные ложка, вилка, столовый нож, лежала накрахмаленная полотняная салфетка. Поглядев на учеников мореходных классов, он сообразил, что следует делать с

салфеткой, и неуклюже затолкал ее край себе за воротник, затем покосился на фаянсовую супницу, из которой торчал половник.

– Наливайте, Иван, – подсказал Петр. – Борщ сегодня отменный.

Поддубный брал супницу в руки осторожно, словно боялся раздавить ее, как яичную скорлупу. Налил полную тарелку огненного борща, в котором плавала мозговая косточка, взял тонкий ломтик хлеба. Однако есть бесшумно, как соседи, у него не получалось, все равно прихлебывал, а потому остановился и даже покраснел. Николай сочувственно посмотрел на соседа:

– Вы не тушуйтесь. Неумения не надо стесняться. Всему когда-нибудь приходится учиться впервые. У меня тоже, пока маменька научила вилкой и ножом управляться, до слез доходило.

Приободренный Иван улыбнулся и уже спокойно доел борщ. Поднял ломтик хлеба, посмотрел сквозь него на окно.

– Тонко режет. Даже просвечивает. Экономит?

Николай с Петром деликатно улыбнулись непосредственности Поддубного. Пришедшая чуть позже хозяйка убрала посуду. Разговор не клеился, чувствовалось, что ученики мореходной школы привыкли обсуждать вещи, о которых Иван не имел ни малейшего понятия. Для приличия немного поговорив «о жизни», Поддубный пожелал спокойной ночи и отправился спать.

Железная кровать безбожно скрипела под мощным телом Ивана, а потому приходилось лежать не двигаясь. Ему куда сподручней было бы спать на сеновале. Да где ж его тот сеновал в городе найдешь? Из-за двери доносились тихие голоса соседей. Ученики обсуждали спектакль, на который ходили в прошлое воскресенье. Многие слова Поддубный слышал впервые и даже не понимал их смысла. Он практически впервые столкнулся с другим миром, который существовал рядом с ним, был чем-то враждебным, но в то же время и притягательным. Тут же вспомнилась история про Геракла, рассказанная ему греком Топузидисом.

«А сколько всего другого есть на этом свете, о чем я не имею ни малейшего представления? – подумал Иван. – Это как с местом, где живешь. Сперва, в детстве, кажется, что мир кончается за селом. Потом узнаешь, что есть другие села, города, в которых живут люди. А ведь есть еще и другие страны, другие земли…»

С такими мыслями он и заснул.

Спать можно было бы долго, завтра еще один свободный день, а там уже в порт, на работу. Но дом, населенный одними мужчинами, просыпался рано. Уже с рассветом послышались

перезвон ведер, хлопанье дверей. В открытую форточку врывался свежий морской ветер, гудки пароходов, перестук колес. Соседи уже встали. Поднялся бы и Иван, но не хотел мешать им собираться. Поняв, что Николай с Петром уже оделись и вышли, Поддубный легко вскочил со скрипучей кровати.

Во дворе он застал несколько странную картину, на которую никто из жильцов не обращал особого внимания. Видно, подобное происходило здесь ежедневно. Двое его соседей по квартире расположились посреди двора одетые в одинаковые костюмы – полосатые тельняшки-безрукавки и полосатые же спортивные трусы. Между ними лежали на подстилке две пары гантелей. Парни же ловко перебрасывались небольшими гирями с ручкой.

– Раз, два, три! – скомандовал Николай, бросая гирю.

Бросил свою и Петр. Вращающиеся в полете гири разминулись в воздухе. Спортсмены словили их одновременно. И вновь прозвучало:

– Раз, два, три!

Поддубный смотрел на соседей с балкона, облокотившись на перила.

«Ловко у них выходит!» – подумал он.

Затем парни перешли к другим упражнениям. Укладывались на землю и, заложив руки за головы, опускались-поднимались. Они поднимали гантели, причем делали это не просто, а так, словно бы хотели продемонстрировать публике свои хорошо натренированные мышцы, хотя из всех заинтересованных зрителей в наличии имелся только Поддубный.

Николай запрокинул голову, увидел, что за ним наблюдают, и крикнул:

– Доброе утро, Иван, присоединиться не желаешь?

Заинтересовавшийся Поддубный спустился во двор.

– Легковатые у вас гирьки, – прищурился Иван. Он, как большинство сельских жителей, почти никогда не говорил «здравствуйте», «добрый день», а начинал встречу с какой-нибудь бытовой фразы.

– Дело не в весе, а в ловкости, – усмехнулся Петр, подхватил гирю и несколько раз ее подбросил, поймал в воздухе, даже не глянув на нее. – Сможешь так? – он абсолютно органично окончательно перешел в общении на «ты».

– Попробую.

Гиря показалась Поддубному почти невесомой, в ней не было и пуда. Он легко подбросил ее, закрутив в воздухе, а вот словить не сумел. Николай еле успел убрать ногу, на которую она должна была приземлиться.

– Видишь? – Николай несколько раз повторил трюк, а потом

стал поднимать – выжимать гирю над головой. Его мышцы рельефно переливались под загорелой кожей.

– Чем это вы занимаетесь? – поинтересовался Иван.

– Гимнастика, атлетизм, – пояснил Петр. – Тренируем мышцы, с утра разминаемся, даем себе нагрузку, потом весь день бодро себя чувствуем и хорошо выглядим.

– Баловство это все, – сказал Иван. – Зачем мне с утра гири таскать, если потом в порту я целый день мешки бросать буду? А один мешок, как десять ваших гирь весит.

– Ну-ка, сделай вот так, – Петр продемонстрировал, как именно надо сделать.

Он сжал кулаки, согнул руки к плечам, напрягся. Все мышцы торса и рук обозначились, бугристо прорисовались под кожей, а потом несколько раз Петр прогнал по животу «волну». Несколько раз картинно повернулся. Иван сбросил через голову сорочку, повторил, как умел. Получилось совсем неграциозно.

– Вот видишь, – втолковывал Николай. – У тебя силы хватает. Тут вопросов нет. Но когда ты в порту работаешь, у тебя задействованы только определенные группы мышц. Вот и развиваются они непропорционально. А надо давать равномерную нагрузку на все группы. Тогда будет гармония. Это еще древние греки поняли, они и разработали первые системы тренировки. У них это настоящий культ был. Атлетов боготворили, считали такими же героями, как и героев войны.

– Это как Геракл, что ли, который с детства теленка на плечах по утрам носил? – уточнил Иван.

Николай с уважением глянул на Поддубного. Далеко не каждый биндюжник знал о древнегреческом герое и о том, как он наращивал себе мышцы.

– Я сейчас принесу. Время у тебя есть?

Николай сбегал в комнату, принес толстый журнал, на обложке которого был изображен какой-то силач в облегающем трико с голыми ногами. Он стоял, словно изваянный из камня, гордо подняв голову, грудь его наискосок покрывала шелковая лента с надписью.

– Французский журнал по атлетизму, – пояснил Николай. – В Европе сейчас атлетизмом многие увлекаются. А у нас это увлечение только начинается. Посмотри.

Поддубный не умел бегло читать и по-русски, не то что по-французски.

– Французского я, конечно же, не знаю. Ничего не пойму, – крутил он в руках тяжелый журнал, изданный на хорошей бумаге.

– А тут и не читая все понять можно, – Петр стал листать страницы.

Рисунков было много, по нескольку на каждой странице. Иногда они покрывали даже все ее пространство.

– Тут показано, как нужно делать упражнения для развития разных групп мышц, – пояснял Петр. – А вот здесь приемы борьбы.

Упражнения на развитие разных групп мышц особо Поддубного не заинтересовали, он по-прежнему считал это пустой забавой, а вот рисунки, изображавшие сражающихся борцов, сразу же привлекли внимание. Вспомнилось, как боролись на кушаках в Красеновке, повеяло родным и близким. Вот только борцы на рисунках действовали не по правилам, и кушаков у них не было. Но Иван прекрасно понимал – сколько существует стран, сколько народов – столько и правил.

– Если хочешь, бери, смотри, – предложил Петр. – У нас там еще несколько номеров этого журнала.

Вроде бы обычное происшествие, обычный разговор с соседями по квартире, но это вновь было одно из звеньев цепи судьбы, которая вела Ивана Максимовича по жизни. Вечерами он иногда брал журналы, листал их, рассматривал рисунки, сравнивая приемы знакомой ему борьбы на кушаках с приемами из французского журнала. Теперь уже в его комнате по вечерам часто и подолгу горел свет. Даже хозяйка замечание сделала.

В порту Иван теперь иногда развлечения ради шел к большим весам и для товарищей по работе показывал, как можно бросать гири. При этом всегда использовал самые большие – двухпудовые. Но пока это было лишь слабое и несерьезное увлечение портового грузчика, все еще мечтавшего заработать побольше денег, вернуться в родное село и «забрать» себе Аленку. Правда, образ любимой девушки стал для него уже каким-то далеким, почти прозрачным и нереальным, как тогда, в ночи, когда он увидел ее, идущую к Шведским могилам. Думал о ней? Думал. Но встретив, не знал бы, что и сказать.

Настоящий перелом в судьбе Поддубного случился позже, и произошло это так…

В один из дней он отправился после работы прогуляться вдоль моря. Слушая удары волн, крики чаек, так приятно думалось о родных местах… Хорошо в Феодосии, но дома лучше. Вспоминалось, как земля вываливается из-под лемеха черными жирными пластами, как подскакивает борона за конем, разрыхляя их, как летят с широкого размаха зерна, чтобы подняться потом ровной зеленой щеткой молодых еще ростков, как наливается изо дня в день пшеница, как желтеют колосья.

На променаде было людно. Ивана не искушали ни питейные, из которых неслись громкие голоса подвыпившей публики, ни

призывные взгляды продажных девиц. Одна из них даже сама сделала к нему шаг и проворковала:

– Господин хороший, позабавиться не желаете?

– А у меня и так жизнь веселая, – как-то сразу же, не задумываясь, ответил Иван.

– Всегда может быть еще веселее, – не унималась проститутка.

Она была еще совсем молодой и, как понимал Поддубный, не до конца испорченной.

– Ну, так как? – прозвучал вопрос.

– Такие штучки со мной не проходят.

На променаде, где прогуливалась публика, ощущалось какое-то новое движение. Рядом с Поддубным и девицей с криками пробежали мальчишки. Впереди виднелась толпа, послышалась духовая музыка. Она приближалась.

– Вы не знаете, что там такое? – отошла от прежней темы девица и вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть.

Тем временем уже стали слышны торжественные выкрики, словно предвещавшие важное событие. Блеснули медью трубы, серебряно отозвались музыкальные тарелки, глухо застучал барабан.

– Вы не могли бы мне помочь забраться на парапет? – попросила девица.

– Вот это можно, – согласился с таким предложением Иван, легко подхватил почти невесомую для его сил проститутку под локти и поставил на парапет, после чего залез на него сам.

Теперь, с возвышения, стало лучше видно и слышно. Впереди процессии, сопровождаемой народом, шествовал по променаду духовой оркестр. Дирижер двигался спиной вперед, взмахивая над головой жезлом с блестящим набалдашником. Звучал разухабистый марш, который не мог перекрыть зычный голос господина в сюртуке и примятом цилиндре, идущего рядом с оркестром.

– … дамы и господа, не пропустите! Гастроли знаменитого и неповторимого цирка Бескоровайного!..

– Цирк, – вымолвила девица, голос ее уже не звучал распутно. – Вы любите цирк?

– Наверное, – проговорил Поддубный, не отрывая взгляда от величественного зрелища.

Он и в самом деле не знал, любит ли цирк, потому что ни разу в нем не был. Однажды в Красеновку заехала бродячая труппа канатоходцев. Тогда в центре села поставили опоры, растянули канат, и совсем еще мальчишка ходил по нему с длинным шестом в руках. Но это событие особого следа в душе

Поддубного не оставило.

Толпа уже проходила мимо Ивана, который с высоты наблюдал за непривычным для себя зрелищем. Променад наполнился ощущением праздника. Восторженно кричали не только мальчишки, но и солидные господа, даже некоторые дамы потрясали в воздухе зонтиками, приветствуя артистов. Следом за оркестром шли разряженные арлекинами артисты на ходулях. За ними передвигались двое гимнастов, делая сальто. Причем внешне им удавалось это так легко, что казалось, по-другому они и ходить-то не умеют. Затем провезли запряженные цирковыми конями клетки с дрессированными животными. Грозный лев метался в узком пространстве, громко рычал, бросался на прутья. Дрессировщик в строгой черной тройке щелкал длинным кнутом – шамбриером. На отдельной повозке был установлен турник, и хрупкая девушка в коротком платье, усыпанном сверкающими блестками, делала на нем головокружительные перевороты. И все это происходило во время движения. За ней катил в запряженной огромной свиньей тележке клоун в цветастом балахоне и посылал хохочущей публике воздушные поцелуи сразу двумя руками.

Чувствовалось, что некоторых артистов люди уже знают, они знаменитости. Поддубный непроизвольно улыбался, как мальчишка, глядя на буйство красок, движения, ловкости. И тут девица очень непосредственно вцепилась в руку Ивана, затрясла ее и даже стала подпрыгивать.

– Силачи, силачи идут! – восторженно кричала она.

Шествие цирка Бескоровайного замыкали борцы-атлеты. Они шли с достоинством, то и дело поднимая руки и демонстрируя накачанные мышцы. Все они были одеты в облегающие трико, оставлявшие открытыми ноги. Двое перебрасывались на ходу гирями. Любопытные, толпившиеся на набережной, выкрикивали их имена. Кто-то даже бросил букет цветов. Атлет в маске ловко поймал его и поднял над головой.

Шествие удалялось, затихали грохот барабанов, звуки духовых инструментов. Толпа схлынула. Иван помог девице спуститься с парапета. Больше никаких предложений она ему не делала, просто поблагодарила и устремилась вслед за артистами цирка. Поддубный остался стоять. Увиденное поразило его до глубины души. Это был какой-то иной мир, в котором отменялись будничные условности реальности. Тут, казалось, не действуют даже законы природы. Грозный лев подчиняется человеку, можно ходить на руках, выдыхать огнем, заглатывать шпаги. Можно сгибать свое тело, будто бы у него нет суставов и костей. Но больше всего запомнились ему атлеты и то, как их приветствовала публика. Ощущалось, что их любят, им

поклоняются. Достаточно было взглянуть на мальчишек, на то, как сияли их глаза, и каждому наверняка хотелось стать в будущем таким же сильным, как они.

Что-то «сломалось» в Иване, теперь нарядный променад казался ему слишком блеклым, словно солнце светило уже не так ярко и краски южного моря померкли. Они не шли ни в какое сравнение с великолепием цирковых костюмов. Цирк Бескоровайного ураганом пронесся по набережной, заставив людей на время забыть о ежедневных заботах и о хлебе насущном.

Поддубный остановился у тумбы. Пожилой расклейщик расправлял на ней свеженькую афишу поверх отслужившей свое – театральной.

– Когда первое представление? – спросил Иван.

– Завтра.

Поддубный неторопливо читал афишу. Много в ней было всякого, но взгляд зацепился за последние слова. Зрителям сообщалось, что их вниманию будут представлены соревнования знаменитых борцов и что каждый желающий сможет выйти на цирковой манеж, чтобы помериться с ними силой. Ивану хотелось спросить, так ли это, но расклейщик афиш уже исчез, оставив после себя лишь капли клейстера на мостовой променада. На солнце и ветру афиша быстро сохла, растягивалась, расправлялась буквально на глазах.

Вечером Иван за столом рассказал о приезде цирка своим соседям.

– Мы уже знаем, видели, – за себя и за приятеля ответил Николай. – Завтра идем на представление. Хочешь, пойдем вместе?

И тут впервые Поддубный не стал сомневаться в том, стоит ли тратить на сомнительное удовольствие отложенные для завоевания Аленки деньги.

– Конечно, пойду, – затем, несколько смущаясь, он рассказал о прочитанном в афише. – Там сказано, будто любой, если захочет, сможет помериться с борцами силой. Это так, вы же не первый раз в цирке?

– Не первый, но ни разу не видел, чтобы находились желающие, – усмехнулся Петр. – А ты что, Иван, решил попытать счастья? Посмотришь выступления, самому расхочется.

* * *

Назавтра вечером жильцы квартиры встретились уже возле

цирка. Временное деревянное здание с полотняным куполом было густо украшено разноцветными флажками, возле него ходили зазывалы, хотя в их услугах особой нужды не было. Все билеты на первое представление и так были раскуплены.

– А я успел! – Николай продемонстрировал синие билеты. – На всех троих взял.

Времени до начала представления еще хватало. Поэтому Иван с Николаем и Петром еще успели попить пива в буфете, а затем устроились в амфитеатре. Нагретый за день солнцем купол теперь отдавал свое тепло. Внутри было душно, Поддубный то и дело вытирал лоб носовым платком. На манеже пока еще ничего интересного не происходило. Там орудовали униформисты, густо посыпая его свежим песком, принесенным прямо с городского пляжа, сыпали опилки, ровняли все это метлами. Иван осматривался. Ему пока еще не было понятно предназначение всех этих веревок, канатов, уходящих к куполу, раскачивающихся перекладин. В воздухе ощущался легкий запах конского навоза.

Оркестр устраивался на балконе. Музыканты настраивали, пробовали инструменты, переговаривались. Из-за тяжелой плюшевой портьеры то и дело выглядывали циркачи. Все места на скамейках уже были заняты. Кто-то первым нетерпеливо захлопал, поторапливая артистов начинать представление, его поддержали и остальные зрители, даже послышался свист.

На манеж вышел коверный, поднял руки.

– Уважаемая публика, имейте терпение!..

Хлопанье и свист постепенно стихли.

– Мы начинаем наше представление! Але!

Оркестр на балконе грянул марш. И вновь, как вчера на променаде, завертелось, закружилось, заблестело.

– Атлеты где? – не понимал Иван, глядя на выходивших на манеж артистов.

– Они во втором отделении появятся, – подсказал Николай. – Самое интересное приберегают на «закуску».

Все первое отделение Поддубный завороженно следил за тем, как крутятся акробаты под куполом цирка, как перепархивают с перекладины на перекладину, как перебрасываются пылающими факелами жонглеры. Затем фокусник доставал из лощеного цилиндра черт знает каким образом оказавшихся там голубей, кролика и разноцветные ленты. А затем он подошел к барьеру и поинтересовался, нет ли в зале желающих поучаствовать в следующем фокусе. Тут же отыскался бойкий господин в тройке. Он сбежал на манеж под одобрительный гул зрителей.

– Вы, я вижу, человек серьезный. Кем служите?

– Конторщиком в порту, – отозвался господин.

Иван такого конторщика не знал. Но мало ли, порт большой.

– Значит, вы очень внимательный, – фокусник провел ладонью по его груди и тут же вытащил край носового платка из кармана, за первым платком показался привязанный к нему второй – ярко-красный, затем третий – желтый…

Платки мелькали и казалось, никогда не кончатся.

– И зачем же вам столько много платков? – спросил фокусник.

– Они плачут часто, – подсказал вынырнувший из-за занавеса арлекин.

– А вот тут ты, дорогой мой, ошибаешься. Он такой же счастливый и состоятельный человек, как ты сам, – фокусник поманил его к себе, провел рукой возле уха, и тут же в пальцах у факира захрустела новенькая ассигнация. – Неплохо живешь. Может, и за вторым ухом у тебя деньги? – и еще одна ассигнация отозвалась хрустом.

Выхватив деньги у фокусника, арлекин, хохоча, унесся с манежа.

– А можно и со мной такую же штуку провернуть? – поинтересовался вызванный из зала господин.

– Почему бы и нет? – фокусник расплылся в улыбке, провел пальцами возле уха, посмотрел на свою пустую ладонь. – Не получается. Наверное, к вам, уважаемый, деньги в самом деле не хотят идти. И наш любезный арлекин был прав?

– Может, за другим ухом есть? – с надеждой спросил господин.

– И за другим нет, – вынужден был разочаровать его факир. – Что ж, не будем утомлять публику. Она уже заждалась дрессированных собачек. Да, кстати, который уже час?

Господин потянулся к жилетному карману, но часов не обнаружил, лишь цепочку от них.

– Украли! – завопил он.

– Должен вас обрадовать. В другой раз будьте повнимательнее, – фокусник разжал ладонь и отдал господину его часы.

– С таким на базаре лучше не встречаться! – выкрикнул кто-то из зала.

– Абсолютно с вами согласен, что на базаре – не стоит. А вот в цирке – сколько угодно. У нас все честно, без обмана, – под аплодисменты фокусник покинул манеж.

Затем были дрессированные животные, антракт, который не обошелся без буфета. И вот наконец настала очередь борцов. Они выходили торжественно, под энергичный марш оркестра и становились полукругом. Публика приветствовала их, и они

приветствовали публику. Коверный звучно называл каждого, перечислял его титулы. Можно было подумать, что здесь в цирке собрался цвет борцов со всего мира.

– Они в самом деле сплошь чемпионы? – растерянно разглядывал атлетов Поддубный.

– Не совсем. Сколько цирков, столько, считай, и чемпионатов с чемпионами, – вынужден был разочаровать соседа Николай.

Затем прозвучало предложение, красовавшееся на афише. Мол, каждый желающий может помериться с ними силой. Поддубный, утром думавший, что выйдет на манеж прямо сегодня, решил все же сперва присмотреться к борцам. Он чувствовал, что не готов оказаться под пристальным вниманием сотен пар глаз, даже коленки подрагивали, чего с ним раньше никогда не случалось.

Затаив дыхание, Поддубный следил за тем, как сперва атлеты демонстрировали силовые упражнения, поднимая, перебрасывая через себя гири, катая тяжеленные ядра. Потом уже началась собственно борьба. Публика завелась, теперь уже никто не сдерживал своих эмоций. Под куполом разносились крики, но иногда они ненадолго смолкали, превращаясь в тревожное молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием борцов, пытающихся повалить друг друга. А затем восторженные крики поглощали все звуки – это когда слышался шлепок борца на спину и противник прижимал его лопатки к ковру. Вот тогда зал бесновался, а судья поднимал руку победителю. Интрига сохранялась и на завтрашнее представление, ведь теперь борцы должны были сойтись на ковре другими парами, чтобы выявить сильнейшего из них. Все было вроде бы и так, как в Красеновке, когда селяне-казаки боролись на кушаках. Но это было настоящее представление, праздник, демонстрация силы, мощи мышц.

Поддубный возвращался домой молча, такое сильное впечатление произвело на него выступление борцов. Он лишь слушал, стараясь запомнить фамилии атлетов, беседу Николая с Петром. Те строили прогнозы, пытаясь определить, кто же победит в самом конце.

Рабочий день в порту прошел как в тумане, словно его и не было. А вечером Иван, даже не заходя домой, сразу же вновь отправился к цирку. Погулял вокруг него, сжимая в кармане вожделенный билет. Те, кого он видел вчера на манеже, еще только готовились к выступлениям. За оградой можно было наблюдать, как перекусывают жонглеры, как дрессировщик отдыхает возле клетки со львом. Атлеты, уже одетые в сценические трико, сидели кружком и играли в шашки. Общались мирно, забыв на время о накале борьбы.

Возле Поддубного остановился молодой человек несколько проходимистого вида.

– Борьбой интересуетесь? – спросил он, перехватив любопытный взгляд Ивана, направленный на атлетов.

– Интересуюсь.

– А ставку сделать не хотите ли? Можно большие деньги выиграть.

До этого у Поддубного борьба как-то не связывалась в голове с деньгами. Ну не задумывался он о том, сколько получают атлеты за выступления, о том, что можно на чью-то победу делать ставки.

– Нет, – покачал он головой. – Я в азартные игры не играю.

– Это же не игра в карты, – усмехнулся проходимец. – Здесь все решают знания, интуиция. Главное – правильно угадать сильнейшего. Выбираете того, кого считаете самым сильным, и делаете ставку. Все очень просто и очевидно.

В разговор вмешался седой господин в пенсне. Он очень серьезно обратился к Поддубному:

– Не советую этого делать, молодой человек.

– А не подскажете – почему?

– Вы верите в то, что они борются по-настоящему?

– А как же иначе?

– Это же цирк! Представление! Они вместе с вот такими проходимцами работают, – кивнул он на букмекера. – Собирают деньги на сильнейшего, а потом тот специально поддается.

– Зачем ему поддаваться? – удивился Иван.

– Ему долю платят за поражение. Полный обман.

– Не верю.

– Как хотите, мое дело – вас предупредить, – господин в пенсне двинулся ко входу в цирк.

Так и не сделав ставки, Иван оказался под полотняным куполом. Во время представления его удивило то, что господин, выбегающий на манеж по призыву фокусника, был тем самым, что и вчера. И так же сильно этот господин удивлялся, когда у него пропали часы, и так же радовался, когда факир их вернул. Даже реплика из зала оказалась прежней насчет того, что не хотелось бы встретиться с таким фокусником на городском базаре. Стало ясно, что господин с часами «подсадной». Раз обманывают в одном, могут обмануть и в другом. Так, может, и борцы поддаются специально за деньги? Теперь Иван следил за ними внимательней, но подвоха не заметил. Напряженные мышцы, борьба, когда долгая и изнурительная, во время которой никто из противников не мог уложить другого на лопатки, и победа присуждалась по очкам, когда короткая, заканчивающаяся чистым

и очевидным поражением. Но все же подвох он нашел. Судейская коллегия, сидевшая на манеже за столом, вроде бы бурно общалась, но, присмотревшись, Иван обнаружил, что они не столько говорят, сколько важно кивают, пожимают плечами, картинно взмахивают руками. Короче, работают на публику, а не совещаются.

И на этот раз Иван не решился выйти на манеж, чтобы помериться силами с настоящим борцом. Вместо этого он дождался окончания представления и, когда зрители уже расходились, улучив момент, подошел к коверному. Грузный, солидного вида мужчина в длинном сюртуке сидел на барьере, несколько помятый цилиндр лежал рядом с ним. Униформисты приводили манеж в порядок.

– Вы тут говорили, что каждый желающий… да и на афишах написано… – Иван терялся, не мог толком сформулировать мысль.

Коверный, стоило ему окинуть взглядом мощную фигуру Поддубного, тут же сообразил, про что тот хочет спросить.

– А вы, как я понимаю, и есть один из желающих? – поинтересовался он.

– Именно так.

– Вообще-то, можно. Но что вы умеете? Не могу же я просто так выпустить вас на манеж. Публике должен быть интересен ваш выход.

– Я умею гири подбрасывать. Бороться на кушаках.

– Это хорошо. Тогда давайте пройдем, и вы мне все сами покажете.

Коверный повел Поддубного за тяжелую малиновую портьеру, отделявшую вспомогательные помещения от манежа. До этого Ивану казалось, что там очень много места, иначе как там могло уместиться столько артистов? Но реальность оказалась иной. За портьерой оказалось чрезвычайно тесно. Узкие проходы между клетками с животными, нагромождение сундуков с реквизитом. Туда-сюда сновали полураздетые артисты, как мужчины, так и женщины, абсолютно не стесняясь своего вида. Вблизи было видно, что их наряды не такие уж и блистательные, а поношенные, местами даже залатанные, пропахшие потом и полинявшие от частых стирок. Лица уставшие, да и сценический грим вблизи казался картонными масками.

Особенно впечатлил Ивана клоун с побеленным лицом, на котором застыла нарисованная улыбка. Из зала только она и была видна, теперь же на ней четко читались настоящие губы, сложенные в трагическом изгибе.

– Ну-с, дорогой вы мой, – коверный подвел Ивана к полкам,

на которых виднелись чугунные гири и ядра.

На полу лежала штанга с огромными шарами по концам. Поддубный потянулся к ней, желая начать с самого сложного, хотя и сомневался, что сможет поднять такую тяжесть.

– Не утруждайтесь, эта штанга для паяцев.

– Как это? – не понял Иван.

– Бутафория. Из папье-маше склеена и покрашена соответствующим образом, – коверный сперва пощелкал по «чугунному» шару ногтем, тот отозвался пустым картонным звуком, а затем одной рукой легко поднял штангу. – В цирке многое оказывается совсем другим, чем то, что видится вам из зала. А вот эти гири самые что ни на есть настоящие.

Иван взял две из них, принялся сосредоточенно подбрасывать и ловить, стараясь особо не спешить.

– Неплохо. Думаю, вам можно будет завтра выйти на манеж. Начало уже обеспечено, даже без учета того, как сложится дальнейший поединок. Только давайте договоримся, вы исполните все именно так, как я вам скажу. Это для того, чтобы публике было интересно смотреть.

– Специально поддаваться я никому не стану. Слышал, и такое у вас случается.

– Никто не просит вас поддаваться, – заулыбался коверный. – Просто каждый выход на манеж – это искусство. Бросать гири можно и в порту, здесь же – это уже искусство, выступление…

Глава 4

Каждый желающий может, но не у всякого получится. Первые проигрыши, они же и победа. Зал любит «своих». Разница между господином и синьором. И снова контракт. Ноги с кровати спустил – и ты уже на работе.

На следующий день погода испортилась. С утра моросил дождь, на море поднялись волны, оно стало темного стального цвета, словно вода превратилась в металл. О своем вчерашнем и, тем более, предстоявшем сегодня походе в цирк Поддубный соседям по квартире не сказал. То ли стеснялся такого ребячества, то ли боялся, что в результате опозорится. Чем ближе было наступление вечера, тем чаще в голову закрадывалась мысль, что стоит отказаться. Просто не пойти. Никому он ничего не должен. Разговор с коверным ни к чему его не обязывал. Но тут-то Иван знал, что обманывает самого себя. Именно себе он собрался доказать, что может многое.

«Цирковые атлеты – такие же люди, как и я, – примерно так рассуждал Иван. – Из плоти и крови. А силы мне не занимать».

Ему вспомнилось, как по-домашнему играли атлеты в шашки. Обычные улыбки, никакого геройства на лицах. Это уже на манеже они старались выглядеть по-другому – этакими непобедимыми героями. Этот образ западал в память, манил стать и самому одним из них.

И все же, вопреки рассудку, ноги сами привели Ивана к цирку. Он уже свыкся с суетой в этом месте, стал находить в ней некий смысл. Подобное однажды уже произошло в его жизни, когда он стал понимать бессистемную, на первый взгляд, портовую жизнь. И тут и там были случайные люди, но большинство четко знали свое место и свои обязанности. У каждого была своя роль. Проходимистого вида букмекер уже не стал терять время на уговоры Ивана. Он зазывал делать ставки других. Значит, запомнил.

«А может, на себя самого сделать ставку?» – мелькнула шальная мысль у Поддубного. Однако он тут же отбросил ее.

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнул, – вспомнилась ему поговорка, услышанная от отца, и он даже проговорил ее вслух.

Публика уже втягивалась под купол цирка. Иван вошел среди последних. Он не мог сосредоточиться на представлении, да и знал его на память, мог предсказать любую выходку клоунов. Чем ближе было второе отделение, тем меньше улыбался Иван, и лишь когда, как ему показалось, коверный выцепил его взглядом из остальных, на душе стало спокойнее.

И вот оно наконец прозвучало, заветное:

– Каждый желающий может помериться с ними силами, – коверный сделал многозначительную паузу, указал на силачей-борцов, обвел взглядом зал, вздохнул:

– Ну, если и на этот раз нет желающих. Тогда…

Поддубный, хоть и был готов подняться раньше, помнил уговор – встал только сейчас и громогласно, сам робея от звука собственного голоса, проговорил:

– Есть желающие!

По уговору он оделся сегодня не по-городскому, на Иване были длинная сорочка, селянская свитка и широкие штаны, заправленные в сапоги. Зал тут же отозвался заинтересованным гулом. Коверный хитро прищурился, приложил козырьком ладонь к глазам и вгляделся в зал.

– И кто же вы такой? Кто же осмелился бросить вызов знаменитым борцам?

Атлеты тоже смотрели в сторону Ивана.

– Грузчик я портовый! – прокричал Поддубный.

– Ах, грузчик? – обрадовался коверный. – Спускайтесь же к нам. Познакомимся поближе. Похвальное рвение.

Поддубный неторопливо спускался по ступенькам, боясь оступиться. Волнение переполняло его. Ведь сотни глаз смотрели сейчас на него.

– Да это же Поддубный! Иван Максимович! – вдруг выкрикнул один из зрителей, сидевший неподалеку от прохода.

Иван покосился и тут же узнал в нем одного из биндюжников, с которым работал.

«Этого еще не хватало. Если опозорюсь, всем расскажет. Ребята смеяться станут», – пронеслось в голове.

– Иван Максимович! Докажи им за наших, – донеслось уже сзади.

Поддубный перешагнул барьер и вошел в полукруг атлетов. Возле коверного увивался клоун в огромных – не по размеру – ботинках, но пока еще ничего не говорил, только корчил рожи и гнусно хихикал, то и дело поднимая худосочные согнутые к плечам руки. Мол, и я тоже атлет, смотрите, какие у меня мышцы.

– Ну вот, теперь мы и знаем, как вас зовут, Иван Максимович.

– Он думает, – встрял клоун, – что если мешки в порту бросает, то и профессионального борца сможет на лопатки бросить! – скрипучим голосом проговорил он, чертиком вынырнув перед Иваном. – Но, почтенная публика, мешок ведь не сопротивляется! Мешок грузчика сам не бросит.

Зал отозвался смехом, стало обидно.

– А это мы еще посмотрим, – ответил Иван.

– Сколько их уже было, таких смельчаков, – вскричал коверный. – И ни один не победил. Потому что сильнейшие борцы – в нашем цирке. Выбирайте, с кем хотели бы сразиться.

Поддубный уже давно выбрал себе противника одного с ним роста, комплекции, с бритой наголо головой и такой короткой шеей, которая из головы сразу же переходила в затылок.

– Вот с ним.

– Ну что ж. Выбор вы сделали сами. Потом не обижайтесь. Никто вас не заставлял. А теперь вы должны что-нибудь нам продемонстрировать. Может, у вас и силы-то нет?

– Подкову принесите, – попросил Иван.

Подкова нашлась незамедлительно, ее сунул Поддубному в руки вездесущий клоун. Иван, как и учил его коверный, высоко поднял ее над головой, повертелся, демонстрируя залу.

Иван по гулу чувствовал, что зал пока еще на его стороне. Каждому хотелось верить, что такой же человек из народа может противостоять титулованным борцам. Он не спеша, без особого усилия на лице разогнул подкову и подал ее своему противнику. Тот так же спокойно вернул подкову в прежнее состояние.

– Пока мы квиты, – подытожил он.

– А теперь покажите нам что-нибудь посложнее, ну, хотя бы вот такое, – предложил коверный, делая жест рукой в сторону бритого.

Атлет подошел к двухпудовой гире, с десяток раз быстро поднял ее над головой, а затем принялся подкидывать. Тридцатидвухкилограммовый кусок чугуна порхал в воздухе, словно невесомый. Он пролетал то под коленом, то взмывал на уровне плеча. Атлет успевал повернуться вокруг оси и вновь поймать, перехватив его ручку.

Зал зааплодировал, но как-то вяло. Иван, сильно не торопясь, сбросил свитку, снял сапоги и босиком ступил на ковер. Подхватил гирю. Крутил он ее не так виртуозно, как предшественник, но получалось вполне зрелищно. Делая скидку на то, что перед ними не профессионал, а портовый грузчик, публика одарила Ивана более продолжительными аплодисментами, даже несмотря на то что он, в отличие от своего противника, не сумел толком повторить последний трюк с поворачиванием вокруг оси и перехватом ручки. Гиря чуть не вырвалась из пальцев, и Иван поставил ее на землю.

Коверный театрально несколько раз хлопнул в ладоши, зал его поддержал.

– Неплохо, неплохо, Иван Максимович. Для портового грузчика неплохо. Ну как, досточтимая публика, кто, по вашему

мнению, выиграл?

Понять из криков, кому отдает предпочтение зал, было невозможно, а потому, подняв руку вверх, коверный вмиг заставил его замолчать.

– Получается ничья? Тогда продолжим.

Следующим соревнованием стало перебрасывание гирями между атлетами. Бритый наголо бросал, Поддубный ловил и перебрасывал назад. Он и раньше этим иногда занимался с соседями по квартире, но гири были легче, да и партнеры старались бросить так, чтобы снаряд удалось поймать. Теперь же все происходило по-другому. Гири сильно закручивались, отклонялись от выгодной траектории, да и весили они по два пуда каждая!

Однако Поддубный держался, но у него уже участилось дыхание, заломило в груди, пальцы от напряжения деревенели. Зал поддерживал именно его, Иван это чувствовал, и именно эта поддержка заставляла его держаться до последнего. И этот «раунд» ему удалось свести к ничьей. Одну гирю упустил он, другую – через минуту – противник. Коверный был явно доволен, публику заинтересовало появление на манеже свежего человека из народа. Иван нравился зрителям. А что еще нужно для цирка?

Еще один раз атлеты пытались выяснить, кто более умел в силовых упражнениях. И вновь ничья.

– Силен, силен! – нахваливал коверный Поддубного. – Но это и неудивительно – грузчик. На силе биндюжников наш город и держится. А теперь – борьба! – он выкрикнул это так, чтобы магическое слово расслышали все, и жестом предложил Поддубному вновь выбрать себе противника. – Разумно, – похвалил он выбор Ивана, когда тот снова указал на бритого. – Надеетесь, что он выдохся? Но выдохлись и вы, а публика не будет ждать, пока вы отдохнете. Представление продолжается!

Борцы сошлись, им предстояло бороться на кушаках. Этот вид борьбы был тогда основным в цирках Российской империи, его хорошо понимал простой народ. Правда, вместо настоящих кушаков – широких и длинных матерчатых поясов, борцы использовали полоски кожи. Коверный был и за судью. Он подвел Ивана к противнику, проследил за тем, чтобы они обменялись рукопожатиями, забросили ремни друг другу за спину, приняли стойку, и после этого дал отмашку.

Поддубный действовал осторожно, прощупывал противника, как всегда делал в Красеновке. Понять, что противник слабее тебя, легко, а вот что он сильнее – не сразу и сообразишь, может притворяться. Иван рванул пояс на себя, соперник не поддался, но поскольку рывок был сделан лишь в часть силы, на пробу, то

Иван с радостью для себя понял – борец слабее его! Его можно уложить на лопатки! И тут, когда Поддубный в душе уже чуть ли не праздновал победу, случилось непредвиденное. Он не понял, как и что происходит. Ему показалось, что кто-то невидимый просто выдергивает ковер у него из-под ступней. Потеряв опору, Иван качнулся, а профессиональный борец подправил его падение, чтобы Поддубный не успел вывернуться. Его, как мешок с зерном в штабель, точно впечатали лопатками в ковер. Резко пригнувшийся судья-коверный честно зафиксировал этот факт, вскинул руку.

Зал разразился криками и аплодисментами. И хоть они звучали так же, как и раньше, но Иван ощущал, что предназначены они не ему, а сопернику. Он, покрасневший от напряжения и стыда, поднялся, отряхнулся. Сказать что-либо в свое оправдание ни себе, ни людям он не мог. Поражение было очевидным. Коверный взял руку соперника и высоко ее поднял, чем вызвал еще один взрыв аплодисментов. Несмотря на очевидность поражения Поддубный ощущал себя обманутым. Он точно знал, что соперник слабее его в физическом плане, просто он знал какой-то неизвестный Ивану прием, вот и уложил его на спину. Поддубный даже понимал суть приема – надо дать тому, с кем борешься, возможность приложить к тебе усилие, а потом резко уйти от него и подтолкнуть. Вот и обернется твоя же сила против тебя. Такому отец никогда не учил Ивана.

– Ну что ж! – воскликнул коверный. – Благодарим вас за смелость, за силу. Возвращайтесь на свое место! Наше представление подходит к концу…

И тут Иван даже не успел подумать, но у него уже вырвалось:

– Э нет, милейший, так не пойдет!

– А что вы еще от нас хотите? Все ваши желания мы исполнили.

– В афише что написано? Любой желающий может помериться силой с каждым из них! С каждым! Давайте еще одного!

– Возвращались бы вы на место, любезный, – посоветовал коверный.

– Форменный обман! – закричал Иван, обращаясь к публике. – Сами пишут, а потом не исполняют. Давай еще одного! Реванша хочу!

– Дайте ему шанс! – выкрикнула из зала какая-то экзальтированная мадам.

– Дайте! – нарастал гул недовольных голосов.

Коверный оценил ситуацию: идти против желания зала для артиста – последнее дело.

– Хорошо, дело ваше. Даю возможность реванша!

На этот раз Иван противника не выбирал, просто указал рукой на первого попавшегося. На этот раз он продержался минут семь и вновь оказался припечатанным к ковру тем же самым хитроумным приемом. По залу прокатился гул отчаяния, Иван уже полюбился зрителям, почти все переживали за него, и он не мог обмануть ожиданий. После того как рука очередного победителя вновь была поднята коверным, Поддубный пожелал получить еще один шанс. И снова зрители его поддержали.

Третья схватка ожидаемо окончилась поражением Ивана. Он стоял в сторонке, тяжело дышал, упершись руками в колени, пока победитель кланялся зрителям.

– Реванш! – ответил он на вопросительный взгляд коверного.

В глазах того мелькнула жалость.

– Вам же завтра в порт. Работать не сможете.

– Реванш, – как заведенный, повторил Иван.

– Ну, помилуйте. Вы всем уже доказали, на что способны. Зачем такие жертвы?

– Ничего, мы за него завтра в порту поработаем! – послышался из верхних рядов голос знакомого биндюжника.

Назад ходу не было. Поддубный проиграл и эту схватку. В его распоряжении остался только один борец. Коверный достал из кармана часы, щелкнул серебряной крышкой.

– Досточтимая публика. Осмелюсь заметить, что время, отведенное на представление, давно окончилось…

Ему не дали договорить.

– Схватку давай! Схватку!

Пришлось подчиниться. И на этот раз Поддубный решил бороться до конца, хотя разумнее было бы поддаться с самого начала. Публика бы ему это простила. Перед глазами плыли темные круги, дыхание сбивалось, все тело покрывал липкий противный пот. Соперник же был свеж и даже пах хорошим одеколоном.

– Давай, Иван Максимыч! Знай наших! – донеслось сквозь шум в ушах до Ивана.

И этот крик сделал невозможное. Поддубный толком и сам не понял, каким образом отправил соперника на ковер. Тот, как показалось ему, просто выскользнул, а сам Иван завалился на него. Профессиональный борец попытался вывернуться, чтобы не коснуться лопатками ковра, однако Поддубный уже навалился на него, прижимал к полу. Некоторое время борцу еще удавалось держать «мостик», но все решало уже только время, он не мог ни дернуться, ни пошевелиться. Коверный, касаясь щекой пола, сверлил глазами узкую световую полоску под плечами атлета и

держал руку наготове, чтобы зафиксировать поражение. Зал бесновался. И вот наконец свершилось! Ослабевший борец хлопнул рукой по ковру и опустил выгнутую в невероятном напряжении спину.

Что тут началось! Не выдержав, некоторые из зрителей выбежали на манеж, но их тут же усмирили двое полицейских чинов, присутствующих в зале. Тогда самые нетерпеливые ограничились тем, что, встав на бортик, кричали и махали руками.

Иван плохо их видел. Перед глазами все плыло и кружилось, словно его затягивало в гигантский водоворот. Кто-то взял его руку и поднял.

«Да это же победа!» – сообразил Иван.

Его чествовали как победителя, хотя на самом деле он проиграл четыре схватки из пяти. Профессионалу бы поклонники такого не простили…

Борец, с которым пришлось схватиться последним, вывел Ивана на задний двор к умывальнику. Было уже темно. Поддубный смывал пот, ополаскивал лицо, фыркал. Атлет протянул ему полотенце.

– Вытрись. Ветер прохладный. А ты хорош. У кого учился?

– Отец в селе учил.

Атлет хмыкнул. Он-то ожидал услышать другое.

– Ладно. Счастливо тебе. Может, когда и увидимся.

Мужчины крепко пожали руки и разошлись. Поддубный стоял на площади перед цирком. Огни погасли, горели лишь фонари. Потерявшие свои яркие краски в полумраке, полощущиеся на ветру флажки – все казались одинаково серыми. В ушах все еще стоял восторженный гул зала. Это было чем-то вроде сладостной отравы, попробовав ее однажды, уже никогда не сможешь отказаться от нее.

– Я проиграл четыре схватки, – прошептал Иван. – Да. Но одну я выиграл!

Только сейчас он заметил, что еще не вся публика разошлась, некоторые прохаживались рядом с цирком. Другие осели в питейном заведении на краю площади. Огоньки ламп под балками открытой террасы казались желтыми звездочками. Усталость, радость первой победы, досада от четырех поражений – все смешалось в душе у Поддубного. Он знал, что, вернувшись домой, не сможет уснуть, а соседи станут укорять его – почему не сказал о том, что сегодня будет бороться в цирке. Иван двинулся туда, куда манил его свет. Заказал себе шкалик водки, бублик, задымил папиросой. Господа за соседним столиком его узнали, приветственно махнули рукой, позвали буфетчика, чтобы принес

борцу из народа еще один шкалик. Пришлось поднять рюмку в сторону угощавших и опрокинуть ее в рот.

Хмель довольно быстро ударил в голову. Зато, как говорится, отпускало, уходила усталость. Иван опустил голову на кулаки и тихо затянул украинскую народную песню, которую слышал от матери. Когда же поднял ее, то увидел, что напротив него сидит тот самый коверный из цирка – даже не посчитал нужным переодеться. Перед цирковым тоже стоял шкалик с водкой. Коверный хитро подмигнул, как бы намекая на то, что реален, а не является плодом воображения подвыпившего борца из народа, и налил себе в рюмку.

– Утомили вы меня сегодня, Иван Максимович, – начал он. – Ну разве так можно?

– Жалеете, что согласились меня выпустить на ковер? – спросил Поддубный, наливая и себе.

– Ни вот столечки не жалею, – коверный почти свел большой и указательный пальцы вместе и вновь хитро подмигнул. Стало заметно, что и он немного пьян. – Но… утомили. Не столько меня, но… в первую очередь себя. Егоров я, Александр Онуфриевич, – неожиданно представился коверный.

Мужчины обменялись рукопожатием, после чего циркач сделался грустным:

– Вы, – обратился он к Поддубному, – совсем себя не жалеете. Ну разве так можно? Смотрю я на вас и думаю: вот мне бы сейчас с моим опытом да ваши годы.

Иван слушал и не мог понять, к чему клонит коверный.

– Очень хотелось мне сегодня выиграть, – проговорил он.

– Вы и выиграли, хоть и проиграли, – вновь прозвучало не слишком понятно. – Я ведь не всегда коверным был, – на лице пожилого мужчины появилась мечтательная улыбка. – Начинал гимнастом. А у гимнастов век под куполом цирка короткий. Но выступление – это как отрава. Овации зрителей, выход на поклоны, – Егоров приложил руку к сердцу. – Вот здесь оно все. А теперь я выхожу на арену, объявляю номер. Зал аплодирует, но не мне. Давайте еще выпьем. Вам сегодня можно.

Немного налили в рюмки, чокнулись, выпили. На этот раз без всяких тостов. Коверный подпер голову рукой, глядя на то, как Иван закуривает.

– Вы что собираетесь делать в дальнейшем? – поинтересовался коверный.

– Домой пойду, завтра, как вы справедливо заметили, мне в порт надо.

– Я не о завтрашнем дне. Я вообще – о жизни.

Поддубный прикусил губу, выдавать сокровенные мысли ему

не хотелось, к тому же возникли они лишь в последние дни. Александр Онуфриевич помог ему.

– О цирковой карьере мечтаете. Вижу, вижу, зараза уже и в вашей душе поселилась, как когда-то в моей.

– Мечтаю.

– Думаете, что много денег можно будет заработать? – хохотнул коверный. – Большие деньги единицы получают. И сразу можете себя готовить к тому, что нормальной семьи у вас никогда не появится. Цирковая жизнь – она вся на колесах. Сегодня здесь, завтра – там.

– Есть у меня шанс? – напрямую спросил Иван.

– Шанс, он у всех есть. Но как в Библии сказано: «много званых, да мало избранных», – вновь прошелестел смешок. – От природы вам многое дано, молодой человек, однако над собой еще постоянно работать надо. Вот вы курите, к примеру. А теперь вспомните, как вам во время схватки воздуха не хватало. Ну, вспомнили? И выпиваете еще. Все эти дела приятные, но силы у человека отнимают. Я вам как бывший акробат говорю.

Иван взглянул на шкалик с водкой, на коробку с папиросками. Раньше эти вещи казались ему вполне безобидными, но сейчас он почувствовал правоту в словах собеседника. Вспомнилось, как занимало дыхание во время схватки, как иногда тяжело было работать в порту с утра после выпитого вечером.

– Мой вам совет, – подался вперед коверный. – Если решили стать цирковым артистом, то займитесь собой всерьез.

Затем, вопреки своим советам, Александр Онуфриевич предложил выпить еще по одной, но на этот раз уже по последней. Шкалики опустели, в голове приятно кружилось. Коверный и Иван вышли из питейной.

Ласково шумело, прячась в темноте, море, лишь изредка вспыхивали белым бурунчики на волнах, подкатывающихся к берегу. Ветер, дувший из степи, был теплым и сухим, дышалось легко. Мужчины неторопливо шли по опустевшему променаду.

– Ну что ж, – остановился Александр Онуфриевич и театральным жестом снял с головы помятый цилиндр. – Рад знакомству и надеюсь когда-нибудь еще с вами встретиться. У вас может сложиться неплохое будущее. Только помните, что драгоценный камень требует огранки и хорошей оправы, тогда и продается он хорошо.

– Обязательно встретимся, – пообещал Иван.

Поддубный в одиночестве дошел до конца променада, остановился под неровно мерцающим фонарем. Машинально вытащил коробку с папиросами, посмотрел на нее. Раньше

практически не задумывался о том, зачем он курит, нужно ли ему это. Затем сделал над собой усилие, решительно смял картонку в могучей ладони вместе с оставшимися папиросами и бросил в урну.

В порту товарищи встречали Поддубного как настоящего героя. Никому и в голову не приходило подшучивать над его поражениями. Всех восхитила его настырность и победа в финальной схватке. Иван даже растерялся, когда его окружили биндюжники, подняли на руки и минут пять с радостными криками подбрасывали в воздух. Наконец он снова стал на землю.

– Все это хорошо, но нашу работу за нас никто не сделает, – сказал он и первым взвалил на плечи мешки с зерном.

К обеду вместе с потом вчерашний хмель вышел из него окончательно. Если раньше во время работы Иван обычно думал о родном селе – о прошлом, то теперь мысли его устремились в будущее. Он прекрасно понимал, что в ближайшее время ему нет смысла пытаться устроиться на работу в цирк. Он, если следовать сравнению коверного, драгоценный камень, но еще не получивший огранки и не имеющий оправы. Вот этим ему и предстояло заняться. В конце дня Поддубный отказался от предложения товарищей отметить его вчерашнее выступление, чем несколько их обидел и озадачил.

– Все, братва, – твердо сказал он. – С сегодняшнего дня я не пью и не курю. Лучше помогите мне в одном деле, пошли.

Вместе с двумя биндюжниками Иван отыскал расположенную в подвале скобяную лавку. Хозяин уже собирался ее закрывать, но, завидев поздних покупателей, решил задержаться.

– Что желаете приобрести, господа? – он несколько подозрительно косился на крепко сбитых молодых мужчин, оказавшихся в его магазине.

На грабителей они, конечно, мало походили, но при желании могли бы одолеть кого угодно.

– Гири собрался купить, – слегка стесняясь, проговорил Поддубный.

– Дело свое открываете? Надо понимать, весы у вас уже есть? Если еще не приобрели, то могу предложить со скидкой, – поинтересовался хозяин и указал в темный угол, где угадывались гири разных «калибров».

Иван подошел, присмотрелся, выбрал две самые большие – двухпудовые, какие уже привык подбрасывать в порту. Были бы больше, взял бы их. Поднес гири к лестнице, несколько раз поднял их над головой, перебросил из руки в руку и только потом поставил на землю. Хозяин еще не сообразил, какое такое «свое дело» собрался начать поздний покупатель.

– А штанги у вас есть? – и Иван, заметив растерянность в глазах продавца, тут же жестами показал, что его интересует спортивный снаряд.

– Теперь ясно, зачем вам гири понадобились, – заулыбался хозяин. – Я-то думал… К сожалению, штанги у меня нет. Неходовой товар.

– Жаль. Я бы купил.

– Какая именно штанга вас интересует?

Поддубный прикинул в мыслях и сказал:

– На семь пудов.

– Ого! Я могу заказать, в течение недели доставят. Вы только адрес свой оставьте, вам ее сразу же вместе с гирями и привезут на дом.

– Через неделю я сам зайду, не сомневайтесь, – пообещал Иван, расплатился, оставил задаток за штангу. – Спасибо, ребята, что вызвались помочь, – обратился Иван к биндюжникам. – Но если штанги сейчас нет, то вы мне больше не нужны. С этим я и сам справлюсь. Вот вам за труды. – Поддубный хотел дать деньги, но товарищи по работе отказались их брать.

– Сами зарабатываем. Мы же не голь перекатная.

Он без видимых усилий подхватил гири и вышел на улицу. Поддубный не терял времени даром, он даже дорогу из лавки к дому превратил в тренировку – пообещал себе, что не поставит гири на землю, пока не придет. Прохожие с удивлением и восхищением смотрели на Ивана, когда он нес тяжеленные гири по городу.

Прямо так, с гирями в руках, он и вошел в квартиру. Его соседи – ученики мореходных классов – как раз ужинали.

– Однако, – только и сказал Николай и поперхнулся.

Иван поставил свои спортивные снаряды рядом с соседскими. Петр засмеялся. Ведь двухпудовые гири были примерно настолько же больше их гирь, чем сам Поддубный – относительно своих соседей.

– Решил всерьез тренироваться? – поинтересовался Николай. – Вот это правильно.

– Вы мне поможете с журналами вашими досконально разобраться? – Поддубный снял с полки стопку французских журналов. – Картинки я уже выучил, а вот перевести кое-что не помешает, – он подсел к столу.

– Прямо сейчас и перевести? Все подряд? – Николай явно был удивлен такой нетерпеливостью соседа. – Дай хоть поесть…

С самого утра Иван вышел во двор вместе с соседями. Старался до седьмого пота. И все ему казалось мало. Теперь он уже и сам чувствовал, какие мышцы у него не дорабатывали

прежде, вот и старался давать на них нагрузку. Через неделю, как и обещал, сходил в скобяную лавку. Хозяин слово свое сдержал, штанга уже ждала Ивана. С семипудовой штангой на плечах он прошел по набережной. Естественно, за ним увязались мальчишки, но Иван не обращал внимания на их шутки и крики. Теперь у него имелась четкая цель.

Благодаря статье из французского журнала, которую перевел ему Николай, он уже знал, что при усиленных тренировках любой здоровый и нестарый еще мужчина может за полгода удвоить свою силу. К этому и стремился. Многое почерпнул Иван из статей. Теперь он вдобавок к силовым упражнениям регулярно обливался холодной водой, питался по особой, благоприятствующей росту мышц, диете. Конечно, это требовало лишних расходов, но теперь Поддубный уже был уверен, что нескоро предстоит ему навсегда вернуться в родные места. Он продолжал работать в порту. А по утрам и вечерам изнурял не только себя. Чтобы отработать приемы борьбы, приведенные в журналах, ему требовались соперники. Вот и приходилось Николаю с Петром исполнять их роль. Правда, «журнальные» правила борьбы были не совсем такими, как в борьбе на кушаках, и не все годились для нее. Раз в неделю Иван специально взвешивался в порту на больших весах, следил за тем, как растут мышцы.

И вот наконец настал долгожданный день. Перед Рождеством в самом конце 1897 года Поддубного вызвали в контору, истекал срок подписанного им контракта. Следовало заключить новый. К удивлению управляющего феодосийским филиалом, Иван взял расчет, тем самым поставив точку в своей «карьере» портового грузчика. А в начале января двадцатисемилетний Иван Максимович уже приехал в Севастополь. О своих новых планах на жизнь он не сообщил даже отцу, просто написал в письме, что решил сменить один портовый город на другой.

* * *

Сколько раз в мыслях Иван до этого представлял свой приход в цирк, готовил слова, которыми сможет уговорить владельца принять его к себе! Но жизнь всегда разрушает даже самые подготовленные планы. Сойдя с парохода, совершавшего каботажное плавание вдоль крымского побережья, Иван сообразил, что даже не знает, где располагается в Севастополе цирк. Пришлось спрашивать дорогу, и это сразу же подорвало уверенность в собственных силах. У первой же афишной тумбы

Поддубный задержался. А прочитав содержимое афиши, облегченно вздохнул. В программе выступлений имелись и борцы, значит, направлялся он по нужному адресу. Цирк принадлежал итальянцу Энрико Труцци.

Постояв несколько минут перед зданием, Иван вошел в него с черного входа. Поскольку было еще рано, полутемные помещения встретили его пустотой, лишь где-то в отдалении слышались негромкие голоса. На них Иван и пошел. Он специально оделся во все лучшее, что у него было, чтобы не выглядеть простаком. Правда, вместо чемодана при нем был прежний сельский саквояж, плетенный из ивовых прутьев.

У занавеса, отгораживавшего арену от вспомогательных помещений, о чем-то негромко переговаривались двое паяцев – один в белой одежде, другой – в черной. Скорее всего, обсуждали новый номер. На Поддубного они не обратили ровным счетом никакого внимания, хоть он и простоял около них чуть ли не минуту.

– Где я могу найти господина Труцци? – наконец, не выдержав, спросил Иван.

Паяцы переглянулись.

– Во-первых, не господина, а синьора Труцци, – молвил белый паяц.

– Он любит, когда его называют именно так, – подтвердил черный.

– А во-вторых, он сейчас в зале. Только учтите, Труцци терпеть не может, когда у него крадут время. Так что постарайтесь быть покороче.

– Он не устает повторять, что его время – это его деньги, – прошептал черный паяц.

Поддубный качнул тяжелую бархатную портьеру в сторону и вышел в зал. Над манежем был туго натянут канат. По нему грациозно двигалась дама в коротком, усыпанном блестками платье. В качестве балансира она использовала опахало из страусиных перьев.

Кучерявый мужчина в возрасте, чьи темные волосы уже тронула седина, сидел в первом ряду пустого амфитеатра и эмоционально пел какой-то марш, отбивая такт ладонями по подлокотникам кресла.

– Та-та-та, та-та-та… Эмилия, а теперь поворот! – он хлопнул в ладоши.

Женщина-канатоходец грациозно взмахнула опахалом, пружинисто подпрыгнула, повернувшись на сто восемьдесят градусов, и умудрилась опуститься на канат в шпагате. Так и застыла, чуть заметно покачивая страусиными перьями.

– Отлично, Эмилия! – крикнул курчавый. – А теперь еще раз! И не забудь послать воздушный поцелуй.

– Непременно, Энрико!

Как понял Иван, мужчина и был синьором Трущи. Эквилибристка и владелец цирка общались между собой по-русски, но говорили при этом с ужасным акцентом. Поддубный подошел поближе:

– Синьор Трущи? – обратился Иван.

– Он самый, – неприязненно ответил импресарио и тут же добавил: – Не видите, я занят.

– Я подожду.

Эмилия тем временем успела повторить проход по канату, послала воздушный поцелуй, а затем резво сбежала по тонкой металлической лесенке на манеж. Когда она подошла поближе, то Иван уже рассмотрел на ее лице тщательно загримированные морщины – женщине было слегка за сорок, а вот тело ее было как у молодой девушки. Он невольно засмотрелся на высоко оголенные ноги эквилибристки. Это ее совсем не смутило. Эмилия тряхнула припудренными волосами и несколько секунд смотрела Ивану прямо в лицо своими темными, бездонно-каштановыми глазами.

– Энрико, – проворковала она. – На сегодня все? А то я устала, голова болит, – женщина приложила ладонь ко лбу.

– Хорошо, отдохни перед выступлением.

Эквилибристка взмахнула руками так, будто бы зал был наполнен публикой, и с изящным поклоном удалилась за занавес. Трущи причмокнул ей вслед губами.

– Ну, что там у вас? – нетерпеливо повернулся он к Поддубному. – Только учтите, у меня мало времени. Мое время – это мои деньги.

– Я хотел бы работать у вас, синьор Трущи, – выдавил из себя Иван, понимая, что в эти секунды-минуты решается его судьба.

– Многие хотят работать у меня, – ухмыльнулся владелец цирка. – Но я не беру людей с улицы. У вас есть рекомендации? У кого вы работали раньше? И вообще, что вы умеете? – Энрико сыпал вопросами.

– Рекомендаций у меня нет и быть не может, потому что я раньше в цирке не работал. Владею борьбой на кушаках, могу делать всякие штуки с тяжестями.

– Значит, вы полагаете, что вы атлет. Вам хоть знакомо это слово?

– Знакомо. Я по французской методике тренировался.

– Похвально. Но я уже сказал, что не беру людей с улицы. Я не могу рисковать своим делом. Почему-то все считают, что я

могу платить им деньги. Вот когда будут у вас рекомендации, тогда и приходите.

– Если я устроюсь в другой цирк, то зачем тогда мне будет ваш? – возразил Поддубный. – Лучше посмотрите на меня в деле.

– Здраво мыслите. Хорошо, выходите на арену, продемонстрируйте.

– Я же с пустыми руками пришел. Мне хотя бы гири нужны.

– Цирк, молодой человек, это прежде всего искусство. Вы претендуете на то, чтобы стать артистом, а говорите о гирях. Или показывайте что умеете, или уходите, – Труцци демонстративно щелкнул крышкой карманных часов.

Все, что готовил для убеждения владельца цирка Поддубный, оказалось невозможным к исполнению – ни тяжестей, ни противника. И тут вспомнились уроки соседа по квартире. Иван сбросил пальто, рубашку. Он напрягал мышцы, прогонял по животу волну, принимал героические позы, отжимался на двух пальцах.

Лицо синьора Труцци просветлело, но взгляд еще оставался жестким.

– Для человека с улицы очень даже неплохо. На вас будут приходить посмотреть женщины, это точно, – наконец соизволил произнести он. – Как, вы сказали, вас зовут?

– Я еще не сказал. Иван Поддубный.

Владелец цирка наморщил лоб.

– Вы уверены, что никогда не выступали в цирке?

– Было один раз. Но не выступал, а просто вышел в Феодосии побороться с атлетами, как и было в афише написано.

– Это в цирке Бескоровайного? Слышал-слышал о вашем выступлении. Пожалуй, я рискну. Дам вам возможность выступить в сегодняшнем представлении. А тогда уж и поговорим, сможете ли вы у меня работать.

Иван и не думал, что тот единственный раз, когда он вышел на манеж, стал известен за пределами Феодосии. Ему казалось, что уже и зрители, присутствовавшие в зале, в своем большинстве о нем забыли. А вот, оказывается, и нет. Не знал он еще тогда, что владельцы цирков пристально следят за конкурентами.

Никто Поддубного к этому первому его выступлению специально не готовил, только выдали специальное цирковое трико. Нужного размера не нашлось, а потому остаток времени до выхода на манеж Иван провел распарывая и зашивая его, чтобы можно было влезть.

Он вышел под бравурные звуки оркестра вместе с другими атлетами. Больше всего его поразило то, что среди них оказался и настоящий негр. Звучали громкие титулы, звучные сценические

псевдонимы. И лишь один он был представлен просто как Иван Поддубный. По инерции публика и Ивана наградила аплодисментами, правда жиденькими. Если в Феодосии Поддубный сразу же оказался в центре внимания уже просто потому, что был человеком из зала – единственным в своем роде на манеже, то теперь он являлся одним из многих, и внимание публики еще следовало заслужить.

Он неплохо справился с силовыми упражнениями, его заметили. А когда началась собственно борьба, то это уже был триумф. На каждого противника Ивану потребовалось не более пяти минут. Всех при помощи кушака ему удалось уложить на лопатки. Поддубному трижды пришлось выходить на поклон, пока наконец публика его не отпустила.

Всю энергию, которую он копил в себе последние дни, Иван выплеснул наружу. Это был настоящий триумф. Даже артисты столпились в проходе и не прячась выглядывали в зал.

Лишь только Поддубный переоделся, как его тут же вызвал к себе синьор Труцци. Маленький кабинетик был сплошь завешен афишами.

– Очень достойно, – похвалил Энрико Ивана и положил перед ним деньги. – Это ваш гонорар за сегодняшнее выступление. Вы показали, что можете зажигать публику.

Поддубный улыбнулся, взял ассигнации.

– Я готов подписать с вами контракт, – прищурился итальянец.

Иван не сдержал радости.

– Прямо сейчас? И я буду работать у вас?

– А чего нам еще ждать? – Энрико пожал плечами, полез в сейф, вытащил бумаги. – Почитайте, это контракт с одним из моих атлетов. Такой же будет подписан и с вами. Почти такой же, – уточнил хозяин цирка.

– А в чем разница? – Иван заглянул в бумагу.

– Сумма меньшая, – усмехнулся Труцци. – У вас же нет титула, рекомендаций. Вы новичок. По-моему, это абсолютно справедливо. Я сильно рискую.

Поддубный кивнул.

– И со мной вы заключите контракт на год?

– Вы хотели бы на более длительный срок?

Иван подумал. Год работы в цирке по контракту и так казался ему почти бесконечностью.

– Согласен, – проговорил он, возвращая бумагу.

Труцци как опытный антрепренер знал что делает. Настоящую цену Поддубному он представлял с точностью до рубля, а потому и поспешил с контрактом. Сегодня Иван с

радостью подпишется под небольшим гонораром, а вот через месяц поймет, что продешевил, но назад уже пути нет, контракт подписан. Год придется отрабатывать за оговоренные заранее деньги.

– А теперь, когда вы уже практически зачислены в труппу, – продолжал улыбаться Энрико, – я позволю себе дать вам несколько ценных советов.

– Внимательно вас слушаю, синьор Труцци.

– На ковре вы сегодня смотрелись великолепно. Но только не следует так спешить укладывать соперника на лопатки. Публика пришла посмотреть зрелище, а вы лишаете ее этого удовольствия. Вам понятно, о чем я говорю?

– Вполне. На следующем выступлении я потяну время.

– Отлично, что насчет этого мы договорились. Второе: будьте готовы к тому, что у вас появятся недруги. Это только с виду цирковая труппа – дружная семья. Здесь, под куполом, процветают интриги, особо не любят успешных. Вы пришли работать и отняли чей-то хлеб. Перед самым выступлением может пропасть ваш реквизит или, не дай бог, на вас что-то упадет. Держитесь настороже и никому не доверяйте полностью.

– Спасибо, что предупредили.

– И третье, – синьор Труцци закатил глаза. – Я уже говорил, что цирк прежде всего зрелище. Вам следует придумать какой-то свой номер, по которому вас будут узнавать.

– Что ж, подумаю.

– И последнее. Где вы собираетесь жить? Вы уже сняли квартиру?

– Нет, сразу из порта пришел к вам. Сегодня же этим займусь.

– Не спешите. У меня есть другое предложение. При цирке имеется небольшая гостиница для артистов. Можете жить в ней. Только спустили ноги с кровати – и сразу же оказались на работе. И стоит это удовольствие совсем недорого. Я люблю, когда мои люди под присмотром, на виду. Тогда они совершают меньше глупостей.

Глава 5

Прикосновение к шелковым чулкам и запах пудры, оброненный кусочек французского мыла. Сломанный телеграфный столб, теперь их придется ломать каждый раз. «Шике» против «бура». Четверо с дубинами против одного. Страшное открытие и съеденный по клочкам контракт. Победителей любят женщины.

Номер в цирковой гостинице, который достался Поддубному, был немногим больше, чем его феодосийская комнатка. Как понял Иван, до него это помещение занимала какая-то дама. В память о ней осталась почти порожняя коробка от пудры, несколько писем в распечатанных конвертах и пара порванных шелковых чулок. Прикосновение к этим вещам заставило Ивана волноваться. Особенно – запах пудры. Так пахло от богатых дам на променаде, когда они проходили рядом. Выбросить все это у Поддубного не поднялась рука. Он просто завернул забытые вещи в газету и засунул в дальний угол прикроватной тумбочки.

В гостиничном житье был еще один плюс. Здесь имелся ватерклозет и даже душ. Вещь для циркового артиста очень нужная. Ведь во время выступлений буквально обливаешься потом. Иван выждал время и, посчитав, что все, кто хотел помыться, уже сделали это, прихватил пару чистого белья, мыло, полотенце и вышел в коридор. Вдоль стен тянулся ряд одинаковых дверей. За одной из них слышались голоса, звучал женский смех. Чувствовалось, что здесь не принято ложиться рано. Душ располагался в самом конце коридора. Иван шума воды не услышал, а потому спокойно открыл дверь и вошел. В нос тут же ударил влажный теплый пар, пахло душистым мылом. В углу поблескивал огнем из маленькой дверцы титан. И только сейчас Поддубный заметил, что он здесь не один. Сперва он увидел висевший на кафельной стене ярко-красный шелковый халат с вышитыми на нем золотыми драконами. И только потом, в неверном тусклом свете, лившемся из закрашенного белой краской окна, заметил над дверцей душевой кабинки женскую голову и обнаженные плечи. Пара темно-карих глаз смотрела на него внимательно и, как ему показалось, насмешливо. Иван тут же узнал – это была Эмилия, эквилибристка-канатоходец.

– Простите, – попятился Поддубный. – Я думал…

Что именно он думал, Иван так и не сформулировал, покраснел, осекся. Вид обнаженных белоснежных плеч смутил его. Женщина заливисто рассмеялась.

– Да не тушуйтесь. Проходите, есть же свободная кабинка. У нас, у цирковых, такое в порядке вещей. Раздевайтесь, я не

смотрю, – Эмилия повернулась спиной и даже принялась что-то напевать на незнакомом Ивану языке.

Над дверцей мелькнула рука с губкой, стало слышно, как она скользко поскрипывает, растирая по телу пену. Чувствуя себя ужасно неловко, Иван разделся до белья и поспешил закрыться в соседней кабинке. Рядом зашумела вода, мыльный поток поплыл к нему под деревянный настил.

– Тра-ра-ра, тра-ра-ра… – пропела Эмилия незамысловатый припев. – Я смотрела сегодня ваше выступление, – прозвучал милый, несколько низкий грудной голос. – Вы были великолепны и неподражаемы. Ни одного поражения. Вы слушаете меня?

– Слышу, слышу, – пробормотал Иван, включая обжигающе холодную воду, но даже она не могла остудить его.

Было что-то ужасно стыдное и в то же время сладкое в том, чтобы, будучи абсолютно голым, говорить через тоненькую перегородку с обнаженной женщиной.

– У вас был хороший наставник?

– Я сам занимался, по журналам.

– Трудно в это поверить. Наверное, вы скромничаете.

Раздался звук падения, брикетик мыла скользнул под не доходящую до пола перегородку и ткнулся в ногу Ивану.

– Ой, мыло уронила. Какая же я неловкая! – Эмилия протянула под перегородку руку и принялась шарить, но не могла достать.

Иван, как ошпаренный, дернулся, прижался к стене, не сводя глаз с изящной руки.

– Вам несложно будет подать мне мыло? – прозвучало очень буднично, словно просили передать солонку за столом во время обеда.

– Сейчас… – язык от волнения прилипал к небу, Поддубный нагнулся, подхватил скользкое мыло и вложил его в ладонь Эмилии. – Держите.

– Благодарю, – пальцы с ухоженными ногтями сперва коснулись руки Ивана. – Простите, я же ничего не вижу, – затем они обхватили брусочек.

За перегородкой вновь зашумела вода. Поддубный поднес к лицу ладонь с клочками душистой пены. Мыло было дорогое, французское, не чета тому простому, которым пользовался Иван. Казалось, что Эмилия забыла о своем соседе по душу, она продолжала напевать. Время от времени под перегородкой показывались ее миниатюрные ступни. Больше всего Поддубного поразило то, что ногти на ногах были покрашены красным.

– Вы холодной водой моетесь? – неожиданно спросила эквилибристка.

– Ага.

– Я тоже закаляюсь. Сперва горячая-горячая, а затем ледяная, – шум воды смолк, Эмилия предупредила: – А теперь не подглядывайте, я выхожу.

Иван отвернулся к стене, на него лились струи ледяной воды, но даже сквозь их шум он слышал, как шуршит халат.

– Все. Счастливо оставаться и спокойной вам ночи, – проворковала эквилибристка. – Как-нибудь заходите ко мне в гости. Я в шестом номере живу.

Хлопнула дверь, впустив в душ порцию свежего воздуха. Иван перевел дыхание и принялся ожесточенно тереть тело жесткой морской губкой.

Спокойной ночи, несмотря на пожелание Эмилии, не случилось. Поддубный лежал на кровати, глядя широко открытыми глазами в потолок, на который падала косым крестом тень от оконной рамы. Прямо напротив его номера горел фонарь. Иван пытался припомнить ту, ради которой покинул родное село. Вспоминалась ночь у Шведских могил, но сама Аленка куда-то пропадала, вместо нее из темноты выходила и выходила Эмилия в своем блестящем цирковом наряде.

Однако почти бессонная ночь не прошла даром. Иван придумал-таки свой собственный номер. Днем он поделился своими соображениями с синьором Труцци, тому идея понравилось. Еще пара дней ушла на подготовку и репетиции. И в воскресном представлении Поддубный уже открывал выступление атлетов…

Все места в зале были проданы. На тумбах в городе красовалась новенькая афиша, на которой был отдельно заявлен великий и непобедимый Иван Поддубный. И эта характеристика не являлась преувеличением. За все время работы на синьора Труцци еще ни одного поединка Иван не проиграл. Коверный объявил выход атлетов, но на манеж под барабанный бой вместо них выползли двое паяцев. Надрываясь, они тащили деревянный телеграфный столб. Конечно же, рухнули вместе с ним и убежали, высоко подпрыгивая. Затем из-за занавеса показался Поддубный. Многие зрители уже не по одному разу наведывались на представления, а потому сразу узнали своего героя и наградили его аплодисментами. Иван же делал вид, что никого не видит, будто бы в здании цирка он находился один. Подошел к лежащему на опилках столбу, почесал затылок, словно говорил самому себе, что негоже пропадать добру. Присел, взвалил столб себе на плечи и поднялся вместе с ним.

Тут же вновь появились паяцы. Они с криками вцепились в концы столба, пытаясь остановить Ивана.

– Люди, помогите! – надрывались они. – Не дайте ему унести наш столб!

Поддубный распрямил спину, и клоуны повисли в воздухе, болтая ногами. Подключился и коверный. Он махал руками, призывая публику быть посмелей.

– Выходите, выходите! Цепляйтесь за столб.

Наконец нашлись и желающие. Коверный следил за тем, чтобы желающие поучаствовать в проверке сил Поддубного висли по двое с каждой стороны.

– Он держит уже четверых! – неслось из зала восторженно. – Шестерых! Восемь человек!

Поддубный не только держал столб с людьми на плечах, но еще и медленно поворачивался, чтобы его могли получше рассмотреть.

– Десять висят!

Больше места, чтобы уцепиться, попросту не было. Зал заходился в восторге. Даже сам синьор Труцци выглядывал из-за кулис. И тут раздался треск. Телеграфный столб сломался от тяжести, развалившись пополам. Это не было предусмотрено номером. Но получилось здорово. Паяцы и коверный помогали зрителям-добровольцам подниматься с манежа. Отряхивали их. Под шутки публики они возвращались на свои места. Никто никаких претензий не предъявлял. Поддубный взвалил на плечи обломки телеграфного столба и вынес их с арены. Синьор Труцци смотрел на него с восхищением. Со стороны зала слышались крики и овации. Зрители требовали Ивана вернуться на манеж. Владелец цирка обнял борца и проговорил:

– С этого дня будете всегда открывать выход борцов своим номером. И столб непременно будет ломаться. Видите, как это понравилось людям?

– Сломается, не сломается – это уж как получится, – сказал Поддубный, перехватив восторженный взгляд эквилибристки-венгерки.

Эмилия уже успела переодеться, на ней был тот самый шелковый халат с золотыми драконами, который так сильно врезался в память Ивану в душе.

– А мы его, этот столб, будем теперь всегда подпиливать, – засмеялся синьор Труцци. – Ну все, Иван Максимович, идите на поклон к публике. Слышите, как они надрываются, вы их любимец.

Минут пять пришлось кланяться, пока наконец шум в зале не утих. А затем начались борцовские схватки. И вновь ни одного поражения. Каждый раз, когда Поддубный впечатывал противника лопатками в ковер, раздавались свист, топот, крики.

Особо громко кричали женщины. Некоторые из них даже бросались к арене, чтобы вручить победителю цветы, и ливрейным приходилось удерживать экзальтированных дам. Иван просто ощущал на себе исходящую из амфитеатра энергию. Это грело душу, ему удалось завести людей.

И только «черные» букмекеры, принимающие ставки, нервно кусали губы. Непобедимый борец не входил в их планы, отбирал у них хлеб. Если исход борьбы предрешен, то кто же захочет ставить на кого-то другого, как не на Поддубного?

Наконец отгремели прощальные аплодисменты, публика потянулась к выходу. Поддубный прошел мимо синьора Трущи, который очень сосредоточенно беседовал с одним из букмекеров и кивал.

– Иван Максимович, вы через полчасика зайдите ко мне, – попросил владелец цирка.

– Хорошо, синьор Трущи, – не подозревая ничего плохого, ответил Иван.

Поддубный был во всем пунктуален: в тренировках, в выступлениях, в данном другим слове. А потому ровно через полчаса он уже находился в небольшом кабинете синьора Трущи. Итальянец широко улыбался, но улыбка, это сразу же чувствовалось, была не слишком искренней. Хозяин кабинета разжег под кофейником спиртовку и заговорил, несколько заискивая:

– Насчет телеграфного столба мы уже с вами договорились. Согласитесь, так будет лучше для номера.

– Конечно, это обман, – заметил Поддубный. – Лучше бы столб ломался сам по себе.

– Какой же тут обман? – всплеснул руками итальянец. – Это цирк! Не считаете же вы обманом выступление факиров? Или то, как спотыкается и падает на арене паяц. Зрелище – вот чего ждет от нас зритель. Зрелища и еще раз зрелища.

– Я все-таки не факир, не фокусник, а атлет. Все должно быть по-настоящему, – еще упрямился Иван, хотя в душе понимал, что прав опытный антрепренер.

Синьор Трущи осуждающе покачал головой:

– Ведь вы разумный человек, хотя такое среди борцов – редкость.

– Хорошо, насчет столба я согласен, пусть будет подпиленный.

Шипевший до этого кофейник забулькал. Синьор Трущи торопливо снял его с огня, погасил спиртовку стеклянным колпачком.

– Кофе не желаете? – поинтересовался он у Ивана, давая

понять, что главный разговор, ради которого его и пригласили, еще впереди.

– Не откажусь.

Ароматный кофе полился в чашечки. Одна из них исчезла в могучей ладони атлета. Итальянец несколько манерно взял чашку за тонкую фарфоровую ручку, подул на горячий кофе и сделал маленький глоток.

– В воскресном выступлении у нас будут значительные изменения, – таинственным тоном заговорил синьор Труцци. – Дело в том, что к нам из Одессы приезжает чемпион Паппи.

– Серьезный борец, – припомнил Поддубный. – Об этом итальянце даже во французском журнале по атлетизму писали.

– Вот именно, что серьезный и знаменитый, – нервно улыбнулся владелец цирка.

– Постараюсь у него выиграть, – пообещал Иван.

И вновь синьор Труцци осуждающе покачал головой.

– Не стоит этого делать, – прозвучало неожиданно.

– Почему же? – удивился Иван.

– Вам известны такие понятия, как «шике» и «бур»? – поинтересовался итальянец и тут же, не дождавшись ответа, продолжил: – «Шике» – это схватка понарошку, мастерская демонстрация приемов на публику. То самое зрелище, о котором я говорил. Результат такой схватки известен борцам заранее. Они договариваются о победе одного из них. В «буровой» же схватке побеждает сильнейший. Она может быть не такой зрелищной. Но, согласитесь, зачем каждый раз выкладываться на ковре полностью? Вы еще очень молоды и, наверное, не слышали о «гамбургском счете»?

– Отчего же, слышал, – пожал могучими плечами Поддубный. – Раз в год борцы-чемпионы собираются в Гамбурге и при закрытых дверях меряются силой, чтобы знать, кто на самом деле чего стоит.

– А вы хотите каждое выступление проводить по «гамбургскому счету». Себя не бережете. Вы должны будете в конце схватки поддаться Паппи. За это получите тройной гонорар за выступление. Задаток могу заплатить хоть сейчас, – итальянец уже потянулся к сейфу.

Деньги не были бы лишними для Поддубного, но он отрицательно покачал головой.

– Специально поддаваться я никому не стану.

– Хотел бы напомнить, – сузил глаза итальянец, – что вы работаете на меня. И разрушать свое дело я никому не позволю. Вы сделаете так, как я скажу.

– Да, я работаю на ваш цирк, – согласился Иван. – Получаю от

вас деньги. Но поступал я на работу по контракту. И если вы покажете мне в нем пункт, согласно которому я должен поддаться, то я так и сделаю.

Синьор Трущи нервно забарабанил пальцами по столешнице, отпил успевший остыть кофе, скривил губы.

– Я заплачу в пять раз больше, – поднял он цену. – Вы поддадитесь ему только один раз. На следующий день можете и выиграть, если у вас это получится.

– Нет, на обман я не пойду, – твердо заявил Иван Максимович. – Все будет по-честному. Могу идти? – он поднялся, давая понять, что уговаривать его бесполезно.

Синьор Трущи это почувствовал.

– Смотрите, пожалеете, Иван Максимович. Так дела не делаются. Спокойной ночи.

Неприятный осадок остался на душе у Поддубного от этого разговора. Остаток недели он выступал как обычно, итальянец не напоминал ему о своем предложении и только в субботу спросил:

– Не передумали? Плачу вшестеро больше.

– Схватка будет честной, «буровой». Никакого «шике», – пообещал Иван.

Свидетельницей этого короткого разговора стала и венгерка Эмилия. Сорокалетняя красавица-эквилибристка азартно блеснула глазами, словно хотела поддержать решительность атлета. Иван благодарно ей кивнул.

Сказать, что Поддубный не волновался, нельзя. Он не был уверен, что выйдет победителем. Впервые ему предстояла схватка с настоящим чемпионом. Приняв душ в гостинице, он понял, что уснуть с ходу ему не удастся. В голове он раз за разом прокручивал предстоящий бой, прикидывал, какие приемы лучше всего использовать. А думается всегда лучше на ходу. Размеренный шаг упорядочивает мысли. И Иван решил прогуляться по городу своим излюбленным маршрутом. Он шел по вечернему малолюдному променаду. Свет тусклых фонарей бросал на мостовую призрачные тени. Многие из поздних прохожих узнавали его. Кто-то даже здоровался, приподнимая шляпу. Иногда за спиной слышалось восхищенное:

– Смотри, смотри. Это же сам Поддубный!

Иван остановился у афиши, которая анонсировала завтрашнее, воскресное, его выступление. Тут же был изображен и его противник Паппи. Тот, кто писал текст, не стеснялся высокопарных слов. Борца-итальянца называли великим, непобедимым, уникальным. Правда, не скупились на похвалы и Поддубному, называя его русским силачом и самородком. Иван уже привык к тому, что его портреты появляются в местных

газетах. Некоторые дамы даже вырезали их и прикрепляли к стенам своих комнат канцелярскими кнопками. Удовлетворив свое самолюбие, Поддубный двинулся дальше. Вскоре благоустроенная часть променада закончилась, оборвалась мостовая, под подошвами зашуршала мелкой каменной россыпью тропинка. Рядом призывно плескало невидимыми в темноте волнами море.

Иван спустился на пляж, поднял двумя руками увесистый камень, несколько раз качнул его, мышцы работали отлично. Невдалеке из-за скалы появились людские силуэты. Поддубный не видел их, не слышал из-за шума прибоя осторожных приближающихся шагов. Четверо крепко сложенных молодых парней в коротких пиджаках, одинаковых кепках-восьмиклинках крались к нему, сжимая в руках увесистые палки.

– Здоровый, черт, – беззвучно прошептал один из них и опасливо покосился на Ивана.

– Не дрейфь, нас же четверо, – шепотом прозвучало в ответ.

Иван услышал шорох камней в последний момент, повернул голову. Занесенная для удара толстая палка со всего размаха опустилась ему на ключицу. Резкая боль почти парализовала руку. Тяжелый камень упал на землю. Поддубный мотнул головой.

– Часы сюда давай, гад, – послышалось почти змеиное шипение.

– И портмоне, – добавил другой грабитель.

Походило на ограбление. Вот только странным было то, что жертвой грабители выбрали не какого-нибудь худосочного конторщика, а великана Поддубного. Хотя вполне могли сразу и не разобрать в темноте, с кем имеют дело. Да и численное преимущество было на их стороне, и увесистые дубинки в руках. Место для нападения тоже выбрали подходящее – безлюдный ночной пляж.

– Ты че, не слышишь? Оглох? Часы сюда давай!

– Мы тебе уши сейчас прочистим!

Последовал одновременный взмах дубинками. От двух Иван успел уклониться, пропустил удар третьей, она врезалась в ребра, а вот четвертую сумел поймать и резко дернул на себя. Злодей рухнул на камни, дубинка оказалась с кожаной петлей. Не удосуживаясь снять ее с запястья, Поддубный сильным рывком оборвал ремень. Но он не собирался использовать доставшееся ему оружие по назначению, хотя, возможно, и стоило это сделать. Неудачливый мерзавец заскулил и, прижимая поврежденную руку к животу, пополз в темноту ночи.

Иван стоял напротив троих растерявшихся на мгновение

грабителей с палкой в руках. Никто не решался напасть первым. И все же выступления в цирке не прошли для Ивана Максимовича даром. Он умел делать эффектные жесты. Поддубный взял да и сломал дубинку об колено – та хрустнула, словно была тонким прутиком.

Один из ублюдков попытался нанести удар палкой по руке Ивана, но промахнулся, после чего Поддубный схватил его, поднял над головой и бросил в темноту. Послышался удар, напоминающий звук, как будто кочан капусты бросают о стену.

– Зубы… – донеслось из мрака.

Один из оставшихся на ногах грабителей бросился убегать, а вот второго Иван схватил за шиворот и поднял в воздух. Кепка слетела с головы и укатилась по камням. Парень сперва извивался, пытаясь высвободиться, даже пробовал дотянуться руками до шеи Ивана, а затем, осознав бесплодность своих попыток, просто повис, зло глядя на силача.

– Пошли, – неопределенно сказал Иван и понес грабителя.

Тропинку миновали в молчании. Мерзавца так сильно впечатлило то, что его несут на весу, что он весь дрожал. Впереди уже маячили редкие фонари променада. Поддубный миновал парочку молодых влюбленных. Парень и девушка проводили его удивленными глазами. Наконец у неудачливого грабителя прорезался голос:

– Куда ты меня тащишь?

– Плохо родители воспитали? Чужим людям следует говорить «вы», «господин», «сударь».

– Куда вы меня несете? – с готовностью исправился негодяй.

– Куда-куда? В полицейский участок.

– Не надо в полицию, – взмолился болтавшийся в воздухе парень.

– Это почему же вдруг не надо? – ухмыльнулся Иван. – В участке грабителю самое место.

– Мы только для вида вас ограбить хотели, – зашипел парень перекошенным от страха ртом.

– Погоди, что значит, для вида? – уточнил Иван. – И дубинки для вида взяли?

– Если вы меня отпустите восвояси, я всю правду скажу. Наняли нас, заплатили, чтобы мы вас дубинками избили.

– Кто нанял, зачем? – искренне удивился Поддубный.

– Не будет участка? Отпустите? – пытался вырвать обещание грабитель.

Иван поставил его на мостовую, произнес:

– Если правду скажешь, отпущу, – и разжал пальцы.

Взъерошенный парень поправил воротник, одернул кургузый

пиджачок.

– Нам синьор Трущи заплатил, чтобы мы вас палками отходили. Сильно, сказал, не бить, так, чтобы кости целыми остались.

– Трущи? – недоуменно переспросил Поддубный, в голове у него подобное не укладывалось. – Не врешь?

– Мне врать не с руки. Пусть отсохнет. Вот вам крест, что это он заплатил, – и грабитель перекрестился.

– Ему какой смысл?

– Трущи контракт с букмекерами подписал на то, что Паппи обязательно выиграет у вас схватку. Они теперь ставки принимают.

– Пошел вон! – прикрикнул на него Иван.

Тот тут же ретировался, перепрыгнул через балюстраду и скрылся в темноте морского берега. В голове у Ивана плыл густой туман, но постепенно он рассеивался, проступали контуры произошедшего. Отдельные случаи последних дней намертво складывались в единое целое. Приезд знаменитого Паппи, воскресное выступление, предложение синьора Трущи поддаться и его, Ивана, категорический отказ это сделать.

– Он подписал с букмекерами контракт на мой проигрыш, – выдохнул Поддубный. – То-то так меня уламывал. Ну, а когда не получилось, то нанял громил, чтобы меня палками отходили так, чтобы я еле руками-ногами ворочал. Однако… – он сжал кулаки до хруста в суставах.

Иван и сам не заметил, как уже стоял напротив цирка. Злость и ненависть переполняли его. Раньше он считал синьора Трущи приличным человеком, насколько может быть приличным антрепренер. Теперь же ему открылась истинная сущность цирковой жизни. В окнах здания еще горел свет. Желтело и окошко кабинета владельца. Поддубный повел плечами и шагнул в здание.

Иван миновал до боли знакомые подсобки. Вдоль стен томились в тесных клетках животные. Дрессированный лев словно почувствовал возбуждение Ивана и грозно зарычал на него.

– Цыц! – цыкнул на него Иван грозно.

Могучий лев сразу же присмирел. Поддубный, не останавливаясь, толкнул плечом дверь, хлипкая защелка тут же отлетела. В небольшом кабинетике сразу же стало тесно. Из-за стола поднялся синьор Трущи, напротив него сидел тщедушный букмекер и пялился на Ивана полными страха глазами.

– Вы передумали, Иван Максимович? – спросил дрогнувшим голосом итальянец.

– Передумал… – прохрипел Иван, ударяя кулаком по столешнице, отчего она тут же треснула, но не развалилась. – Передумал тебя убивать, – последовал еще один удар по столу.

Подпрыгнула и свалилась на пол спиртовка.

– Мы лучше так сделаем, – Поддубный схватил своего работодателя за шиворот и вытащил из-за стола.

Синьор Трущи заверещал:

– На помощь! Убивают! Кто-нибудь!

Букмекер, вместо того чтобы попытаться остановить разъяренного атлета, юркнул в дверь и растворился в цирковых лабиринтах.

– Значит, ты с ними контракт подписал? – допытывался Иван.

– Какой контракт?.. Спасите!

– Значит, меня палками отходить, да?

– На помощь! Пожар! – заверещал владелец цирка.

На его отчаянный крик сбежались все, кто еще оставался в здании: репетировавшая новый номер эквилибристка Эмилия, дрессировщик с ветеринаром, пришедшие осмотреть захромавшую лошадь, пара ливрейных. Все они столпились в двери, тянули шеи, выглядывали друг из-за друга. Зрелище впечатляло. Иван потряхивал синьора Трущи, держа его за воротник, то отрывал от пола, то вновь опускал.

– Что случилось? – наконец нашел в себе силы спросить дрессировщик, он уже подозревал, что Поддубный просто-напросто спятил.

Стоило дрессировщику сделать шаг вперед, как Иван предупредил:

– Назад, никому не подходить.

– Хорошо-хорошо, Иван Максимович, – испуганно пробормотал дрессировщик, привыкший укрощать львов с тиграми. – Только объясните нам, что все это значит.

Поддубный немного сбивчиво рассказал суть дела. Цирковые артисты озадачились, поняв, что правда на стороне атлета, а владелец цирка хотел совершить подлость и предательство по отношению к тому, благодаря кому сумел заработать немало денег.

– Остановите его, он сумасшедший, – лепетал синьор Трущи, – он убьет меня.

– Где контракт с букмекерами? – для пущей убедительности Иван еще раз тряхнул антрепренера.

– В сейфе лежит, – вытряс он признание.

– Значит, все же был контракт? А ну, открывай свой несгораемый шкаф! – атлет разжал пальцы.

Перепуганный Трущи еле устоял на ногах и принялся шарить

в ящиках поломанного стола, нащупал дрожащими руками ключ, еле вставил его в замочную скважину и открыл дверцу.

– Вот он, вот, – владелец цирка тыкал Ивану исписанную бумагу, словно она жгла ему руку, и он хотел побыстрее от нее избавиться.

– Не нужна мне твоя бумажка. Садись за стол.

Артисты наблюдали за происходящим, еще не понимая, что задумал Поддубный.

– А теперь ты съешь этот контракт! – приказал он синьору Трущи.

– Съесть? – не понял тот.

– Жри. Сам писал, сам и ешь.

– Но это же дикарство какое-то, – возмутился синьор Трущи, сообразив, что самое страшное для него миновало – его не будут бить.

Поддубный положил тяжелую ладонь на плечо владельца цирка.

– Придется, не я все это начал.

Синьор Трущи зубами оторвал край листка, пожевал его, закрыл глаза и, сделав над собой усилие, сглотнул.

– Можно сильно не торопиться, – произнес Поддубный, присаживаясь на стул, который до него занимал букмекер.

На глазах у своих артистов синьор Трущи был вынужден по маленьким кусочкам сжевать и проглотить злополучный контракт с букмекерами, согласно которому Поддубный должен был поддаться Паппи.

– Ну вот и порядок, – молвил Иван, когда Трущи закончил, и тут же налил ему воды из графина.

– Чего уставились? – не выдержал итальянец пристальных взглядов своих артистов. – Или работайте, или спать идите.

Иван поднялся, вышел, на мгновение заняв своим большим телом весь проем, и закрыл за собой дверь. Не хлопнул, не ударил, а именно закрыл. Он удовлетворил свою жажду мести, а потому стал более-менее спокоен. Ливрейные, будучи низшей кастой в цирке, посчитали за лучшее на всякий случай сразу уйти. Хозяин вполне мог рассчитать свидетелей своего унижения. Дрессировщик подмигнул Ивану, мол, все правильно ты сделал, вот только не навредил бы этим себе, после чего вернулся вместе с ветеринаром к захромавшей кобыле.

Цирковая дива Эмилия глубоко вздохнула, от чего ее грудь приподнялась вместе с корсетом.

– Я так разволновалась, что не смогу сейчас продолжить репетицию, – произнесла она грудным низким голосом. – Я бы не отказалась, чтобы вы меня проводили до моего номера, – и

Эмилия тут же просунула руку под локоть Поддубному.

Он шел, ощущая рядом присутствие немолодой, но ослепительно красивой женщины, чувствовал ее разгоряченное тренировкой тело, улавливал сквозь запах парфюма природный аромат ее тела.

– Вам было страшно? – на улице она плотнее прижалась к своему провожатому, словно боялась, что нападение повторится.

– Тольки дураки ничего не боятся, – ответил Иван. – Когда один мне в ключицу дубиной заехал, я уж думал, что кость поломал. Но цела осталась.

– Это очень низко со стороны синьора Трущи. Я не ожидала от него подобного. Но теперь вспоминаю, что и мне он делал двусмысленные предложения. Ну, вы же понимаете, о чем идет речь?

– Догадываюсь.

Уже в коридоре гостиницы для артистов Эмилия плавно вытащила руку из-под локтя своего спутника и шепотом произнесла в самое его ухо, от чего даже стало щекотно:

– Вы сказали, что вам сильно ударили в плечо. Разрешите, я осмотрю? – ее тонкие пальцы коснулись ключицы, скользнули под пиджак, рубашку, но тут же Эмилия отдернула их. – Нет, не здесь, пройдемте в мой номер.

Щелкнул ключ в замке. Поддубный, как маленький ребенок, которого ведет за руку няня, очутился в небольшой, но очень уютно обставленной комнатке. На стенах висели цирковые афиши. Эмилия мало походила на свои рисованные изображения. В жизни она была не то чтобы чуть полнее, но шире в кости, а художник изображал ее хрупкой.

Цирковая дива слегка улыбнулась.

– Показывайте свою рану. А я постараюсь понять, серьезная ли она.

– Да так, ерунда, только саднит немного.

Женщина сняла с Ивана пиджак. Ее хрупкие длинные пальцы ловко расстегнули пуговицы рубашки, оголили плечо.

– О, у вас кровь. Надо промыть, садитесь.

Она усадила Поддубного на кровать, раскрыла буфет, вынула початую бутылку коньяка, плеснула его на матерчатую салфетку и стала старательно протирать ею рану. Та была небольшой, только кожа содрана. Ивану приятно покалывало плечо, запах коньяка щекотал ноздри, легкая боль отзывалась при каждом прикосновении. В вырезе платья виднелась белоснежная грудь женщины, на вид мягкая, но упругая, как свежевыпеченная булка. Эмилия перехватила его взгляд и улыбнулась, продолжая гладить рану салфеткой. Иван смутился, закрыл глаза, но не плотно, все

же подглядывал и чувствовал, как приятное тепло разливается по его телу. Эмилия склонила голову к его плечу, отняла руку и нежно лизнула рану, затем поцеловала выше – в шею. Их губы соприкоснулись, Поддубный ощутил дрожь в коленях.

– Да не так же, не так, – зашептала Эмилия. – Ты что, не умеешь целоваться? Правда? Как мило. Дай я тебя научу. Это называется «французский» поцелуй, – кончик языка раздвинул губы Ивану… – пока я все сделаю сама, – пообещала Эмилия, – а ты поймешь, почувствуешь, когда и от тебя что-то потребуется.

Поддубный подчинился опытной в любовных делах женщине. С одной стороны, ему претило, что до него с ней были другие мужчины, и было их немало. Ведь научиться всяким хитроумным штучкам в постели можно только с кем-то. Ивану казалось, что все они – его предшественники по плотской любви – незримо присутствуют рядом в каждом жесте Эмилии, в каждом ее движении. Но с другой стороны, чего он хотел? Женщине уже сорок лет, она чуть ли не вдвое старше его! Не могла же она сидеть, ждать его, хранить невинность до сегодняшнего вечера. Эмилия в постели чем-то напоминала ему умелого борца на ковре: неожиданный прием – и ты уже на лопатках, а подниматься нет ни сил, ни желания. Кроме опыта эквилибристка обладала чрезвычайно гибким телом, а потому она умудрялась вытворять с ним все, что угодно. Иван на самом деле почувствовал, когда настало время взять игру в свои руки, теперь Эмилия только подсказывала ему без слов, одними движениями.

Наконец они лежали рядом на кровати и тяжело дышали, скомканное одеяло валялось на полу.

– Я люблю тебя, – произнес Поддубный, вспомнив, что эти слова, вообще-то, следовало бы произнести «до», а не «после», он впервые назвал Эмилию на «ты», а в ушах еще стояли ее чувственные стоны. – С тобой было чудесно. Спасибо тебе.

Эмилия потянулась, как кошка, негромко засмеялась.

– Никогда не говори женщине в таких случаях «спасибо».

– Почему? Ведь мне было хорошо.

– Женщинам, глупый, иногда хочется «этого» больше, чем мужчинам. Мы только притворяемся, что уступаем вам. Ведь это я сегодня затащила тебя в постель. Разве не так?

– Затащила, – вынужден был согласиться Иван.

– Надеюсь, ты уже понял, что я тоже люблю тебя? – вновь засмеялась Эмилия.

– Чего ж не понять?

Цирковая дива прошлась пальцами по могучей груди Ивана. Потом случилась еще одна безумная страсть. На этот раз Эмилия уже полностью забыла о стыде, но Поддубный не пытался ее

остановить, полностью подчинившись женской воле.

– Все, все, все… – зашептала женщина, укладываясь рядом с атлетом. – Больше не буду. Почему ты отводишь взгляд? Тебе стыдно за меня? Да? Ты считаешь меня развратной? Запомни, в любви нет ничего запрещенного. Мы же ни у кого ничего не крадем. Бог дал нам тело, чтобы мы им распоряжались по своему усмотрению… – убедительно журчал голос дивы.

А Ивану и впрямь стало стыдно за только что произошедшее. Эмилия склонила голову ему на плечо.

– Давай уже спать. На эту ночь останься у меня. Больше не надо страсти. У тебя завтра важная схватка. Побереги силы.

Иван проснулся рано утром, за окном уже светило неяркое солнце, все еще отдававшее розовым светом. Сон ушел мгновенно. Место удара на ключице напухло и посинело, но рука двигалась нормально, отзываясь несильными уколами боли. Рядом с собой он чувствовал горячее тело эквилибристки. При дневном свете на ее лице легко можно было разглядеть неглубокие морщинки, но Ивану женщина казалась от этого лишь милее. Он наклонился и, почти не касаясь губами, поцеловал ее в лоб, боялся разбудить. Когда Поддубный осторожно выскользнул из-под одеяла, Эмилия заворочалась, забормотала что-то непонятное по-венгерски, а потом открыла глаза, улыбнулась и села, придерживая одеяло на груди рукой.

– Ты уже уходишь? – спросила она.

– Мне надо готовиться к сегодняшнему выступлению.

– Обливание холодной водой, поднятие тяжестей… Неужели ты думаешь, что этой ночью тебе пришлось потратить меньше сил?

– Это совсем другое. После сегодняшней ночи я не имею права проиграть, – ответил Иван.

Эмилия махнула на него рукой.

– Ты мне приятен и героем, и проигравшим. Теперь я тебя просто так уже не отпущу. Только давай договоримся, на людях не подавай виду, что между нами что-то происходит.

– Ты так хочешь?

– Иначе ты сделаешь мне компрометацию, – улыбнулась цирковая дива.

– Никакой компрометации. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – твердо произнес Иван.

Эмилия округлила глаза:

– Вот это сюрприз. Должна признаться, мне приятно слышать от тебя такое.

– Ты согласна? Мы поженимся? Вот только прежде мне надо будет свозить тебя ко мне на родину, в Красеновку, показать

родителям. Иначе они не поймут меня.

– Поверь, если бы я хотела женить тебя на себе, то давно бы уже это сделала, а ты бы и не понял, что так захотела я, а не ты сам. Что ж, подойди, поцелуемся на прощание, – Эмилия закуталась в одеяло, одной рукой обняла Ивана за шею и, став на цыпочки, дотянулась до его губ. – Удачи тебе, – пожелала она. – После того что ты учудил с синьором Трущи, тебе нужна только победа. Не мне нужна, а тебе.

– Я это прекрасно понимаю.

Иван приоткрыл дверь, выглянул в коридор – пусто, все еще спали.

– До встречи, – бросил он Эмилии через плечо и вышел из комнаты.

Пока он занимался любовью с Эмилией, ему некогда было подумать, а теперь вспомнились пророческие слова старой цыганки, услышанные им на пляже. Слова о том, что предстоит ему жить с любимой женой на берегу моря.

«А ведь сбывается», – подумал тогда он.

Глава 6

Король шутов, но не шут королей. Букмекер – профессия опасная. Свиньи тоже умеют шутить. «Бур» побеждает «шике». Мужчины дерутся не только из-за денег. Ресторан – это всегда дорого, но чего не сделаешь ради любви. Ох уж эти земляки!

В обед Поддубный сидел в цирковом дворике, на шее у него висели две двухпудовые гири, связанные ремнем. Иван ритмично нагибался, поднимая их и опуская. Дубовое кресло под ним жалобно кряхтело от такой тяжести. Другие артисты, проходя мимо него, перешептывались, обсуждая вчерашнее «недоразумение» с владельцем цирка.

Наконец-то появился и сам синьор Труцци. Выглядел он бледнее обычного, под глазами темнели круги от бессонной ночи. Однако держался он с достоинством. Поддубный с искренним интересом следил за ним краем глаза. Итальянец поколебался несколько секунд, затем «приклеил» на лицо свою обычную любезную улыбку и все же подошел к Ивану.

– Доброго дня, Иван Максимович, – поприветствовал он лучшего атлета цирка так, словно вчера между ними ничего особенного и не произошло.

– Доброго здоровья, синьор Труцци, – отвечал Поддубный, не прерывая своих силовых упражнений.

– Я не стану спрашивать, передумали ли вы. Вижу, что нет.

– Тут вы угадали.

– А вот сказать кое-что скажу. Помните того букмекера, которого вы в моем кабинете застали?

– Это когда? К вам часто букмекеры заглядывают, – хитро ответил Иван.

– Вчера вечером. Так вот, полиция нашла его сегодня утром повешенным в квартире, которую он снимал. Прохожие через окно веревку заметили.

Поддубный остановился, снял гири с шеи.

– Вот как, значит?

– Уж не знаю, сам ли он голову в петлю сунул или помогли ему. Думаю, дружки, которые с ним работали, его и повесили. Он, между прочим, больше всего ставок на вашу победу принимал. Но деньги таинственным образом из квартиры исчезли. Сейчас с этим полиция разбирается. Хорошо, что хоть я успел с ним рассчитаться.

– Жаль человека, – искренне вздохнул Поддубный. – Вот поэтому я и не хочу в эту грязь лезть. Пусть все будет по-честному.

Проходившая мимо цирковая дива сверкнула Ивану глазами и тут же отвернулась.

Кроме борца Паппи из Одессы приехал выступить и знаменитый клоун и дрессировщик Анатолий Дуров. О нем Поддубный был хорошо наслышан. Дуров много путешествовал по городам Российской империи, и везде его выступления пользовались огромным успехом. Он не был похож на других дрессировщиков, сама дрессура животных его мало занимала. Анатолий называл себя «королем шутов, но не шутом королей». Животные в его выступлениях играли лишь вспомогательную роль. Он сам писал для себя блистательные монологи в жанре политической сатиры, с которыми обращался к залу и к животным, разыгрывал перед публикой целые спектакли. На острого на язык шута точили зуб многие облеченные властью люди, но связываться с ним из-за его популярности боялись.

Поддубный не раз видел афиши Дурова, а потому сразу узнал щеголеватого молодого мужчину в строгом сюртуке и галстуке-бабочке, когда тот выбирался из пролетки. В Севастополь он прибыл вместе с борцом Паппи, а из дрессированных животных прихватил с собой всего одного поросенка, причем вез его не в клетке, а нес на руках. Так, словно он был декоративной собачкой или котиком.

Дуров с Паппи пошли устраиваться в гостиницу, а Иван продолжил тренировку. Однако вскоре его вновь потревожили. Итальянский борец вместе с «королем шутов» подошли к нему сами, представились, назвался и Иван.

– Должен снять перед вами шляпу, – Анатолий Дуров по-театральному снял несуществующую шляпу и, размахивая ею, глубоко поклонился.

– А в чем дело? – поинтересовался Поддубный.

– Нам рассказали о вашем поступке. Очень достойно, – расплылся в улыбке Дуров. – Это, наверное, лучший номер, поставленный в здешнем цирке: «Пожирание контракта».

Дуров намеренно говорил громко, будто стоял не во дворике, а на манеже. «Король шутов» со своей популярностью мог себе такое позволить. Ведь синьор Труцци сам пригласил его на выступление, и знаменитого паяца еще долго пришлось уговаривать приехать в Севастополь.

– Я бы хотел пожать вам руку, – заговорил Паппи, протягивая Поддубному мощную ладонь.

Когда мужчины сжали пальцы, каждый из них как бы хотел показать свою силу. Итальянский борец продолжил:

– … Мне не всегда хватает решимости на подобные поступки. Хотя иногда так хочется такое сделать! Итак, сегодня у нас

«шике» ли «бур»?

– Только «бур», – предупредил Иван.

– Это я и ожидал от вас услышать.

– Посмотрите мое сегодняшнее выступление. Обещаю, что будет весело, – предложил Дуров, напяливая поросенку на голову фуражку, подозрительно напоминающую головной убор полицейского чина. – Ну-ка, маленький мой, побегай немного.

Анатолий опустил поросенка на землю, тот принялся резво и бесцеремонно шнырять по цирковому двору, вынюхивая съестное и радостно попискивал, выпрашивая еду у артистов.

– Пока это еще маленький свин, – Дуров не сводил глаз со своего четвероногого помощника в полицейской фуражке. – Но уже такой наглый. Представьте, что из него получится, когда он вырастет?

Показав еще несколько удачных шуток-постановок с поросенком, Дуров отправился погулять по городу, а Паппи заперся у себя в номере, чтобы размяться после дороги.

Эмилия, как и большинство женщин, не отличалась последовательностью, она сама на глазах у всех подошла к Ивану и, чувствуя его волнение перед схваткой, решила подбодрить – поцеловала в лоб и пожелала победы…

Поскольку соревнование борцов предусматривалось во втором отделении, за первым Поддубный мог спокойно наблюдать, стоя в проходе, через который артисты выходили на манеж. Каждого из них напутствовал синьор Труцци. Выступили клоуны, жонглеры, ходила по натянутому канату и рассылала воздушные поцелуи Эмилия, факир творил чудеса. И наконец коверный объявил выход Дурова. Анатолий подмигнул Ивану, как доброму приятелю, помощник передал ему поросенка. Поддубный не успел разглядеть, во что одето животное, но это явно была не полицейская фуражка. Под восторженные крики зрителей Дуров вышел на манеж и, подняв руку, низко поклонился. Двое ливрейных тут же вынесли письменный стол и стул с высокими ножками. Анатолий выпустил поросенка, предварительно надев ему кучерявый черный парик. Тот пробежал пару кругов, а затем ловко вскочил на стул и устроился за столом, как человек, упершись в столешницу передними копытами. В зале на некоторое время воцарилась тишина, а затем артисты, стоявшие в служебном проходе, стали перешептываться.

– Да ведь это же синьор Труцци!

– Точно, он. Вылитый!

Вскоре пошли смешки и в зале. В поросенке однозначно угадывался владелец цирка. Достаточно было двух штрихов: характерной шевелюры и известного всему городу темно-синего

сюртука, обшитого золотистыми галунами. Синьор Труцци стал нервно оглядываться на своих артистов, которые давились смехом, зажимая себе рты. Однако вскоре понял, что лучшей тактикой будет рассмеяться и самому.

Дуров выждал, пока публика успокоится, и поинтересовался у поросенка:

– Ты нам обещал, что во втором отделении будет соревнование борцов – Патти и Поддубного?

Свин часто-часто закивал, чуть ли не упираясь рыльцем в стол.

– Видите, он подтверждает! А еще говорят, что многие в городе сделали ставки на победу Поддубного.

Свин и с этим согласился, повинуясь незаметному похлопыванию Дурова, вновь закивал и даже хрюкнул.

– А нельзя ли, уважаемый, сделать так, чтобы Поддубный, на которого я не ставил, проиграл итальянцу? – понизив голос до театрального шепота, стал искушать Дуров.

На этот раз свин дал отрицательный ответ – повертел головой по сторонам, но при этом подозрительно захрюкал, словно делал встречное предложение. Дуров приставил ладонь к уху и сделал вид, что прислушивается.

– О, эта маленькая свинья напоминает мне, что ничего в этом мире просто так не случается, – он полез в карман и положил перед поросенком пачку денег.

Свин тут же принялся подгребать их к себе копытами и радостно хрюкать.

– Он говорит, – объявил дрессировщик, – что ему под силу сделать так, чтобы выиграл итальянец Паппи. Он с борцами договорится, заплатит им вдвое-втрое больше обычного. Можно ему верить, он же свинья? Вдруг обманет?

Публика ответила гулом, мол, свиньям, даже если они одеты в сюртуки, шитые золотистыми галунами, верить на слово нельзя.

– Ну что ж, – развел руками Дуров. – Придется нам подписать контракт. Вы берете у меня деньги, за что обещаете верную победу Паппи.

Он положил перед свином лист бумаги, тот мелко застучал по нему копытами, то ли писал, то ли печати ставил.

– Готово! Те, кто ставил на победу Поддубного, могут забыть о своих ставках. До свидания! – подняв руку над головой, Дуров зашагал к выходу.

Свин при этом хрюкал так, что казалось, он смеется над залом. Публике это не слишком понравилось. Раздались выкрики:

– На что он намекает?

– Схватка куплена?

– Это жульничество!

Не дойдя до занавеса, Дуров резко повернул назад, но теперь его походка изменилась, как изменилось и выражение лица. Да, он был мастером перевоплощений. Ему удалось всего лишь несколькими движениями, насупленными бровями подсказать публике, кто имеется в виду. Зрители, несомненно, угадали в нем Поддубного. Последние сомнения развеялись, когда Дуров зычным голосом поинтересовался у свина:

– Что это за бумага?

Поросенок хотел удрать, но Анатолий схватил его за воротник и поднял над столом. По залу полетел отчаянный поросячий визг.

– И что мне теперь с ним делать? – вопросил голосом Ивана Максимовича Дуров.

– Зажарить! – подсказали из зала.

– Не будем спешить, – Анатолий поднял лист, изображавший злополучный контракт. – Даже свиньи хотят жить. А ну, любезный, жри свой контракт!

Под хохот публики поросенок покорно сжевал и проглотил бумагу.

– А теперь пошел вон! – выпустил его Дуров.

Поросенок принялся метаться по манежу, будто бы не мог найти выход, а затем прошмыгнул через проход, пробежав копытцами по начищенным до зеркального блеска башмакам синьора Труцци.

– Теперь, я думаю, – вновь своим природным голосом произнес Дуров, – никто уже не сомневается, что схватка Поддубного и Паппи будет честной!

Он откланялся и покинул манеж под громкие аплодисменты и крики «браво!».

Синьор Труцци поглядел на Дурова осуждающе и покачал головой.

– Злой вы очень, господин Дуров. Можно было и помягче.

– Я всего лишь делаю то, что нравится публике, – улыбнулся дрессировщик. – Тем и знаменит. О вас теперь несколько дней весь город говорить будет. Это же реклама, за которую вам денег не придется платить.

Труцци натянуто улыбнулся. В душе он понимал, что Дуров прав. Главное, что его имя как владельца цирка будет на слуху у людей, все остальное – мелочи жизни. Плохое забудется, хорошее останется. Итальянец не любил наживать себе врагов, если можно было без этого обойтись. Он подошел к Поддубному и примирительно обнял его. Иван Максимович не стал противиться.

Поддубный определил для себя сущность цирка. Главное, на

что идет зритель, – это борцы. Все остальные артисты лишь развлекают и разогревают публику перед главным действием. Борьба – это настоящее, тут реальные страсти, а не притворство. Ведь, по большому счету, когда пришедший поглазеть на гимнастку под куполом задерживает дыхание, он тайно надеется увидеть, как она сорвется и разобьется. Боится этого момента, но в глубине души жаждет его – вот это тоже будет настоящая жизнь, а не притворство. То же самое он испытывает, когда смотрит на дрессировщика, усмиряющего львов и тигров. Для искусства дрессировки не должно быть разницы, укрощен страшный хищник или безобидный хомячок. Но лев и тигр могут растерзать своего укротителя, и это снова станет настоящей жестокой жизнью. Борьба как зрелище пришла из глубины веков. Недаром в Древнем Риме так популярны были бои гладиаторов. В те времена еще дрались до гибели противника. Публика жаждала видеть настоящую кровь. Времена слегка смягчились, теперь достаточно уложить противника на лопатки.

Поэтому к каждой борцовской схватке Иван Максимович готовился основательно, не допуская показушных. Все должно было происходить «по правде». Особенно серьезно он отнесся к встрече с Паппи. Борцы сперва традиционно продемонстрировали публике силовые упражнения, но особо не выкладывались, берегли силы. Иван видел, что противник достался ему достойный, такому и проиграть не будет позором. Однако настраивал себя на победу.

И вот они сошлись. Никто в амфитеатре не сомневался, что видят настоящий бой, отчаянный, а не проплаченное заранее представление. Естественно, сочувствие публики оставалось на стороне Поддубного, все-таки он был своим – «севастопольским». Сперва борьба шла на равных. Паппи даже удалось пару раз повалить Поддубного на ковер, но всякий раз судья фиксировал, что лопатки борца не коснулись земли. Ивану Максимовичу удавалось выворачиваться из-под противника. Вскоре Паппи стал выдыхаться, а в Поддубного словно черт вселился, силы его росли. Возможно потому, что из прохода за ним следила Эмилия. Иван встретился с ней взглядом, ощутил прилив сил и опрокинул итальянца на ковер. Тот выгибался мостиком, пробовал перевернуться, но Иван уже оседлал его.

Амфитеатр взорвался криками, когда судья дал отмашку, фиксируя прикосновение лопаток к ковру. Вот только радостный гул понемногу стал смешиваться с криками негодования. Люди, делавшие ставки на Поддубного, справедливо рассчитывали получить выигрыш. А букмекер исчез. Требовали выхода на манеж синьора Труцци и дачи им объяснений. В зале появилась

полиция. Где-то в верхних рядах завязалась драка. Трещали стулья, полетела оторванная спинка. Зазвучал женский истерический визг. Через манеж пробежал мужчина с окровавленным лицом, за которым гнались двое ливрейных. При этом продолжал играть оркестр. Владелец цирка так распорядился, надеялся, что это успокоит публику и не позволит ей разнести здание к чертовой матери.

Поддубный, как каждый настоящий мужчина в такой ситуации, готов был вмешаться, но его остановила Эмилия, схватила за руку, потянула за собой.

– Иван, туда нельзя соваться. Уже никто не смотрит, кого бьют. Это как пьяная драка в трактире. Идем отсюда поскорее.

Они переоделись в закутке между клетками. Животные, слышавшие шум, крики, вели себя нервно. Дрессировщик пытался их успокоить. Не хватало еще, чтобы в зал ворвались тигры.

Иван с Эмилией выбежали на улицу, поймали пролетку и покатили.

– Чего там случилось? – поинтересовался извозчик, поглядывая через плечо на иллюминированное разноцветными огнями здание цирка.

– Дерутся, сильно дерутся, – ответил Иван, обнимая Эмилию.

– Из-за женщины? – прозвучал вопрос.

– Из-за денег, – ответила цирковая дива и прошептала на ухо Ивану: – Вот видишь, люди всегда считают, что мужчины дерутся из-за женщины. Вот она наша сила. Вы друг друга готовы поубивать из-за нас.

– А вы, господин, не Поддубный часом будете? – присмотрелся к пассажиру извозчик.

– Он самый, – не стал скрываться Иван.

– Будет о чем ребятам рассказать! – обрадовался возница. – Самого Поддубного возил с дамой.

Впереди призывно светились ярким огнем окна ресторана. Эмилия взглянула на Поддубного, тот думал явно о чем-то другом, потому ей и пришлось предложить самой, сделала она это без застенчивости:

– Давай заедем. Отпразднуем твою победу.

Извозчик остановился, подкатив к самой двери.

– Жди нас здесь, – небрежно произнесла женщина, хотя поймать пролетку потом не было проблемой.

Иван смолчал.

– Как скажете, барыня, – отозвался радостный возница.

Поддубный раньше не бывал в ресторанах. Зачем лишние деньги тратить, когда есть заведения подешевле? Но теперь этого хотела «его женщина», а красивых женщин принято баловать.

Швейцар с готовностью распахнул широкую стеклянную дверь, мелодично тренькнул подвешенный к притолоке колокольчик. Эмилия вошла ровно, будто шагала по канату, сбросила на руки швейцару накидку. Метрдотель встретил посетителей, на ходу спрашивая, где они предпочитают сидеть:

– У окна или за ширмой?

Выбор Иван вновь предоставил Эмилии, ему было важно не где сидеть, а с кем. С ней – где угодно. Естественно, выбор пал на столик за ширмой. Поддубный и сам не заметил, как из грозного борца превратился в дамского угодника. Эмилия уже могла вить из него веревки. Ей искренне нравился Иван, но опытная в амурных делах дива уже имела свою тактику обращения с мужчинами.

Эмилия раскрыла меню, произнесла по-французски несколько названий блюд. Ивану они ничего не говорили.

– Я плохого не посоветую, – поспешила она его утешить. И тут же стала заказывать.

Окажись с кем другим, Поддубный бы по сельской привычке обязательно предварительно уточнил, что сколько стоит. Решил бы, что заказывать так много не стоит, но он смотрел влюбленными глазами, а потому расточительность Эмилии казалась ему милой.

Услужливый официант зажег на столе свечи. Отблески огня заиграли на лицах мужчины и женщины, появился тонкий аромат воска. На сервировочном столике возникло серебряное ведерко со льдом, из которого торчало горлышко бутылки шампанского. В умелых руках коротко выстрелила пробка. Официант поднес ее к лицу Поддубного. Эмилия, подперев голову рукой, взглядом показала, что следует делать. Иван знак понял, мол, надо убедиться, что на пробке нет плесени, и дать согласие налить пенящееся вино в высокие бокалы. Он втянул воздух носом и кивнул. Но на этом ресторанное священнодействие не окончилось. Официант плеснул шампанское лишь на дно и вопросительно глянул на посетителя. Поддубный, боясь опростоволоситься, отпил и согласился с тем, что шампанское отличное.

– Только хлеба побольше принеси, любезный, – напутствовал официанта Иван. – Тонко не режь.

– Как будет угодно.

Наконец они остались одни. Из-за ширмы слышались приглушенные голоса посетителей. Никто не говорил здесь громко. Изредка раздавался женский смех, но и он звучал сдержанно. Ножи и вилки слегка позванивали. Негромко играл небольшой оркестрик.

– Что-то долго еду не несут, – забеспокоился Поддубный. – Ты же голодна.

– В ресторанах всегда приходится долго ждать, – мягко улыбнулась Эмилия. – Они начинают готовить только после заказа. Сюда ходят не столько поесть, сколько посидеть, поговорить… – Она замолчала.

Иван почувствовал, чего хочет сейчас женщина, он положил свою ладонь на ее. Рука цирковой дивы исчезла под его могучими пальцами, он нежно пожал их.

– Ты такой сильный и… нежный.

Отвыкший от спиртного, Поддубный немного захмелел. Эмилия пила больше него. Ее забавляло то, как много хлеба ест Иван. Он отправлял его в рот целыми ломтями. Дива не пыталась учить своего обожателя правилам этикета, хотя некоторые он усвоил еще в свою бытность в Феодосии от учеников мореходных классов. Во всяком случае, вилку держал в левой руке, нож – в правой, не откусывал мясо от куска, а отрезал.

Немногословный Иван больше слушал, чем говорил. Эмилия рассказывала ему про свою жизнь. Про то, как, рожденная в цирковой семье, она не могла выбрать себе иной профессии. Мол, с детства ее жизнь была «отравлена манежем». Про то, как пришлось покинуть родную Венгрию и перебраться в Россию. О своих прежних увлечениях, мужчинах, она не рассказывала, чувствовала, что Поддубному это будет неприятно.

Наконец пришла пора расплачиваться. У Ивана чуть не вырвалось возмущенное: «Сколько?» Однако он сдержался, ведь был с дамой. Пришлось дать еще и швейцару «на чай». А тем временем у крыльца припозднившуюся парочку терпеливо поджидал извозчик.

– Покатаемся с ветерком? – Эмилия запрокинула голову и, кокетливо прищурившись, посмотрела Ивану в глаза.

Он не мог ей отказать.

– Гони! – крикнул он вознице.

Тому наверняка уже не в первый раз приходилось катать подвыпившую публику, а потому о маршруте он не спрашивал.

Подковы высекали искры из мостовой. Пролетка мягко раскачивалась на рессорах.

– Дорогу! – кричал извозчик зазевавшимся поздним прохожим и щелкал кнутом не хуже циркового укротителя.

Эмилия заливисто смеялась, когда экипаж заносило на поворотах, и она буквально вцеплялась в Поддубного, чтобы не вылететь на дорогу. Центр города оказался позади, мостовая сменилась каменистой дорогой, вдоль которой растянулись неприглядные домишки окраин. Вскоре кончились и они. Дорога

пошла вдоль моря, по высокому обрыву.

Эмилия перестала смеяться, она сосредоточенно смотрела на неспокойную воду, на волны, рассыпавшиеся брызгами в лунном свете.

– Ты о чем думаешь? – спросил Иван.

– О тебе, – серьезно ответила женщина. – Ты слишком добрый для меня и доверчивый.

– Не понимаю, – удивился Поддубный. – Что ты такое говоришь?

– Я не хочу приручать тебя потому, что в любви иногда бывает очень больно.

– Я это знаю.

– Ладно, не будем больше об этом, забудь. Меня ничто не изменит, – Эмилия прильнула к своему спутнику. – Поедем назад, уже поздно.

Пролетка остановилась у цирка. Иван расплатился, отметив в мыслях, что истратил за сегодня значительно больше, чем зарабатывает за день. И на эту ночь он остался у Эмилии. Его безудержно тянуло к ней, хотя предыдущая ночь вспоминалась ему со стыдом. Все повторилось. И страсть, и торопливое прощание на рассвете.

Вскоре о романе Поддубного и Эмилии уже шептались артисты в цирке, провожали их многозначительными взглядами. Синьор Трущи даже как-то раз попытался заговорить с Иваном на эту тему. Момент выбрал удачный, как раз пришла пора рассчитываться за неделю.

– Иван Максимович, мне кажется, вы забросили тренировки. А это неправильно – это ваша профессия. Ваш хлеб, – стал поучать он, отсчитывая деньги. – Женщины, они такие существа, что никогда нельзя знать заранее, что у них внутри. Уж я вам говорю это ответственно. Сам не раз обжигался.

– Я еще не проиграл ни одной схватки, – напомнил Иван.

– Все когда-нибудь случается впервые, – усмехнулся итальянец. – Я хотел бы предупредить вас насчет мадемуазель Эмилии…

– Она моя невеста, – тут же оборвал владельца цирка Иван.

Сказано это было с такой убежденностью, и при этом в глазах Поддубного горел такой решительный огонь, что синьор Трущи не стал развивать тему. Ему сам собой вспомнился малоприятный эпизод с поеданием контракта. Иван бывал страшен в гневе.

– Ну, раз невеста… простите великодушно. Не знал. А деньги вы все же пересчитайте, так принято, – напомнил итальянец.

– Пересчитывай, не пересчитывай, больше их от этого не станет, – беспечно произнес Поддубный, засовывая ассигнации в

карман пиджака, он уже знал наперед, что долго они там не залежатся, время дешевой жизни для него окончилось.

Посчитав, что разговор на этом окончен, Иван поднялся.

– Погодите, – остановил его синьор Трущи, по выражению его лица можно было подумать, что новая мысль только что пришла ему в голову. – Как вы смотрите на то, чтобы на недельку-две поехать в Одессу и выступить в тамошнем цирке?

– Нормально смотрю. А что? – пожал плечами Поддубный.

Он не сразу связал вместе предыдущее с последующим. Не понял, что владелец цирка желает на время разлучить его с Эмилией. Расчет был неглупым. Уж кто-кто, а синьор Трущи прекрасно знал повадки цирковой дивы, знал, что засыпать одна она не привыкла.

– Ну и отлично. Отправитесь на следующей неделе, – потер ладони владелец цирка. – И вам будет полезно схватиться с другими борцами. И публика вас посмотрит. И мне прибыль.

Эмилия, узнав о скором отъезде Ивана в Одессу перед самым вечерним выступлением, восприняла это спокойно. Честно говоря, Иван несколько утомил ее. Как она сама выразилась, его стало слишком много, так тщательно он ее опекал и так сильно старался угождать ее капризам. Венгерская циркачка была из той породы женщин, которых принято называть коллекционерками. Они коллекционируют поклонников, никогда и никого впрямую не отвергая.

– Вот и отдохнешь немного от меня, – только и сказала она.

Уже находясь на манеже, после того как продемонстрировал свой «коронный» номер с телеграфным столбом, Поддубный заприметил среди зрителей знакомое лицо. Это был его односельчанин – Тарас Чирк. Было видно, что он приехал в Севастополь ненадолго, а не работает здесь. Может, продать чего-то решил, может, наоборот, купить. Сельского жителя легко распознать по повадкам, по настороженному взгляду, боязни сделать что-то не так, пусть он даже и оденется в фабричную одежду и вместо казацкой люльки примется курить папиросы.

«Наверняка Тарас уже слышал о моих успехах, – подумал Поддубный. – Вот и решил на цирк потратиться. Будет ему потом о чем в Красеновке рассказать».

Иван повернулся к сектору, в самом верху которого на самом дешевом месте сидел Чирк, и поднял руку, словно приветствовал его одного. Тарас понял, что Иван заметил его, и отчаянно замахал ему руками.

Поддубный прошептал на ухо коверному:

– Не забудь объявить, что всякий желающий может со мной схватиться.

В последнее время о таком объявлении уже забыли по ненадобности. Бороться с Иваном Максимовичем никто не рисковал – себе дороже. Поддубный с улыбкой наблюдал за тем, как после объявления Тарас пару раз дернулся, но так и не отважился выйти на манеж. А ведь в Красеновке они не раз сходились в борьбе на кушаках.

После выступления Поддубный задержался на выходе. Публика уже расходилась, а вот Тарас мялся. Наконец он решительно направился к артистическому выходу на манеж. Дорогу ему, как и полагается, тут же перекрыл один из ливрейных.

– Сюда не положено. Вам, господин хороший, туда, – он указал на выход.

– У меня земляк здесь, Иван Максимович Поддубный. Оба мы из Красеновки, – сбивчиво принялся объяснять Тарас Чирк. – Повидать хотел.

Ливрейный на секунду задумался, явно выбирая между двумя решениями: сказать, что, мол, передаст Поддубному о желании земляка и, если тот пожелает, то выйдет сам, или же сразу отправить земляка восвояси. Но ливрейный так и не успел выбрать. Поддубный появился сам, выйдя из-за тяжелого бархатного занавеса.

– Каким ветром занесло? – обнял он Тараса.

Тот радостно ответил на объятия.

– Приехал молотилку покупать, – сказал он с преувеличенным чувством собственного достоинства, словно речь шла о покупке особняка на берегу моря.

– Ну что ж, дело хорошее, – на Поддубного повеяло родным и близким, все-таки он не сильно оторвался от родных мест. – Пошли, посидим где-нибудь, поговорим.

Приобняв земляка за плечи, он повел его прямо за занавес. Чирк удивленно озирался, явно не таким представлял он себе убранство служебных помещений. Наверное, ему казалось, что здесь должно царить такое же великолепие, как и в зале. На поверку же выходило иначе: облезлые стены, закопченные потолки, клочья сена и соломы под ногами.

– Чудноватый на тебе наряд, – Чирк оглядел Ивана. – Ноги голые. Словно одеться забыл и в исподнем на глазах у людей ходишь.

– Это трико называется. У атлетов в цирке так принято, чтобы видно было, как мышцы работают, да и потом же прошибает.

– А-а-а-а… Трико, значит.

– Иван, – окликнула Поддубного Эмилия. – Когда ты за мной зайдешь? Поедем сегодня развеяться.

Любопытный Тарас пару секунд разглядывал эквилибристку. А затем смущенно отвел глаза. Все-таки одно дело – видеть артистку на манеже во время выступления, и совсем другое – пялиться на ее обнаженные ноги, когда Эмилия стояла совсем рядом.

– Не могу сегодня, – виновато произнес Иван. – Земляка встретил. Давай завтра прокатимся, а?

– Завтра так завтра, – небрежно бросила обиженная Эмилия и, нарочно сильно покачивая бедрами, удалилась.

– Эта та, которая сегодня по канату ходила? Красивая… – Чирк проводил женщину взглядом.

– Она моя невеста, – не удержался от признания Иван.

Тарас часто заморгал.

– Так она же… того, старая для тебя. Ей поди годков тридцать пять будет?

Иван не стал уточнять, что Эмилии уже перевалило за сорок. А в таком возрасте в селе женщину все уже считают старухой. Вместо этого он привел, на свой взгляд, убийственный аргумент.

– Красивая же?

– Красивая, – согласился Тарас.

Потом односельчане посидели в питейной. Правда, сам Иван пил только содовую воду, а вот Тараса щедро угощал водкой, за которую сам и платил. Хотелось ему показать, что зарабатывает теперь неплохо и может угостить знакомого. Говорили в основном о жизни в родном селе. Да и о чем другом мог бы рассказать Тарас? Куда он выезжал? Вот только в Севастополь теперь и выбрался. Как дела у отца с матерью и у братьев, Иван знал – переписывались, но все равно внимательно слушал. Ведь письма приходили «сухие», а в рассказе Чирка выплывали живые подробности.

Вот, например, рассказал, как брат Ивана – Митрофан – напившись, ходил по селу и рассказывал, что «его Иван» знаменитый борец и равных ему нет во всем мире. А потом за это его отец в хату ночевать не пустил. Поддубный только усмехался. А потом, совсем не к месту, Тарас упомянул и Аленку Витяк, о которой Иван старался не справляться в письмах к родственникам.

– …ждала она тебя, ждала, а потом и согласилась выйти замуж, – трагическим тоном проговорил Чирк. – За нелюбимого, зато богатого – Серегу Каленчица.

Иван напрягся, подался вперед, свет фонаря лег на его лицо.

– Так сразу и согласилась?

– Нет. Сперва два дня плакала. Ну а потом и согласилась. Что она против отца сделает? Родители Сереги за нее мельницу

ветряную дают. Да ты и сам знаешь, мельники они всегда с чертом водятся. Чего захотят – добьются, – сказав это, Тарас тут же накатил рюмку водки, даже не дождавшись, пока Иван нальет себе содовой.

Поддубный прислушался к тому, что говорило ему сердце. Конечно, новость огорчила его. Раньше всегда было приятно вспоминать, что есть где-то девушка, которая выходит за околицу, смотрит вдаль, не идет ли ее любимый. Не возвращается ли он в село, чтобы богатым подойти к родительскому дому и снова посвататься в новом статусе. Странным образом в его сердце продолжали уживаться и Эмилия, и Аленка. Может, потому, что они были из разных «жизней».

Но тут же Иван вспомнил, что сам перестал писать Аленке, потому что она ему не отвечала. Можно было успокоить себя. Мол, не отвечает – видеть не хочет. Но в душе Поддубный понимал, просто его письма не доходили до любимой. Отец с матерью получали, да не показывали. Хотел бы, написал бы брату, тот непременно передал бы письмо лично.

– Ладно, что уж случилось, то случилось, назад не отвернуть, – проговорил Иван, рука его потянулась к шкалику с водкой, но он остановил себя, вновь налил содовой.

Говорили давно за полночь. Пока наконец их, оставшихся вдвоем в заведении, просто не попросили на улицу. Тарас взялся проводить Ивана до цирка, сказал, что недалеко остановился и не заблудится в темном городе.

Они шли по ночному променаду. На два голоса пели знакомые с детства украинские песни. Словно шагали не по относительно большому городу, а по своему селу. Шагнувший к ним было городовой тут же отступил в свет фонаря и сделал вид, будто ничего не видит, не слышит – узнал Поддубного. Ивану даже показалось, что рука блюстителя городского порядка рванулась к козырьку – честь отдать.

На ступенях цирка и распрощались. Тарас Чирк крепко обнял Ивана:

– Что родным передать? Все равно раньше твоего письма в Красеновке буду с новой молотилкой.

– Скажи, что скоро – на праздники – обязательно домой приеду и невесту свою привезу показать.

Тарас постоял, почесал затылок:

– Красивая-то она, красивая. Но только не думаю, что батька твой ее приветит.

– Это почему? – удивился Иван.

– А ты в глаза ей смотрел?

– И не один раз.

– А ты еще раз погляди, – посоветовал Тарас, затем расплылся в пьяной улыбке. – Была у меня одна такая из соседнего села, гулящая. Все у нас с ней шло черед-чередом, зачаровала, наверное, она меня. Знал, что и другие с ней до меня были, но, словно затмение на меня находило, как только сходились мы с ней. Все что угодно мог тогда ей пообещать, лишь бы позволила… Чего только она со мной не вытворяла и я с ней. Вспомнить и теперь стыдно. Когда к себе приучила, что без нее уже жить не мог, тогда артачиться стала. Жениться я ей обещал, лишь бы согласилась ноги раздвинуть. А потом я ей говорю: «Поехали, родителям своим покажу», – Тарас закашлялся, облизнул губы.

– А она? – спросил Иван.

– А она мне прямо так и сказала: «Не поеду, потому что твоя мать сразу по глазам узнает, что я…» – Чирк вновь закашлялся, явно не желая произносить то самое непристойное слово, которое услышал из уст своей возлюбленной, и прикрыл глаза ладонью.

– И что? – поинтересовался окончанием истории Иван.

– А ничего! – с вызовом произнес Тарас. – Так и не поехала к моей матери на глаза показываться. А ведь точно такая она и была. Как-то мне сказала, что ей все равно с кем, лишь бы хрен был…

Сказав это, Тарас махнул рукой и, даже не пожав руку на прощание, бросился в темноту. Иван стоял у громады циркового здания. Огни давно погасли. Фасад освещала лишь пара бледных фонарей. Трепетали флажки на ветру, но они, днем разноцветные, казались сейчас все одинаково серыми.

– Ну, пошла Аленка замуж и пошла себе. Не дождалась, – пробормотал Иван, словно и сам не обещал жениться на Эмилии. – Жизнь идет.

На душе стало неспокойно. Огромная сила требовала выхода. Хотелось просто так, за здорово живешь, загнуть фонарный столб или разбить на кусочки афишную тумбу.

– Дай ей Бог счастья, – пробормотал Иван, вспоминая прошлое в деталях, будто сам сейчас был на давней встрече у Шведских могил.

С неба закапал монотонный дождь. Поддубный поднял воротник плаща и пошел ко входу в гостиницу, которая находилась на задворках цирка.

Пустой коридор встретил его тишиной. Все артисты уже улеглись. Веселые компании угомонились. Можно было только догадываться, кто и у кого остался в номере ночевать. Слышно было, как мелкий дождь стучит в жесть оконных подоконников. Иван прошелся до своей двери. Всего несколько шагов отделяло

его от комнаты Эмилии. Он приблизился к ее двери и, как мог, деликатно постучал, прислушался.

Ему чудилось, что женщина в номере не одна, что там слишком тихо. Человек, когда в самом деле спит, дышит шумно, ворочается. Дважды он ударил костяшками пальцев в дверь. Снова тишина.

– Эмилия! – позвал он, надеясь, что цирковая дива просто обиделась на него за то, что предпочел ее на сегодняшний вечер беседе с земляком.

Имя эквилибристки было произнесено достаточно громко, чтобы разлететься эхом по пустому коридору.

– Эмилия, это я, – вновь постучался Иван.

Ему уже невыносимо было думать о том, что сегодняшнюю ночь придется провести одному. В соседнем номере щелкнул замок, показалась взлохмаченная голова:

– Нельзя ли тише? – проговорил недовольный паяц. – Три часа ночи!

– Извините, любезный, – попросил прощения Поддубный.

– А, это вы, Иван Максимович? Мадемуазель Эмилия у себя, сам видел, как заходила после душа. В халате. Выходит, что никуда больше не собиралась. Так что стучите посильнее, спит, наверное, – с ехидством добавил он и даже не стал закрывать дверь.

Иван еще раз ударил костяшками, дав себе обещание, что больше этого не сделает. Наконец за дверью послышалось движение. Щелкнул замок. Эмилия выглянула в узкую щелочку.

– Ты? В такое время? Что случилось? – она старалась загородить собой обзор, словно специально дразнила.

– Я вернулся. Поговорил с земляком, – растерянно произнес Иван.

– Извини. Я тебя долго ждала. Не спала. Ты все не приходил. А теперь я страшно устала. До завтра, – Эмилия послала Поддубному воздушный поцелуй и тут же закрыла дверь.

Он постоял, не веря до конца, что ему отказали. Ивану чудилось, что слышит за дверью шепот, какие-то странные движения, но гнал от себя плохие мысли.

«До завтра, – в мыслях сказал он себе. – Завтра мне в Одессу. Могла бы уж и пустить».

Не к месту вспомнилось о потраченных на Эмилию деньгах. Однако тут же Поддубный одернул себя, ведь тратил он их на женщину по своей воле, никто его не принуждал. Во всяком случае, ему так казалось.

Эмилия все же пришла провожать Ивана в порт. Несколько виновато посмотрела на него, но не стала вспоминать вчерашнее.

Взяла под руку. Так и стояли. У ног Ивана примостился его плетенный из лозы саквояж. Черный пароход уже вовсю дымил трубами. Пассажиры поднимались на борт. Поддубный улыбнулся.

– Что-то вспомнил? – настороженно поинтересовалась Эмилия. – Или подумал?

– Вспомнил, как в биндюжники нанимался. Кобыла боялась по сходням на судно зайти. Так я ее на плечи поднял и понес. Вот тогда меня один грек и заприметил. Место предложил.

– Ты всегда умеешь удивлять, но не умеешь себя ценить, – маска напряженности исчезла с лица Эмилии. – Не хочу, чтобы ты уезжал.

– Что поделаешь, если так надо? Да и вернусь скоро, ты и заметить не успеешь, как я снова постучусь в твою дверь.

– Ты о вчерашнем? Я буду ждать. И обещаю, что со мной тебе никогда не будет скучно, – с этими словами женщина вытащила руку из-под локтя своего спутника. – Не люблю прощаний, особенно если они затягиваются. Все, иди, я тебя отпускаю.

Эмилия приподнялась на цыпочки, коротко поцеловала Ивана в губы, решительно повернулась на каблуках и пошла. Шагала она так, словно шла по манежу. Поддубный видел, как помимо воли другие мужчины поглядывают на стройную эквилибристку, любуются ею, наверняка в мыслях примеряя себя рядом с ней.

Иван поднялся на корабль. Вскоре отдали швартовы. Пароход дал длинный гудок и отошел от стенки. Провожающие на берегу махали, что-то кричали. Махали и кричали отплывающие, и лишь один Поддубный стоял молча.

Глава 7

На кого идут в цирк? Не любить дураков – простительно, но что делать, если дурак – градоначальник, да еще Зеленый? Пара безобидных собачек и газета для свиней. Контрамарка для полицейского. Месть зеленого борова и монолог Чацкого на арене цирка.

Поездка в Одессу была Ивану в радость. Больше всего ему хотелось вновь повидать Дурова. Хоть они и были знакомы лишь поверхностно, успели обменяться несколькими фразами, но Поддубный чувствовал, что этот человек сделан из того же теста, что и он сам. Между ними существовала странная совместимость, когда можно даже молчать, но при этом абсолютно понимать другого человека.

Оказалось, что Иван поспешил приехать. Борцы из других цирков должны были прибыть только завтра. Так что поневоле у него оказался выходной. Дурова в цирке не оказалось, жил он в городе на квартире, и беспокоить его Иван не решился. В любом случае он увидится с ним на представлении. Вот и пришлось бродить по Одессе. Город Поддубному понравился – живой, богатый, подвижный, люди в нем остроумные. Что бы ты ни спросил, обязательно ответят шуткой, при этом вложат в нее всю нужную тебе информацию. И шутка будет совсем необидной.

«В таком городе наверняка любят цирк», – подумал Иван.

Вечером он специально покрутился возле входа в цирк, прислушиваясь к разговорам зрителей. Вылавливал ухом имена артистов, чтобы узнать, «на кого идут». Шли в основном «на Дурова», все остальное являлось как бы приложением к знаменитому шуту и дрессировщику.

Прежде чем подняться в зал, Иван заглянул за кулисы. Дуров уже готовился к выступлению. В проходе стояла клетка, полная свиней. Анатолий, увидев Поддубного, тут же заулыбался, обнял его как старого друга.

– Ждал, что ты приедешь, – сказал он.

– О тебе перед цирком все только и говорят. Успех у тебя в городе огромный.

– За огромный успех и платить приходится много. Если б ты только знал, как я ненавижу дураков, которые шуток не понимают…

Развить мысль Дурову не позволил управляющий цирком. Он буквально подбежал к Анатолию, отдышался и выпалил:

– На сегодняшнее представление сам градоначальник с супругой приехали.

– Адмирал Зеленый?[1] – вскинул брови Дуров. – Большая честь для моих свиней.

Поддубный вопросительно глянул на Дурова, тот пояснил:

– У нашего градоначальника фамилия такая – Зеленый, а еще он – адмирал. Но ни первое, ни второе ума ему не прибавило.

Управляющий цирком заискивающе тронул короля шутов за плечо:

– Вы уж, голубчик, учтите это обстоятельство при сегодняшнем выступлении. Поговаривают, что наш градоначальник потому приехал на вас посмотреть, что ему уже все уши прожужжали, будто вы страшную крамолу на манеже несете. Власть оскорбляете. А он эта самая власть и есть. Вы уж поаккуратней сегодня. Не перегибайте палку.

– Я король шутов, а не шут королей, – повторил одну из своих излюбленных фраз Дуров.

– Я не против. Публика на вас валом валит, – пытался урезонить знаменитого артиста управляющий. – Но градоначальника тоже понять можно. А человек он из тех, кто шутки плохо воспринимает. Прямолинейный очень.

– Сделаю все, что могу, – пообещал Анатолий, прикладывая руку к сердцу.

– Буду очень вам обязан, – повторил жест управляющий и пятясь удалился.

Иван устроился в последнем ряду прямо напротив ложи, в которой уже расположились градоначальник со странной фамилией Зеленый и его супруга. Адмирал выглядел соответственно своему чину. Нахмуренные брови, строгий взгляд, словно он пришел не в цирк, а на похороны. Адмиральская фуражка лежала перевернутой на парапете. Казалось, что это не головной убор, а тарелка с борщом, которую выставили на подоконник, чтобы остыла.

Началось представление. Градоначальник хохотал и даже вытирал слезы, когда клоуны демонстрировали не слишком умные шутки-пантомимы с лестницей, которой постоянно сбивали друг друга с ног, с пусканием водяных струй из глаз. Затем, когда на манеже появилась молоденькая акробатка в облегающем трико, он не постеснялся рассматривать ее в мощный морской бинокль. Поддубный не столько следил за представлением, сколько за градоначальником. Иногда поучительно наблюдать за реакцией зрителя.

И вот наконец коверный объявил номер Дурова. Лицо адмирала тут же сделалось напряженным, а вот публика оживилась чрезвычайно. Для начала шут-дрессировщик выгнал на манеж пару собачек, одетых как дама и господин. Шли они рядом

на задних лапах, а сучка еще умудрялась нести над собой и раскрытый зонтик. Совершив круг, собачки остановились, повернулись мордочками друг к другу и принялись тереться носами, вроде как целовались. Дуров все это сопровождал едкими комментариями, затем пытался урезонить кобеля, когда тот стал уж слишком откровенно домогаться близости со своей «дамой».

– Одно слово – «собаки», – подытожил король шутов то, как его питомцы исчезли за занавесом.

Адмирал снисходительно улыбался, даже пару раз похлопал, правда, без особого энтузиазма. Но взгляд его уже был не таким настороженным, он словно говорил: «Собачки, кошечки… все это хорошо. И смеяться над людскими плотскими пороками – это можно».

Потом был номер «Большой взрыв» – из картонных коробок вылетели стаями птицы: петухи, утки, гуси. Зал наполнился кряканьем, шипением, кудахтаньем. Казалось, что сейчас вся эта пернатая масса разлетится по всему залу и собрать ее воедино уже никому не удастся. Однако, повинуясь всего лишь окрику своего хозяина, птицы мгновенно организовались и стройными рядами покинули манеж без лишней суеты.

– Как вы это делаете, господин Дуров? – не удержалась и выкрикнула закономерный вопрос жена градоначальника.

– Я просто им очень много плачу! – тут же нашелся с ответом дрессировщик.

Зал отозвался одобрительным хохотом.

– А вот тут вы вводите народ в заблуждение, – раздался зычный командный голос градоначальника.

– Это каким же образом? – отозвался Дуров.

– Что-то не припомню, чтобы мне доводилось подписывать бумаги с графой «налоги, полученные от птиц». А ведь любой заработок облагается налогом.

– Вы, ваше превосходительство, могли убедиться, что мои птицы не дураки. Вот потому они и не платят налоги.

Зеленый принял шутку вполне снисходительно. Скорее всего, он решил, что ничего более крамольного сегодня не прозвучит, но тут он ошибался. Ливрейные вынесли на манеж письменный стол. Следом за ними бежал уже знакомый Ивану по Севастополю поросенок в форменной фуражке. Он тут же привычно вскарабкался на лавку и сел, как человек, положив перед собой передние копыта, после чего требовательно захрюкал.

– Это он с вами так здоровается! По-свински. Он же форменная свинья.

Поросенок закивал, а затем сменил тон. Казалось, что теперь его хрюканье обращено уже к одному дрессировщику.

– Чего-то хочет, – предположил дрессировщик. – Кажется, я тебя понимаю… Ты хочешь почитать газету? Да?

Поросенок согласно хрюкнул и засучил по столешнице копытцами. Дуров подхватил стопку газет, поднял одну, показал публике, газета была городской, узнаваемой, либерального толка. Ее Анатолий и положил перед свином. Тот склонился, принюхался, гневно хрюкнул и сбросил газету на землю.

– Нет, это не свинская газета, – откомментировал Дуров. – Попробуем другую.

Но ни одна приличная по содержанию и ориентации газета свина не устраивала, все они оказались на земле.

– Ну, откуда мне знать, какая газета твоя – свинская? – взмолился Дуров. – Может быть, эта? – и он показал залу черносотенский листок «Патриот».

Свин тут же блаженно закатил глазки, закивал и радостно захрюкал, узнав «свинскую газету».

– Тогда читай! – Дуров положил ее на стол.

Поросенок тут же стал жадно рвать ее зубами, жевать и глотать.

Зал хохотал. Адмирал Зеленый налился краской, звучно воскликнул:

– Безобразие! – взял супругу под руку и покинул ложу.

Эта сценка еще больше развеселила публику. Дурову долго еще не позволяли покинуть манеж, раз за разом вызывая аплодисментами. Наконец оркестру, который исполнил прощальный марш, удалось урезонить публику, люди потянулись к выходу.

Хотел уйти и Поддубный, но тут его подстерегал сюрприз. Биндюжники из местного порта узнали его, когда-то работали вместе в Феодосии. И, конечно же, им не терпелось посидеть вместе со знаменитостью, угостить его. Отказываться было неудобно, да и невозможно. Не было принято даже такое веское оправдание, что Иван уже договорился провести вечер с Дуровым. Оно возымело обратный эффект.

– Иван Максимович, если ты нам в компанию еще и Дурова приведешь, мы тебе по гроб жизни будем обязаны! Это ж какой он человек смелый!

– Да, смелости ему не занимать, – произнес Иван и отправился искать знаменитого шута. – Сказал им на свою голову.

Анатолий, даже не переодевшись после выступления, согласился на предложение. Так и пошел в цирковой буфет в сценическом наряде и гриме. Поддубный пытался объяснить бывшим коллегам по портовым будням, что водки он больше не

пьет, но ему все равно налили в стакан и тут же произнесли незамысловатый тост в его честь. Иван сделал вид, будто пьет. Дуров подыграл ему, быстро подменил стакан на пустой. У циркачей руки ловкие, всегда обманут публику и не покраснеют при этом.

Биндюжники – народ своеобразный. Водка на столах особо не застаивалась. Вскоре зазвучали крепкие словца, сальные шутки. Кто-то даже затянул песню. К веселой компании присоединилось еще несколько цирковых артистов. Поддубный уже подумывал о том, чтобы постараться незаметно уйти, и даже шептался об этом с Анатолием. Но тут абсолютно неожиданно для всех в цирковом буфете объявился сам градоначальник в сопровождении двух чинов в форме. Адмирал хмурил брови, смотрел на компанию исподлобья, губы его кривились.

Веселье оборвалось. Недопитые стаканы с водкой один за другим были отставлены на столы с жалобным позвякиванием. Мужчины, способные нести на своих плечах по нескольку тяжеленных мешков с зерном, вмиг скукожились и потухли. Сперва поднялся один, затем второй, третий… Поддубный даже не заметил, как встал и сам. Наверное, сработал сельский рефлекс уважения к начальству. Не поднялся лишь Дуров, он сидел, вальяжно положив руку на спинку соседнего стула. В руке держал недопитый стакан и весело щурился на адмирала, словно тот был каким-нибудь буфетчиком, и не больше того.

– Встать! – выкрикнул градоначальник. – Вы что, не видите, я – Зеленый!

Адмиралы умеют приказывать. От их голоса только мертвый не поднимется. Иван почувствовал, как его тело само собой тянется в струнку. Дуров же только улыбнулся, сделал неторопливый глоток, отставил стакан, промакнул губы салфеткой, сложил ее вчетверо и лишь потом соизволил отозваться:

– Извините, ваше превосходительство, как раз-то я первым и заметил, что вы «зеленый», вот и хотел дождаться, когда вы созреете, тогда и поднялся бы.

Колдовство командирского голоса вмиг развеялось. Засмеялись все, даже чины в форме. Люди уже не могли стоять на ногах от хохота. А ведь то, над чем смеешься, уже перестает пугать. Адмирал сперва покраснел, как вареный рак, затем так же стремительно побледнел, после чего лицо его в буквальном смысле позеленело.

– Вы… я… крамола… – бессвязно выдал он несколько слов, втянул голову в плечи, развернулся и выбежал из буфета.

Вслед за ним бросились и чины, на ходу прикрывая ладонями

улыбки.

– Я что-то не так сказал? – удивленно пожал плечами Дуров. – Правда, смеяться над фамилией человека не принято. Но эта шутка просто висела в воздухе, и мне пришлось ее произнести. Он сам напросился.

– А я-то, как дурак, встал, – сокрушался Иван.

– Ничего страшного, – поспешил успокоить его Анатолий.

По поводу бегства адмирала решили выпить еще. А решив, сделали. Вскоре прибежал перепуганный управляющий цирка, бросился к Дурову:

– Я же просил вас помягче сегодня, без дерзостей. Вы меня обнадежили, а сами, коварно…

– Ничего я вас не обнадеживал, – заявил Дуров. – Я сказал, что «постараюсь». Вот и постарался, как мог. Публике понравилось. Лучше выпейте с нами, знаете, нервы успокаиваются. Все равно уже ничего не исправишь.

Управляющий кивнул, мол, налейте и мне, глотнул одним махом и вздохнул:

– Вы, господин Дуров, уникальный артист. Для любого цирка вы настоящий клад. На вас публика валом валит. Но вы сами себя губите. И меня подставляете. С властями ссориться нельзя. На то они и власти. Боюсь, что нам с вами придется расстаться, хоть мне и жаль.

– А как же контракт? Он еще не истек.

– Я вам заплачу сполна, по контракту. Но вы уж увольте. Мне неприятности не нужны.

– Нет уж, контракт есть контракт, придется выступать, – Дуров подлил управляющему. – В конце концов, это же не я газету выбрал, а свинья. Какой с нее спрос? Свинский выбор.

– Но вы же сами все понимаете.

– Как я не люблю, когда мне говорят эту фразу! – воскликнул Дуров. – Я умный человек, а потому не хочу понимать некоторых вещей. Я не нарушаю закона. Пусть власть его четко сформулирует, чтобы было понятно. И тогда я буду этот закон выполнять. Если она не способна этого сделать, то не должна быть властью. Не я должен все понимать, а она.

– Но это же форменная крамола! – взмолился управляющий.

– Вот именно поэтому на меня публика и идет. Если изменюсь, не будет ни зрителя, ни кассы.

– А ну вас, делайте что хотите. Я человек старый, – махнул рукой управляющий. – Мне тоже надоело все понимать самому, когда никто толком объяснить не умеет.

Культурный отдых биндюжников и примкнувших к ним цирковых артистов продолжился уже в компании с управляющим.

Чем больше он выпивал, тем смелее становился. Оказалось, ему даже известны анекдоты про государя императора, которые он принялся рассказывать Поддубному с Дуровым так тихо, что ничего нельзя было расслышать. Веселье набирало новые обороты. Казалось бы, больше ничего неприятного случиться не сможет. Во всяком случае, сегодня. Разве что биндюжники, вспомнив какую-нибудь старую обиду, передерутся между собой. Однако неприятности имеют особенность – они тянутся, как звенья цепи – одна за другой.

Властно хлопнула дверь. На пороге появился городовой, обвел взглядом гуляющих и официально поинтересовался, присутствует ли здесь господин Дуров?

– Да, это я, – Анатолий уже не был намерен шутить.

Все же перед ним был представитель власти при исполнении обязанностей, а не градоначальник, приехавший с женой в цирк как частное лицо.

– Я вынужден вручить вам предписание, – городовой подал Дурову бумагу.

Анатолий пробежал глазами текст:

– Ого! Впервые оказана такая честь. Мне предписано в двадцать четыре часа покинуть город.

– Я же говорил, добром все это не окончится. Послушали бы старого человека.

– Это же произвол какой-то, – возмутился Поддубный. – Выгонять из города из-за шуток!

– Публичных шуток, – поднял указательный палец Дуров. – Отличная реклама моего творчества.

Городовой все еще ждал, и Дуров обратился к нему:

– Вы свой долг исполнили. Я подчинюсь. Что мне еще остается? Не за решетку же садиться. Я в точности все исполню, как мне предписывается – в двадцать четыре часа покину город с момента вручения мне бумаги. Можете засекать время. А еще лучше – сперва сверим часы. Вдруг ваши спешат, а мои отстают?

Ошарашенный городовой достал часы и сверил их с часами Дурова. После чего Анатолий расписался о вручении ему предписания и проставил в квитанции текущее время.

– Вот и все, – объявил король шутов. – Теперь, после всех формальностей, вы уже не находитесь при исполнении, а, можно сказать, просто зашли на огонек. Угощайтесь, – он подал городовому рюмку с водкой.

– Благодарствую, – тот снял фуражку и опрокинул рюмку в широко раскрытый рот, хотел уже уйти, как Дуров остановил его:

– Поскольку я могу еще двадцать четыре часа находиться в Одессе, то, следовательно, мое завтрашнее выступление не

отменяется. Я могу его провести, – заявил шут.

– Насчет вашего участия в цирковых выступлениях в предписании ничего не сказано. Только о том, что вы должны город покинуть, господин Дуров, – подтвердил городовой.

– Тогда приглашаю и вас посетить мое прощальное выступление. Сделайте нашему гостю контрамарку, – попросил управляющего Анатолий.

– У меня супруга есть, – подсказал городовой.

– Никаких проблем. Сделаем две контрамарки на хорошие места, – подтвердил управляющий, доставая жестом фокусника из-за уха химический карандаш, послюнявил его. – Третий ряд вас устроит? – расщедрился он.

Буфетчик тут же выудил из-под стойки осьмушку бумаги и подсунул управляющему.

– Оп-ля! – последовало абсолютно несерьезное восклицание, и листок бумаги превратился парой росчерков пера в вожделенную контрамарку.

– Благодарствую, – удовлетворенный по всем статьям страж порядка покинул цирковой буфет, на ходу проверяя ладонью, хорошо ли сидит на голове форменная фуражка.

Управляющий небрежно сунул карандаш за ухо и проговорил:

– Вы сами этого добивались, господин Дуров.

– Я и не жалуюсь.

После случившегося продолжать веселье было бы не очень уместно. Биндюжники как люди, сплоченные общей работой, вместе подались к выходу. Пожимали руки Дурову и Поддубному, желали удачи, спрашивали, чем могут быть полезны.

– Куда теперь? – спросил Поддубный.

– Честно говоря, Одесса мне несколько приелась. Да и публика на меня идет по третьему, четвертому разу. Все к лучшему. Надо было сменить город. Думаю податься в Киев. Меня давно приглашали туда. Там тоже есть градоначальник, – усмехнулся знаменитый шут.

– По твоим глазам вижу, ты что-то задумал, – сказал Иван.

– Я всегда что-нибудь задумываю, – усмехнулся Анатолий. – Если хочешь, то можешь поучаствовать.

– В каком качестве? – осторожно поинтересовался Иван.

– Я тебе сейчас все расскажу…

* * *

Управляющий одесским цирком почесал затылок.

– Значит, вы меня просите поменять в программе ваши

номера местами? – спросил он Дурова и Поддубного, которые вот уже как десять минут находились в его кабинете.

– Абсолютно верно, – подтвердил Анатолий.

– Только об этом мы и просим, – вставил Иван. – Какая разница?

– Значит, борцы не будут закрывать представление. А сделаете это вы? – управляющий уставился на Дурова.

– Все правильно. Мое же выступление прощальное, – подсказал возможное объяснение король шутов.

– А зачем вам это понадобилось? – прищурился управляющий. – Снова крамолу задумали?

– Хуже уже не будет? – спросил Анатолий.

– Куда уж хуже, – прикусил немолодой мужчина губу. – Черт с вами, делайте что хотите.

– Спасибо вам, – очень обрадовался Дуров.

Управляющий справедливо подозревал, что знаменитый шут собрался в своем репертуаре поквитаться с градоначальником, но решил не мешать свершению мести. Зеленого он ненавидел не меньше Дурова, вот только показывать это открыто не собирался.

Зал был полон, пустовала только ложа градоначальника. Представление шло своим чередом. Публика шушукалась, ведь весть о том, что Дурова вынуждают покинуть Одессу, уже разнеслась по городу. А потому, когда вместо выступления короля шутов коверный объявил выход Поддубного и других борцов, раздался свист, крики:

– Дурова давай!

– Дурова и его свиней!

Коверный выдержал паузу, дождался, пока свист утихнет, а потом важно сообщил:

– Достопочтенная публика. Прощальное выступление Анатолия Дурова и его дрессированных помощников состоится в самом конце представления. Имейте терпение. А теперь на нашем манеже непобедимый силач из Севастополя Иван Поддубный…

Иван Максимович продемонстрировал свой коронный номер с телеграфным столбом, перебрасывал гири, поднимал штангу. Затем провел несколько схваток, довольно легко победив противников. Он с легкостью завоевал признание местной публики, чувствовалось, что его полюбили и не хотят быстро отпускать с манежа. Выйдя в третий раз на поклон, Поддубный, вопреки обыкновению, решил взять слово. Он не был мастером говорить, а потому незатейливо изложил суть:

– Дамы и господа. Я бы с удовольствием еще развлекал бы вас. Но нашему общему другу Анатолию Дурову предписано покинуть город. Ему разрешено находиться в границах Одессы

еще только три часа. Поэтому дайте ему возможность выступить. Прямо с манежа он отправится в дальнюю дорогу. Все желающие могут его проводить по улицам города до самой заставы.

– Точно, дело говорит!

– Дурова!

Закричали в зале. Коверному даже не пришлось объявлять выход. Дуров буквально вылетел на манеж, сорвав шквал оваций. Он повторил свое вчерашнее выступление один к одному. Были и милые сучечка с кобельком, исполнявшие роль влюбленных. Был и «большой взрыв» из петухов, гусей и уток. Потешал народ ученый свин, выбиравший «свою» газету. И тут на манеж вышел коверный и напомнил Дурову, что ему следует спешить, иначе не уложится в отведенное ему время.

– Пора заканчивать, – вручил он ему предписание.

Дуров громогласно зачитал его, а затем случилось преображение. Анатолий без всякого перехода стал читать знаменитый хрестоматийный монолог Чацкого из пьесы «Горе от ума». Читал не просто, а как хороший драматический актер.

«…где оскорбленному есть чувству уголок…»

Публика слушала его с серьезными лицами. Некоторые особо чувствительные особы вытирали глаза носовыми платками. Странное и неожиданное это было сочетание. Цирковой манеж и классическая литература. Однако никто не возражал.

– Карету мне, карету! – патетически воскликнул Дуров, вздымая руку.

Ему уже начали хлопать, но тут оркестр урезал какой-то безумный марш. Из-за занавеса выкатила повозка, запряженная огромным боровом. Причем боров был густо выкрашен яркой зеленой краской. Дуров вскочил на колесницу и, потрясая предписанием, стал призывать зал:

– Кланяйтесь ему все, потому что он зеленый! До земли кланяйтесь!

Под хохот людей зеленый боров, гнусно хрюкая, нарезал круг за кругом. Доведя зал до неистовства, когда некоторые уже и впрямь начинали кланяться, Дуров махнул рукой, показывая, что уезжает. Толпа повалила за ним.

Зеленый боров вез колесницу с разряженным шутом Дуровым по улицам города, рядом с ним шел Поддубный в сценическом трико и на ходу подбрасывал двухпудовые гири. Сопровождали шествие и эквилибристы на ходулях. Не хватало только оркестра. Несмотря на довольно позднее время, толпа прирастала с каждым кварталом и вскоре заполнила улицу на всю ширину. Останавливались подводы, экипажи. Но никто – ни пассажиры, ни извозчики – не выказывал претензий. Они махали Дурову,

кричали слова поддержки.

– Дорогу! Освободите дорогу! – кричал Анатолий. – Потому что он – зеленый!

Маршрут отступления из Одессы Дуров предусмотрел заранее, путь зеленого борова проходил и под окнами дворца градоначальника. В окнах мелькнули лица ухмыляющейся прислуги. Наперерез процессии выбежал городовой, схватил борова под уздцы и растерянно затараторил:

– Стой… тпру… поворачивай оглобли!

– Не видишь, – кричали городовому из толпы. – Это же зеленый! Освободи дорогу!

На балконе появился градоначальник. Он зычно, так, что толпа сразу же притихла, крикнул:

– Прекратить безобразие! Прекратить недозволенное властями шествие! Разойтись!

Дуров поднялся в колеснице:

– Вы ошибаетесь, ваше превосходительство, просто друзья и почитатели идут меня провожать, а это не запрещено законом.

– Вы издеваетесь. Почему он у вас зеленый?!

– По той же причине, что и вы – Зеленый.

– Сейчас же вымыть его, перекрасить… – нервы у адмирала сдавали, и он начинал нести полную чушь, чем только веселил толпу. – Выпрягайте свою свинью!

– С удовольствием это сделаю, если ваше превосходительство напомнит мне закон, согласно которому тягловое животное не может быть зеленого цвета.

– Это же свинья!

– На свиньях ездить не запрещено. Ездят же чукчи на собачьих упряжках. И никому не приходит в голову сажать их за это в кутузку.

– Чтобы через час вас в городе и духу не было! – градоначальник беззвучно сплюнул и покинул балкон.

– Дорогу зеленому! – процессия возобновила движение. – Кланяйтесь, все кланяйтесь!

Таким порядком и добрались до заставы. Дуров выпряг борова и почесал его за ухом.

– А теперь, зеленый, если хочешь, беги, помойся в море.

Боров послушно побежал к линии прибоя, плюхнулся в небольшие волны. До ушей провожавших великого шута долетело радостное повизгивание.

– Видите, – произнес Дуров. – Даже свинье не по нраву изображать из себя вашего градоначальника. Мой боров не так уж глуп, как кажется.

Теперь Анатолий смог впрямую сказать, кого подразумевал в

образе зеленой свиньи. Ведь теперь он находился за границей Одессы, на которую распространялась власть адмирала Зеленого.

Толпа не хотела расходиться, ожидая чего-то вроде продолжения выступления. Но Дуров уже устал. Он откланялся и посоветовал людям возвращаться к семьям.

– Время-то позднее, – напомнил он.

Напоследок его еще раз одарили аплодисментами. Народ подался назад в город. Шум голосов затих вдали. Стало отчетливо слышно, как плещется море, свистит ветер, хрустит галькой боров.

– Всегда немного грустно прощаться с какой-то частью своей жизни, – задумчиво произнес Дуров. – Но без прощания не будет и будущего. Некоторые артисты чего-то достигают, а потом используют достигнутое без развития. А это смерти подобно, – Анатолий бросил взгляд на Поддубного. – Ты бы, Иван, хоть гири свои на землю поставил. Как ты с ними назад потащишься?

– А я их не замечаю, – абсолютно искренне признался Иван. – Донесу как-нибудь, не впервой.

Со стороны Одессы показалась грузовая подвода.

– Ну вот, и мой экипаж прибыл, – произнес Дуров. – Давай прощаться.

Пока борец и шут обнимались, боров сам, без всякого принуждения, забрался в подводу.

– Странная штука – жизнь, – улыбнулся Анатолий, устраиваясь рядом с возницей. – Знакомы мы с тобой совсем мало, а уже подружились. Тебя, Иван, мне будет не хватать. Будешь в Киеве, заходи. Спасибо, что проводил меня.

– Дай Бог, свидимся. Цирковой мир тесен, – Иван вскинул руку в прощальном жесте.

Подвода неторопливо покатила по дороге. Вскоре скрежет и поскрипывание ее колес затихли в темноте. Поддубный почувствовал себя очень одиноким.

Иван Максимович честно отработал свои выступления в Одессе. Вновь не проиграл ни одной схватки. За тот десяток раз, которые он выходил на манеж, местная публика успела его искренне полюбить. Поддубного узнавали на улицах. Можно было договориться с синьором Труцци, чтобы остаться здесь подольше. На Ивана зритель в Одессе валил так же густо, как и на Дурова, так что и гонорары были неплохими. Но после выступлений Ивану приходилось оставаться одному. В веселых артистических посиделках он не принимал участия, придерживался режима и специальной диеты. Это уже стало частью его натуры…

Глава 8

Ведьма и отрубленная кошачья лапа. А для вас кольца по размеру не найдется. Незнакомец в пролетке. Выход всегда найдется. Оказывается, некоторые дамы делают «это» так же часто, как швейная машинка «Зингер».

Влажный, прохладный ветер летел над морем. В ночном небе горели яркие южные звезды. За кормой тянулся белопенный, подсвеченный ущербной луной, след. На палубе парохода, идущего из Одессы в Севастополь, оставалось не так уж много свободного пространства. Прямо на настиле расположились семьи переселенцев вместе со своим сельским скарбом, волами, коровами. Поддубный стоял у поручней, всматривался в звездное небо и прислушивался к нехитрым разговорам сельских жителей. Звучала родная, милая уху украинская речь. Обсуждали виды на урожай, незамысловатые интриги сельской жизни. Кому-то отказала девушка, на соседей местная ведьма навела порчу… Все это можно было бы сказать и «по-городскому», как называли в Красеновке русский язык. Смысл, информация, сохранились бы, но все сразу бы стало безвкусным, как сало без соли и хлеба. Даже такой гениальный писатель, как Николай Васильевич Гоголь, не мог обойтись в своих бессмертных творениях без пары вставленных в текст украинских фраз, где они сверкали как бриллианты.

Поддубный понимал, что стал уже в чем-то чужим для этих родных ему людей. Он не мог бы сейчас просто подойти к ним, присесть и вступить в разговор. Даже украинская речь не спасла бы ситуацию. Одежда, манера держаться, костюм, часы на цепочке, все теперь у него было другим. Чтобы вновь сделаться своим «в доску», следовало приехать в родное село, одеться попроще. А еще лучше – на денек-другой выйти с отцом и братьями на сенокос, посидеть ночью у костра, послушать неторопливую беседу косцов.

Иван смотрел на небо – на Млечный Путь, который на Украине называют Чумацким шляхом. По нему с незапамятных времен чумаки определяли дорогу в своих продолжительных поездках на волах за крымской солью. Неторопливые волы тянули груженые повозки – быстрей было бы идти пешком. И что делать в такой утомительной дороге? Или перекрикиваться с другими возницами, или петь. Вот и сейчас в одной из компаний, расположившихся на палубе, негромко затянули протяжную народную песню. Она удивительным образом слилась с морским пейзажем, придала ему совсем другое «звучание», словно уже не

волны перекатывались от горизонта до горизонта, а стлался, выгибался под ветром сивый ковыль. Иван даже не заметил, как сам тихонько стал подпевать.

Пароход слегка изменил курс, и теперь ветер уже доносил до слуха Ивана разговор другой компании. Люди сидели кружком, так, будто бы между ними горел невидимый костер. Средних лет мужчина с натруженными руками курил люльку и в перерывах между глубокими затяжками рассказывал одну из быличек-страшилок, какие так любят в украинских селах.

– …только Грицко из войска вернулся. Высокий, статный. Все девки на него засматривались. А он к вдове – Оксанке – словно присох. Говорили ему, что она ведьма и мужика своего со свету сжила. Только год и прожили вместе. А он не верил, что она ведьма. Оксанка-то и в церковь не ходила. Грицко все к ней бегал. А она одна за селом жила. Точно парня причаровала. На ней же ни рожи, ни кожи. Одно, что глазищи черные, бездонные. Посмотрит, будто насквозь тебя видит. И вот стало в соседней хате молоко у коровы пропадать. Утром вымя пустое. Соседка и попросила Грицка, чтобы ночью в хлеве покараулил, словил того, кто у коровы молоко забирает. Сел Грицко с вечера в сене, для храбрости топор с собой взял. Глаз не закрывал, а к полуночи, будто чары какие на него нашли, задремал. Подхватился, видит, под коровой огромная черная кошка примостилась, вымя сосет, а глаза у нее зеленые и горят. Крикнул парень на нее, а она зашипела и к нему пошла. Шерсть на загривке топорщится. Лапой машет, когти выпустила. Грицко взял, топором махнул, лапу ей и отсек. Только кровь брызнула. А утром, как всегда, пошел он к своей вдове Оксанке. Видит, лежит она на кровати бледная, встать сама не может. Зло на него смотрит и вроде шипит. Сдернул Грицко одеяло, а у нее рука отрублена. Оксанка той кошкой, что на него бросалась, и была…

Иван и сам мог бы рассказать несколько подобных быличек. И страшных, и веселых. Рассказчик еще раз пыхнул трубкой, выбил за борт огненную россыпь, которую тут же подхватил, понес морской ветер, и стал устраиваться спать.

– Верят же в такое люди, – пробормотал Поддубный.

Но тут же вспомнил, что и сам когда-то верил в подобные истории. А как же не поверишь, если рассказывают ее ночью у костра? Желтые отблески пляшут по лицам. Из темноты доносятся таинственные ночные звуки.

Пароход прибывал в Севастополь днем. Иван всматривался в приближающийся берег. Где-то там, среди белых зданий ждала его возвращения Эмилия. Поддубный написал ей из Одессы письмо, но ответа не получил, скорее всего почта немного

опаздывала. Ореол таинственности и мистики с наступлением дня исчез с переселенцев. Их уже интересовали сугубо практические заботы. Лица из задумчивых, мечтательных стали напряженными, подозрительными.

Перебросили сходни. Иван сошел на берег, тут же очутившись в портовой суете. Сновали носильщики, призывно кричали извозчики, стараясь ухватить немногих пассажиров, кому их услуги были по карману.

– Барин! – крикнул извозчик Ивану. – Куда хотите, домчу с ветерком!

– Я и пешком доберусь, – ответил Поддубный, чуть приподняв свой легкий, плетенный из ивовых прутьев саквояж.

Возница тут же потерял к нему интерес и переключил свое внимание на другого хорошо одетого господина. Иван выбрался из порта. Шел по улице неторопливо, осматриваясь. Решил приглядеть какой-нибудь подарок для Эмилии, остановился возле ювелирной лавки. Внутрь не заходил, рассматривал то, что лежало на витрине. Солнце крошилось в драгоценных камнях, сверкало золото. Благородно отливало начищенное серебро столовых приборов. Взгляд Ивана задержался на паре обручальных колец, его губы расплылись в улыбке.

– Почему бы и не сейчас? – решил он и шагнул в лавку.

Пожилой владелец-еврей был проницательным. По выражению лица сразу понял, что задумал покупатель. Вскоре перед Поддубным уже стояла выложенная внутри синим бархатом коробка. В прорезях покоились кольца всех возможных размеров и фасонов. Размер кольца для Эмили продавец знал, женщина пару раз заходила сюда с Поддубным и ни разу не уходила с пустыми руками. Иван любил ее побаловать.

– … а вот для вас, – продавец разглядывал тяжелую ладонь борца на фоне колец. – Подобрать что-нибудь готовое будет сложно. Нестандартная у вас рука. Вот разве что это, – он извлек толстое обручальное кольцо червонного золота.

Иван хотел примерить, но ювелир остановил его.

– Погодите. И это впору не придется. Но если вы согласны денек подождать, то я его раскатаю на ваш размер.

– Чего ж не подождать? – пожал плечами атлет. – Кольцо на всю жизнь выбираешь. День роли не сыграет.

– Вот и отлично, – обрадовался продавец.

Ивану не терпелось сделать своей невесте подарок. Поэтому кольцо для нее он купил сразу. Ювелир красиво упаковал его в синенькую бархатную коробочку и перевязал красной лентой с пушистым бантом. Коробка исчезла в саквояже. Оставив задаток за обручальное кольцо для себя, Иван покинул лавку. Теперь и

город казался ему более светлым, и лица прохожих более радостными. Он улыбался встречным. Ноги сами несли его по мостовой к цирку. Когда оставалось всего-то два квартала, из-за поворота вылетел экипаж. Извозчик наяривал кнутом, не забывая кричать при этом:

– Поберегись!

Поддубный замер. За спиной извозчика сидела Эмилия, но не одна. Рядом с ней восседал мужчина лет пятидесяти в белом костюме и соломенной шляпе тонкого плетения. Его лихо подкрученные, напомаженные бриолином усики блестели. Эмилия смеялась, запрокинув голову. Руки мужчины и женщины вместе лежали на сверкающем набалдашнике франтовской трости. Пролетка пронеслась рядом с Иваном, обдав его грохотом колес. Ему показалось, что в голове у него что-то взорвалось. Яркая вспышка ослепила глаза. Ноги стали как ватные. Иван медленно повернулся всем телом. Зрение вернулось к нему. Над опущенным тентом удаляющейся пролетки виднелось лицо Эмилии. Она смотрела прямо в глаза Поддубному, как показалось ему, удивленно и испуганно.

– Стой! – крикнула Эмилия.

Возница натянул вожжи.

– Тпрррру!

Конь встал как вкопанный. У Поддубного не нашлось сил, чтобы сделать шаг вперед. Эмилия сама подбежала к нему. Женщина уже успела овладеть собой.

– Ты уже вернулся? Почему не предупредил? Я бы встретила.

– Ты же видишь, что вернулся, – Ивану казалось, что он говорит совсем беззвучно, только шевелит губами.

– Я так рада, что заметила тебя.

– Кто это? – Иван, не отрываясь, смотрел на господина в пролетке, тот приподнялся и разглядывал Поддубного с подозрительным прищуром.

Короткие усики при этом по-тараканьи подергивались.

– Это мой кузен Шандор, приехал из Венгрии, – Эмилия коснулась ладонью руки Ивана. – А ты, глупый, ревнуешь меня?

– Кузен? – переспросил Поддубный, и у него сразу же отлегло от сердца.

Бывают моменты, когда даже умному человеку хочется верить в лучшее.

– Понимаешь, в моей семье случилась беда. Я тебе все потом расскажу. Жди у себя. Я сама приду и все расскажу. Мне потребуется твоя помощь. А сейчас спешу, нам с кузеном еще к нотариусу заехать надо.

– Ты меня познакомишь с ним?

– Обязательно, но не сейчас. Он вообще не говорит по-русски. Ты ничего не поймешь. Даже пообщаться не сумеете. Все, жди меня, никуда не уходи, это очень важно.

Эмилия тряхнула головой и, приподняв подол длинного платья, побежала к пролетке. Легко вскочила в нее. Экипаж полетел по мостовой. Только сейчас Иван вспомнил, что не достал кольца, не подарил его Эмилии. Но эта встреча произошла так сумбурно и коротко, что торжественное вручение следовало отложить на потом. Да и женщина была чем-то сильно встревожена, говорила, что потребуется его помощь. На душе вновь стало неспокойно.

Поскольку Иван приехал раньше – спешил встретиться со своей любимой, то его выступление в цирке сегодня не планировалось. В другом бы случае он отправился за город, посидел бы на море, потренировался бы на пляже вдали от людских глаз. Однако сегодня он был привязан к месту. Сидел в номере, ожидая, когда придет Эмилия. Правда, было над чем и подумать. В гостинице Ивана ждало письмо от братьев, пришедшее в то время, когда он выступал в Одессе. И оно сильно отличалось от тех писем, которые обычно приходили из Красеновки. Вместо того чтобы обстоятельно рассказывать о сельском житье-бытье: у кого корова отелилась, кто женился, родился, помер, братья писали ему о его собственной – Ивана – жизни в Севастополе. Оказывается, встреченный на представлении в цирке Тарас Чирк сильно стал похваляться, что видел выступления Поддубного и даже выпивал с ним. Вот отец – Максим Иванович – и позвал его в гости, чтобы услышать рассказ из первых уст, а не в бабском пересказе. Из письма выходило, что Тарас честно рассказал все, что видел, о чем говорили они с Иваном. А вот отец понял все, как умел.

«…на праздники лучше не приезжай, – писали Ивану братья. – Потому как если приедешь, то отец обещал сразу о тебя оглоблю изломать. Он зол, потому как ты делом не занимаешься, а в непотребном виде с голыми ляжками гири в цирке подбрасываешь. От чего никакого толку не было и быть не может. А еще Тарас сказал, что ты собрался на какой-то циркачке-вертихвостке жениться. Мало того что она в два раза тебя старше, так еще тоже чуть ли не нагишом в цирке бегает на потеху публики…»

Поддубный закусил губу. Он понимал, что отцу трудно будет объяснить, что цирковая артистка может и в сорок выглядеть молодо, красиво. Ведь на селе любая женщина после тридцати пяти считалась уже чуть ли не древней старухой. А слово «циркачка» воспринималось в Красеновке не иначе, как

потаскуха. Поддубный сложил письмо и засунул его в конверт.

Иван вскакивал, лишь только слышал шаги в коридоре. Но всякий раз проходили мимо его двери. И вот наконец раздался деликатный стук.

– Открыто! – крикнул Поддубный.

К нему в номер проскользнула Эмилия, тут же закрыла дверь на ключ изнутри и приложила палец к губам.

– Тише, не кричи так.

– А в чем дело? – Иван обнял женщину, та прильнула к нему, но как-то напряженно и голову пригнула, словно не желала, чтобы он ее поцеловал.

– Я тебе сейчас все расскажу…

Поддубный остановил ее.

– Успеешь. Сперва я хочу сделать тебе подарок.

Он опустился на колени, пошарил рукой в саквояже и достал из него бархатную коробочку. Не поднимаясь, он протянул ее Эмилии:

– Будь моей женой.

Эмилия покраснела, чего с ней раньше не случалось. Растерянно приняла подарок. Развязала ленту, полюбовалась кольцом.

– Спасибо тебе за заботу и предложение. Но сейчас я не могу.

– Не хочешь или не можешь?

– Не могу. Дело в том, что мой отец при смерти. Я должна срочно уехать в Венгрию. Там еще и по наследству будут проблемы.

Поддубный даже переспросил:

– Отец? – ведь ему казалось, что отец Эмилии давно умер, во всяком случае такое впечатление возникало из ее предыдущих рассказов.

– Мы давно не встречались. Вот я и говорила о нем как о далеком прошлом. Я должна срочно уехать.

– Но у тебя же контракт с синьором Трущи, – напомнил Иван.

– В том-то и дело, – сокрушенно покачала головой Эмилия. – Я пыталась упросить его отпустить меня, хоть на месяц. Но он отказал.

– Может, мне с ним поговорить? – предложил Иван.

– Не надо. Ни в коем случае. Он только разозлится еще больше. Этим делу не поможешь.

– И что ты собираешься делать?

– Единственный выход – убежать, – прошептала Эмилия. – К черту контракт. К черту синьора Трущи. К черту деньги, которые он мне останется должен.

– А как же мы? – упавшим голосом спросил Иван, он уже не мыслил свою жизнь без Эмилии.

– Я не собираюсь сюда возвращаться. Устроюсь в какой-нибудь цирк в Венгрии или в Богемии. А потом, когда кончится твой контракт, ты приедешь ко мне. Ты чудесный борец, тебя в любом цирке примут с распростертыми объятиями и будут платить куда больше, чем сейчас платит скупердяй Труцци, – говоря это, Эмилия уводила взгляд в сторону, словно и сама не до конца верила в то, что произойдет именно так, как она обещала.

Она обняла Ивана, поцеловала, но коротко, без особой страсти.

– Ты говорила, что потребуется моя помощь. У меня есть деньги, я могу дать их тебе.

Эмилия задумалась, затем отрицательно качнула головой.

– Нет, денег мне не надо. У кузена имеются небольшие сбережения. Твоя помощь нужна в другом.

– Все что угодно.

– Не спеши обещать. Подумай. Ты должен помочь мне бежать. Ведь синьор Труцци теперь держится настороже. Он следит за мной. И если из гостиницы станут выносить мои вещи, он обратится в полицию. Закон на его стороне. Есть подписанный контракт. Меня задержат силой. Возможно, даже арестуют и будут привозить в цирк только на выступления.

– Какой ужас! – возмутился Иван. – Я помогу тебе бежать.

– Я уже придумала план. Мое выступление сегодня в самом начале второго отделения…

…Заиграл оркестр. Эмилия с опахалом из страусиных перьев выбежала на манеж, картинно поклонилась. Публика зааплодировала. Выступление эквилибристки, конечно же, не вызывало таких сильных эмоций, как выходы Поддубного или Дурова, но публике она нравилась. Эмилия была из того рода артисток, которые становятся красивее с годами. И вот теперь был самый пик ее расцвета. Роковая сорокалетняя красавица.

Под барабанную дробь она вскарабкалась по металлической лесенке. Канат был натянут на головокружительной высоте: сорвешься – костей не соберешь. Как всегда случается в такие мгновения, публика затаила дыхание. Эмилия демонстративно не стала прицеплять страховочный тросик, просто оттолкнула его рукой. Женщина ступила на канат, он качнулся под ней, загудел низким, еле слышным басом в тишине. Она шла над пропастью, покачивая опахалом.

Иван следил за ней, стоя в проходе вместе с другими артистами.

– Что она делает? Зачем страховку не пристегнула? – при

этом говорившие почему-то косились на Поддубного.

Затем последовал прыжок с разворотом на сто восемьдесят градусов, после него – шпагат на канате и воздушные поцелуи зрителям.

Эмилия несколько раз вышла на поклон. Публика словно чувствовала, что видит артистку в последний раз, хотя ее будущие выступления и значились в афишах. Цирковая дива убежала с манежа, ее сменили паяцы.

– Зачем ты рисковала? Я боялся за тебя, – укорял Эмилию Иван.

– Мне так хотелось. Просто не могла иначе. Я сейчас готова на самое страшное безрассудство.

Из глубины служебного прохода за Эмилией наблюдал синьор Труцци, буквально глаз с нее не сводил, словно она могла прямо сейчас, не переодевшись, не собрав вещей, сесть в пролетку и укатить прочь из Севастополя. Итальянец выждал небольшую паузу и подошел к Эмилии.

– Больше так не делайте, прошу вас, – сказал он и посмотрел на Ивана, ища у него поддержки.

– Я ей то же самое говорил. Но она… – Поддубный почувствовал, как женщина сжимает ему ладонь, мол, молчи, не зли владельца цирка.

Иван замолчал. Ответила Эмилия:

– Обещаю, что на моем завтрашнем представлении подобного не случится, – пообещала она.

– Что ж, будем надеяться.

Поддубному, конечно же, хотелось высказать владельцу цирка свое к нему отношение. Ну как можно не разрешить артистке съездить к умирающему отцу? Но приходилось молчать.

– Идем, – сказал Иван и повел Эмилию за собой.

Синьор Труцци тут же кивнул одному из ливрейных, тот двинулся следом, особо и не скрывая, что присматривает за артисткой, чтобы не сбежала. Когда Иван и его спутница зашли в гостиницу, ливрейный устроился на лавочке у входа.

– Вот видишь, он следит за каждым моим шагом, – прошептала женщина.

– Все должно получиться.

– Я так волнуюсь.

– Я не хотел бы отпускать тебя.

– По-другому нельзя.

Вещи Эмилии уже были упакованы – большой сундук и несколько чемоданов, шляпные коробки.

– Надо присесть на дорогу. Так принято, – сказал Иван.

Эмилия села на кровать рядом с ним. Молчали. Поддубному

вспоминалось, сколько страстных ночей он провел в этой небольшой комнате. Было стыдно и одновременно сладко вспоминать.

– Возьми кольцо, – попросил Иван.

– Сейчас не надо. Мало ли как сложится жизнь. Мы можем встретиться вновь не так уж скоро, – отвечала женщина. – Любовь крепка, когда любящие вместе. Ты можешь влюбиться в другую.

– Ни за что и никогда.

Эмилия улыбнулась:

– Любил же ты и до меня. Почему этого не может произойти и после?

– Эта была не любовь, а мечта.

– Помню, ты даже не умел толком целоваться. Я, когда устроюсь, напишу тебе, чтобы и ты смог приехать, – напомнила Эмилия, хотя это и было уже десять раз оговорено.

Снаружи в стекло ударил и отскочил скомканный лист бумаги.

– Пора, – поднялась Эмилия и распахнула окно.

Внизу на мостовой стоял экипаж. На этот раз извозчик вел себя тихо. Под окном в сгущающихся сумерках виднелся кузен Эмилии. Подкрученные усики лоснились в свете фонаря.

– Шандор, я сейчас, – обратилась к кузену женщина.

Поддубный обвязал сундук веревками, позаимствованными в цирке, и аккуратно спустил его со второго этажа. Шандор и извозчик с трудом установили его на подножке для багажа. Окна номера Эмилии выходили на улицу, а потому ливрейный, посланный синьором Трущи, ничего и не заметил, продолжая сторожить дверь гостиницы для цирковых артистов, большинство из которых все еще были заняты в представлении. Иван спустил чемоданы со шляпными коробками.

– До свидания, – шепнул он Эмилии, когда она уже сидела на подоконнике, обвязанная петлей для спуска.

– До встречи, – женщина торопливо поцеловала его.

Поддубный перебирал веревку руками. Эмилия отдалялась от него. Шандор подхватил ее, помог стать на мостовую. Прощальный взмах руки, воздушный поцелуй. Пролетка медленно, чтобы не шуметь, отъехала от гостиницы. Иван стоял у раскрытого окна. Из цирка доносились звуки оркестра. На душе было пусто и тоскливо. Поддубный прикрыл рамы, снял со стены забытую Эмилией афишу и свернул ее в трубочку, а потом просто закрылся в своем номере. На удивление быстро заснул.

Разбудил его стук в дверь.

– Сейчас, – потянулся Иван и отправился открывать.

На пороге стоял взволнованный синьор Трущи.

– Простите за такой вопрос. Эмилия не у вас? Я ищу ее.

– Нет, – Иван отступил в сторону, чтобы владелец цирка сам мог в этом убедиться.

– Где же она? Вы должны знать.

– Я никому ничего не должен, – Поддубный взглянул на часы. Пароход, на который у Эмилии и Шанодра были взяты билеты, отплыл уже пять часов тому назад. – Подождите немного. Я оденусь, приведу себя в порядок и все вам объясню, – пообещал Иван, закрывая дверь перед самым носом синьора Трущи.

Итальянец попытался вставить ногу между дверью и косяком, но не успел.

Одетый, как для выхода в город, побритый, пахнущий туалетной водой, Поддубный стоял перед распахнутым номером Эмилии. От того, что оттуда исчезли все вещи, комната казалась еще меньше. Синьор Трущи смотрел в раскрытое окно.

– Иван Максимович, скажите мне честно. Вы знали, что Эмилия решила убежать этой ночью? – спросил он.

– Естественно, знал, – не стал врать Поддубный.

– Я не держу на вас зла за то, что вы мне об этом не сказали. Ваше право, ваши отношения с этой женщиной. Но как вы сами оцениваете ее поступок? Он-то вам хотя бы немного открыл глаза на то, какова цирковая дива?

– Что вы имеете в виду, синьор Трущи?

– Как бы помягче выразиться? – задумался итальянец.

– Вы не отпустили ее к умирающему отцу. Вот ей и пришлось убежать. С вашей стороны не лучшее решение. Последствия можно было предвидеть.

– Отпустить ее к умирающему отцу? – вскинул брови итальянец и эмоционально взмахнул руками, как подбитая птица крыльями. – Это она сама вам так сказала? Конечно, конечно… кто же еще мог это сделать? Ну, так вот, дорогой вы мой. Знайте, ее отец, которого я неплохо знал, отошел в мир иной десять лет тому назад и покоится на кладбище в Будапеште.

– Это точно? – Ивану все еще не верилось, что Эмилия могла его обмануть.

– Как и то, что мы с вами сейчас разговариваем. Чего еще она вам наговорила?

– Хорошо, синьор Трущи, я вам признаюсь абсолютно честно. Это я помог ей бежать. Через это самое окно спустил на веревках и вещи, и саму Эмилию. Они уже плывут на пароходе, вам их не достать.

– Кто они? – переспросил итальянец, прищурившись. – Эмилия убежала не одна?

– Ну, да. Эмилия и ее кузен Шандор вместе были. Только он

ни от кого не убегал, он за ней приехал.

Синьор Трущи часто заморгал:

– Простите, а как выглядел этот кузен? – и, не дав Ивану рта раскрыть, владелец цирка толково, в деталях описал внешность и гардероб кузена Эмилии, сделав особый упор на тараканьи усики.

– Именно так, – согласился Поддубный, уже предчувствуя плохое.

– Ну, так должен вас разочаровать, Иван Максимович. Зовут этого человека Шандор Балаш. Только он никакой не кузен, а фабрикант из Братиславы. Эмилия когда-то была его любовницей. А теперь, когда его жена умерла, он вспомнил о цирковой диве и приехал сюда. Случилось это как раз накануне вашего отъезда в Одессу. Скажу вам больше, сама Эмилия попросила меня, чтобы я на время убрал вас из Севастополя. И просьбу ее я выполнил, старый дурак. Она у вас случаем денег взаймы не попросила?

– Я сам предлагал, но она не взяла, – вконец растерялся Поддубный.

– Вам повезло, наверное, вас она хоть немного любила. Во всяком случае пожалела. А у меня выцыганила все деньги авансом, которые я ей по окончании контракта должен был заплатить. Я, дурак, и согласился, потому что она обещала только в таком случае доработать до истечения срока. Помрачение какое-то на меня нашло. Обманула, мерзавка! Бывает же такое, у нее деньги к рукам «липнут» сильнее, чем у меня. Вы на нее, думаю, все свои сбережения потратили.

– С любовником-фабрикантом убежала? – не своим голосом произнес Иван, в глазах у него потемнело, он качнулся, накатила волна обиды и стыда.

– Не удивлюсь, если она в конце концов заставит его на себе жениться. Радуйтесь, что относительно легко избавились от ее чар, – проговорил синьор Трущи. – Вам что, плохо? – владелец цирка схватил Поддубного за руку, у него в голове не укладывалось, что такой силач может стать вялым, как тряпка.

Иван медленно опустился на кровать, та жалобно заскрипела под его могучим телом.

– Не понимаю, чего ей не хватало? Я же все для нее делал. На руках носил… – произнес он и закрыл лицо руками.

Итальянец, как все южане, был темпераментным и потому не сразу смог остановиться, он добил Поддубного окончательно.

– А вы ее ангелом считали? Я же вас по-хорошему предупреждал. Не вы один у нее были. Через ее постель половина труппы прошла. Она же налево и направо это самое делала, прямо как швейная машинка «Зингер».

Поддубный отнял ладони от лица, поднял голову. Итальянец

отшатнулся. Таким он Ивана никогда прежде не видел. Глаза смотрели, словно через синьора Трущи видели что-то свое, непостижимое другим. Щеки сделались белыми, будто их натерли мелом, как у цирковых паяцев перед выходом на манеж. Силач, не проронив ни слова, вытащил из кармана синюю бархатную коробочку. Блеснуло золотом женское обручальное кольцо. Иван взял его в пальцы и без видимых усилий согнул, скатал в шарик, после чего бросил в открытое окно. Изувеченное кольцо дзинькнуло о камни мостовой.

– Кольцо-то при чем? – изумился синьор Трущи.

Поддубный, словно его не видел, поднялся и, как лунатик, двинулся к выходу.

– Эй, Иван Максимович, – крикнул испуганный итальянец. – Вы только вешаться не вздумайте! Вы мне еще нужны. Ну, черт с ней, с этой взбалмошной бабой! Люди, сюда! Держите его, чтобы чего с собой не сотворил!

Поддубный шел по коридору, ничего не видя перед собой. Его кто-то хотел остановить, вис у него на руках. Но силач просто стряхивал с себя цирковых артистов, желавших ему помочь, как стряхивают надоедливых насекомых. Он зашел в свой номер и запер за собой дверь. Синьор Трущи тут же прижал к ней ухо. По ту сторону царила тишина.

– Он с ума сошел, – произнес итальянец на вопросительные взгляды своих артистов. – Ей-богу, сошел. Сейчас повесится.

Синьор Трущи думал недолго. Можно было, конечно же, выбить дверь. Но справиться с Поддубным никому бы не удалось. Циркачи жались к стенам и переглядывались.

– Лестницу надо, – наконец догадался один из них.

Побежали к цирку, принесли оттуда деревянную раздвижную лестницу. Загремела цепь, поползла вверх секция. Конец лестницы уперся в подоконник второго этажа. Синьор Трущи сам взобрался по ней, заглянул в окно. Поддубный сидел на кровати и тупо, невидящими глазами смотрел перед собой.

– Иван Максимович, голубчик, – владелец цирка постучал в стекло костяшками пальцев. – Я хотел бы напомнить, что у вас сегодня вечером выступление.

Иван лишь немного скосил глаза. Он находился сейчас в таком состоянии, что его абсолютно не удивил вид синьора Трущи, почему-то воспарившего над землей и заглядывающего ему в окно. Скорее всего Поддубный вообще не узнавал импресарио.

– Иван Максимович! Вы только глупостей не делайте. Договорились?

Синьор Трущи пытался разглядеть хотя бы тень понимания

на лице Поддубного. Наконец ему показалось, что тот согласно кивнул.

– Хорошо, хорошо. Я ухожу, – пообещал он. – Жду вас на манеже.

Итальянец спустился на землю, покачал головой.

– Ну, как он там? – спросил дрессировщик.

Синьор Труцци приложил палец ко лбу и покрутил им, намекая, что у борца не все в порядке с мозгами.

– Вы время от времени поднимайтесь по лестнице, присматривайте за ним, – распорядился синьор Труцци. – А я пойду за доктором.

Встревоженные циркачи по очереди залезали на лестницу. Когда через час появился владелец цирка в сопровождении медика, ничего утешительного сообщить они им не смогли.

– Сидит. Смотрит в одну точку. Ему все равно, говоришь ему что-нибудь или нет, – доложил дрессировщик.

– Надо его осмотреть, – сказал итальянец.

– Вы предлагаете мне, старому человеку, залезть по лестнице? – с иронией поинтересовался доктор. – И ставить диагноз, глядя через окно?

– Зачем же? Мы найдем ключ или вызовем слесаря. Войдете через дверь. Мне он очень нужен к вечеру. Ведь все билеты на представление раскуплены.

Услугами слесаря воспользоваться не пришлось. Отыскался запасной ключ. Доктор, как и обещал ему синьор Труцци, вошел в номер через дверь. Иван никак не отреагировал на его появление, даже головы не повернул.

– Здравствуйте, – поздоровался медик и поставил кожаный саквояж на тумбочку. – Ну-ка посмотрим, что с вами, любезный.

Циркачи толпились в двери, заглядывали в комнату. Врач сделал знак, чтобы остался лишь один синьор Труцци. Медик поводил рукой перед глазами Поддубного, тот даже не моргнул. Эскулап достал стетоскоп, послушал сердце, чему Иван не противился, затем с часами в руках мерил пульс, заглядывал пациенту в глаза.

– Что с ним? – не выдержал и задал вопрос синьор Труцци.

– Здоров, как бык, – поставил диагноз медик. – А все, что с ним происходит, сосредоточенно здесь и здесь, – он поочередно приложил ладонь к голове и сердцу. – Тут медицина бессильна.

– Но должны же быть какие-то порошки, микстуры, – не унимался итальянец. – Может, ему дать нашатыря понюхать. У него сегодня выступление! Билеты уже проданы!

– Нашатырь не советую. Он несколько неадекватен, сами видите. За последствия ручаться не могу. А насчет порошков и

микстур могу сказать одно. Ничего не поможет. Если бы он буянил, то я бы бром прописал. Но он же спокоен, просто в себя ушел с головой. Мы вроде бы трое в этой комнате, но на самом деле нас двое, его здесь нет с нами. Будем надеяться на лучшее.

– Вы уж подежурьте тут, я хорошо заплачу, – попросил синьор Труцци.

Время близилось к вечеру. Иван продолжал сидеть, погруженный в себя. Изредка он менял позу и тут же вновь застывал.

Зрители подтягивались к цирку. С афиш на них смотрели нарисованные Иван Поддубный и эквилибристка Эмилия. Публика явно соскучилась по выступлениям своего любимца. Биндюжники, осевшие в буфете, дружно убеждали заезжего коммерсанта, что делать ставки нужно только на Ивана Максимовича, не прогадаешь.

Снаружи все выглядело, как обычно. Колыхались разноцветные флажки, ярко горела иллюминация. А вот внутри цирка нарастала нервозность. Синьор Труцци сидел у себя в кабинете и, натянув нарукавники, пересчитывал сегодняшнюю выручку. С деньгами он обходился так же ловко, как фокусник с колодой карт. Ассигнации складывал ровными стопками, монеты составлял столбиками по десять кругляшей в каждой. Касса не могла не радовать – полный аншлаг. Но это было единственное утешение. Вошел коверный, уже одетый для выхода на манеж.

– Как он там? – синьор Труцци даже не посчитал нужным уточнить, кого имеет в виду, все и так понимали, о ком идет речь.

– Все так же. Никого не узнает. В одну точку смотрит. Правда, один раз сходил воды попить.

– Еду ему приносили?

– Приносили, не притрагивается.

– Вот же черт!

– Что делать будем, синьор Труцци? – поинтересовался коверный. – Публики полный зал, ждут.

– Начинай представление. Может, еще оклемается.

– Как скажете.

Обычно цирковые слухи быстро просачиваются в город. Но на этот раз случилось по-иному. Никто из цирковых не стал распускать сплетни. Об исчезновении Эмилии и о Поддубном, впавшем в полный ступор, никто за стенами цирка пока не знал.

Коверный объявил начало представления. Зрителей по очереди радовали паяцы, дрессированные животные, факир, гимнасты и жонглеры. Антракт прошел, как обычно. Когда же к концу второго отделения коверный объявил, что Эмилия не сможет сегодня выступить, по залу прошел недовольный гул, но

не больше.

Синьор Трущи до последнего не терял надежды. Он даже сбегал в гостиницу, показал безучастному Поддубному подписанный им контракт и заявил, что вызовет полицию, которая силой доставит Ивана на манеж. Конечно же, это был блеф, просто владелец цирка хотел достучаться до сознания Поддубного. Но и это не подействовало. Иван как сидел, так и остался сидеть, ничего не отвечая на нелепые угрозы. Пришлось смириться.

Публика в зале уже волновалась. Все ждали выхода борцов, а они задерживались. Наконец оркестр заиграл марш, один за одним на ковер выходили борцы. Появился и запыхавшийся коверный, зычно представлял их.

– А Поддубный где?! – крикнул кто-то из зала.

– Поддубного давай!

– Без него не интересно!

Коверный затравленно осмотрелся, а затем объявил:

– Уважаемая публика! К сожалению, Иван Поддубный сегодня выступить не сможет. Он серьезно заболел. Но другие атлеты…

Докончить ему не дали.

– Обман!

– Почему раньше не объявили?!

– Я на Поддубного пришел. Специально из Евпатории приехал!

Зал зашелся в свисте. Что-либо объяснять уже было бесполезно. Люди поднимались.

– Возвращай деньги за билеты!

– Правильно!

Народ тут же стал перетекать на улицу и выстраиваться в очередь перед кассой. Кассир еле успел захлопнуть окошко и убежать через черный ход. Однако чувствовалось, что настрой у части зрителей решительный. Чего доброго, могут и кассу разнести. Синьор Трущи, сидя в своем кабинете, смотрел на то, как медленно закипает кофейник на спиртовке. Уже посчитанные деньги были перевязаны в пачки аптекарскими резинками, монеты разложены в холщовые мешочки. С улицы доносился гул возмущенной толпы. Кассир вопросительно смотрел на владельца заведения, руки его подрагивали. Итальянец настолько задумался, что пропустил момент – закипевший кофе вырвался из-под крышки и залил огонь.

– Вот же черт! – синьор Трущи с тоской в глазах посмотрел на ассигнации. – А ты им скажи, что деньги уже в банк увезли. Пусть приходят завтра, – обратился он к кассиру. – Завтра же не все смогут прийти, кое-кто поостынет. Все меньше возвращать

придется.

– Вы, синьор Труцци, сами пойдите и скажите им такое. Сам я боюсь, могут и на части порвать. Лучше деньги вернуть прямо сейчас.

– Мы же дали полноценное представление, – пытался найти себе оправдание итальянец.

– Но Поддубный и Эмилия были заявлены в афише, – напомнил кассир.

– И это верно. Закон будет на их стороне.

Со стороны улицы донесся звон разбитого стекла и негодующие крики. Заливисто раскатилась трель полицейского свистка. Щека у синьора Труцци нервно дернулась:

– Придется возвращать. Вот же чертова баба дел натворила.

В результате касса уменьшилась более чем вдвое. Некоторые из зрителей, которых борьба атлетов интересовала в последнюю очередь, тоже посчитали, что для них не будет лишним обменять использованные билеты на звонкую монету.

Синьор Труцци подсчитал убытки, вздохнул, закрыл сейф. Завтра с самого утра следовало еще заказать и отпечатать наклейки для афиш, извещавшие об отмене выступлений Поддубного и Эмилии. А это еще траты.

– Вот только бы публику сохранить до того времени, как он придет в себя. Только придет ли? Любовь, она до сумасшествия довести может.

Еще три дня Поддубный не узнавал знакомых, отказывался от еды, лишь изредка пил воду. Его глаза оставались затуманенными и как бы обращенными внутрь. Синьор Труцци уже отчаялся вернуть его к нормальной жизни и даже стал искать ему замену среди борцов из других цирков. Не помогали обещания увеличить гонорары, взывания к совести и обязанностям, вытекающим из контракта. Наконец итальянец махнул на Ивана рукой.

– Пусть делает что хочет. Я больше сил на него тратить не стану!

И вот, на четвертый день, когда уже прошло первое отделение представления, за кулисами появился Поддубный. Он не отвечал на вопросы других артистов, ничего не обещал. Просто переоделся в трико и стал заниматься с гирями.

– Тише, не вспугните его, – приказал синьор Труцци, когда ему доложили о произошедших изменениях.

Владелец прокрался и выглянул во двор цирка. Иван занимался сосредоточенно и даже, казалось, яростно, будто бы гири были живыми, и он с ними боролся. Подходить к Ивану итальянец опасался, боялся вновь увидеть пустые глаза, из которых улетучилась выжженная обманной любовью душа.

К выходу атлетов Поддубный явился сам. Взял и стал вместе с другими перед занавесом. Коверный вопросительно глянул на владельца цирка.

– Объявляй его первым… – шепотом посоветовал синьор Труцци.

И вновь под куполом цирка прозвучала фамилия Поддубного. Публика буквально взорвалась. Иван выступил не хуже обычного. Из-за занавеса за ним с улыбкой наблюдал синьор Труцци.

– Я же говорил, что все с ним будет хорошо, – шептал он себе под нос.

После выступления Поддубный выходил на поклоны, вел себя как обычно, но, оказавшись за манежем, вновь стал замкнутым. Он лишь поздоровался с владельцем цирка и пошел дальше. Синьор Труцци не стал его догонять, благодарить за выход или, наоборот, укорять за пропущенные выступления. Назавтра все места в цирке были, как и прежде, раскуплены, касса полна.

Однако через пару месяцев настало время поговорить. Синьор Труцци сам пришел к Ивану в номер. На его губах играла несколько льстивая улыбка.

– Доброго вечера вам, Иван Максимович, – начал он.

– И вам. Проходите, садитесь, – Поддубный взглядом указал на стул.

– Я очень доволен нашим сотрудничеством, – продолжил итальянец. – Срок вашего прежнего контракта истекает на следующей неделе. И я готов его продолжить.

На лице Поддубного не отразилось особой радости, а потому владелец цирка тут же добавил:

– Ваши гонорары, естественно, сильно возрастут. Сколько бы вы хотели за выступление? Называйте сумму, не стесняйтесь.

Иван поднялся, отошел к окну, говорил, не глядя на синьора Труцци.

– Дело не в деньгах. Я не буду у вас больше работать. Этот контракт с вами последний.

– Как это, не в деньгах дело? – изумился импресарио. – Может, я вас чем-то обидел?

– И обид у меня на вас нет, – пожал плечами Поддубный. – Не могу я здесь оставаться. Дураком себя полным чувствую.

– Это из-за Эмилии? – догадался итальянец.

Иван не ответил прямо.

– Не обижайтесь, синьор Труцци. Но решение мое твердое. Я ухожу.

– Надеюсь, не биндюжником в порт.

– В Киев подамся. Мне Дуров писал, чтобы приезжал. Меня там ждут.

– Могли бы и раньше сказать, – совсем расстроился синьор Труцци, прикидывая в уме, какие потери понесет его цирк. – Мы же не совсем чужие люди. Хотя я вас понимаю. Севастополь – это уже не ваш масштаб. Только давайте договоримся. Я хочу сделать для вас шикарное прощальное выступление. Чтобы о нем во всем городе говорили.

– Лишнее, – махнул рукой Поддубный.

– Для вас, возможно, и лишнее, но не для меня, – напомнил атлету итальянец.

Прощальное выступление Поддубного прошло с размахом. Публика долго не отпускала его с манежа. Были и букеты цветов, которыми просто завалили Ивана. На глаза у него наворачивались слезы. Он любил здешнюю публику, ощущал, что и она любит его. Но в Севастополе слишком многое напоминало ему об Эмилии и о ее коварной измене.

Синьор Труцци даже начало представления перенес так, чтобы люди прямо из цирка могли провести Поддубного на пароход. Иван Максимович стоял на палубе и махал рукой, а на берегу собралась большая толпа. На несколько секунд хриплый гудок заглушил крики, и пароход отошел от стенки.

– До свидания! – крикнул Поддубный, прощаясь еще с одной страницей своего прошлого.

Глава 9

Усы, папаха, бурка и кинжал. Что делать борцу на трапеции под куполом цирка? Порхающий ангел. Этот мужчина будет моим мужем! «Звонок», который не все услышали. Смертельный номер и его последствия. Телеграмма из Петербурга.

В Киев Иван приехал из Одессы уже поездом. На вокзале его встречал один Анатолий Дуров. Этот город Поддубному еще предстояло завоевать, покорить своим мастерством здешнюю публику. Носильщики бегали по перрону, стремясь заполучить самых состоятельных пассажиров.

– Барин, позвольте багаж донести, – приостановился возле обнимавшихся Поддубного и Дурова один из них.

Иван хотел отказаться, но Анатолий остановил его.

– Позволим, позволим.

Иван поднялся в вагон вместе с носильщиком. Последний уставился на двухпудовые гири, уже жалея, что остановил свой выбор на этом пассажире.

– Ты чемодан бери и саквояж, а это я сам понесу, – Иван подхватил гири и направился к выходу.

Люди провожали Поддубного веселыми взглядами, когда он шел со своим «багажом» к стоянке извозчиков.

– Мы сразу к Артему Александровичу поедем на квартиру, – предупредил Дуров. – Так он просил.

– Неудобно как-то сразу с дороги к самому Никитину.

– Это ему решать, что удобно, а что неудобно, – улыбнулся Анатолий. – На то он и Никитин. Нас с тобой ждут.

Фамилия братьев Никитиных была на слуху не только в Киеве, но и во всей Российской империи. Они создали настоящую цирковую империю. Трое братьев: старший Дмитрий Александрович, средний Артем Александрович и младший Петр Александрович – знали о цирковом искусстве не понаслышке. Их отец Александр Никитин, будучи крепостным крестьянином, в 1850 году получил от помещика вольную и стал шарманщиком. Сыновья повсюду сопровождали его, как говорилось в те годы, «газировали» с отцом. А потому к началу их собственных выступлений в цирке у каждого из братьев уже сложилось собственное артистическое амплуа. Дмитрий был атлетом и солировал на балалайке, Артем был жонглером и одновременно выступал как клоун в маске Иванушки-дурачка, Петр – антиподистом, шпагоглотателем, гимнастом на трапеции. Все заработанное они вкладывали в собственное дело, понимая, что в России нет цирка в классическом понимании, а есть только

балаган. Владельцы цирковых трупп и заведений, а были они в основном иностранцами, по большому счету, стремились лишь урвать прибыль, не вкладывались в строительство зданий, подготовку артистов. Делали так, поскольку потом – в старости – планировали вернуться в родные края. Никитины же сами были из России и никуда уезжать не собирались.

До них цирковые здания представляли собой простой шатер, сколоченный из самых дешевых необрезных досок, так называемой «лапши», которые оббивали фанерой от чайных ящиков, а покрывали в лучшем случае парусиной или же старой мешковиной. Манежа в прямом смысле не существовало, имелась примитивная сцена. Освещали ее «лампами-молниями», они же служили и для обогрева, на них же артисты готовили себе еду.

Именно братья Никитины, развернувшись, организовали в России настоящий цирк по западному образцу, даже в чем-то превзойдя его. К 1900 году, когда Поддубный приехал в Киев, они уже являлись владельцами каменных и деревянных цирковых зданий в самых крупных городах Российской империи: Москве, Иванове, Киеве, Астрахани, Баку, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Тифлисе, Одессе, Минске, Орле, в других городах. Они лично набирали труппы, при их цирках существовали школы по подготовке артистов. Конечно же, делали они это не только из-за любви к искусству. Деловая жилка была у них еще та. Но эти люди думали на перспективу, не жили одним днем. Благодаря цирковым школам они могли выбирать себе самых одаренных молодых людей. Киевским цирком, являясь его директором, руководил Артем Никитин. Вот к такому легендарному человеку и ехал на встречу Поддубный. Следовало произвести на него впечатление, от этого зависело будущее Ивана Максимовича.

Но оказалось, что Артем Александрович уже отлично знает обо всех успехах атлета из севастопольской труппы синьора Труцци. Никитин встретил Дурова с Поддубным в гостиной, где прислуга уже начинала сервировать стол, познакомил со своей женой.

– Юлия Михайловна, – представил он супругу и тут же перешел к делу. – Пока накрывают стол, прошу пройти в мой кабинет, Иван Максимович. Или же, если вы сильно устали с дороги, то можем перенести разговор на завтра?

– Лучше сегодня, – ответил Дуров. – В поезде не от чего уставать. Едешь и спи себе. Жаль, что тесно, с гирями не позанимаешься.

Дуров еле заметно приободрил друга, подмигнул, мол, все будет хорошо. Весь кабинет Никитина был увешан цирковыми афишами, на стенах не оставалось свободного места. На столе

высились стопки деловых бумаг. Чувствовалось, что кабинет нужен Никитину не для престижа – представительности, а именно для напряженной работы.

– Присаживайтесь, – предложил Артем Александрович.

Поддубный осторожно опустился в резное кресло.

– Не бойтесь, не развалится, – усмехнулся директор киевского цирка. – Ко мне всякие посетители приходят, мебель надежная. Любого вашего брата-атлета выдержит. На заказ делал. Итак, приступим.

– У меня рекомендательное письмо к вам от синьора Трущи, – поспешил Иван и вынул из кармана пиджака конверт.

– Я очень уважаю мнение этого синьора и с удовольствием почитаю письмо в другое время. Но у меня уже есть сложившееся мнение о вас.

– Но вы же, Артем Александрович, ни разу не были на моих выступлениях, – заметил Иван.

– Мне и не нужно было этого делать, – Никитин поискал взглядом, вытащил из стопки папку с завязками, на которой было выведено каллиграфическим почерком «Иван Поддубный. Атлет. Севастополь».

Артем Александрович раскрыл ее. Внутри Поддубный увидел газетные вырезки, некоторых статей он и сам в глаза не видел.

– Удивлены? – почти по-приятельски усмехнулся Никитин. – Я давно слежу за вами, и не за вами одним, – он указал взглядом на другие папки. – Естественно, не сам. Для этого есть специально обученные люди, которые просматривают всю российскую и частично европейскую прессу, делают, сортируют вырезки. Я только читаю. Вот здесь, – он похлопал ладонью по папке, – история всех ваших побед и поражений.

– Поражений не было, – вставил Иван.

– На ковре не было, – загадочно уточнил Никитин. – Именно поэтому я остановил свой выбор на вас. Я готов подписать с вами контракт. Мне известно, сколько платил вам синьор Трущи, и могу сказать, что условия были просто кабальными. Борец вашего класса должен получать куда больше. Также мне известно, сколько синьор Трущи вам обещал, чтобы вы остались в Севастополе. И, учитывая, что вы отказались, готов вам предложить…

Никитин говорил быстро, то ли просто ценил свое время, то ли стремился напором взять Поддубного, как тот сам делал во время схваток. Ивану казалось, что в его жизни нет ничего тайного для Никитина.

– Я согласен, – произнес он.

– Контракт подпишете завтра в конторе, – пообещал Артем

Александрович. – Плюс жилье за счет цирка. Многое в своей карьере вы делали правильно, но главное-то упустили.

– Вы о чем? – напрягся Поддубный.

– Вы в первую очередь борец и только во вторую – артист.

– А как же иначе?

– Должно быть наоборот.

Поддубному не понравился разговор, он уже имел подобный с синьором Трущи, а потому сразу же заявил:

– Никаких договорных схваток не будет. Только честная борьба. Это мой принцип. И попрошу это указать отдельным пунктом в моем контракте.

– Укажем, укажем. Но я не это имел в виду, – примирительно произнес Никитин. – Артист – прежде всего узнаваемый образ. Зритель должен лишь мельком бросить взгляд на афишу и тут же узнать вас. Вы должны быть узнаваемым с первого взгляда, уникальным.

– Меня в Севастополи узнавали на улицах, – возразил Поддубный.

– Даже ваш силуэт должен стать узнаваемым. А посмотрите сюда, – Никитин стал выкладывать вырезки из газет. – Вы выглядите, как и сотни других борцов, в вас нет изюминки. Нет образа.

– Что же делать?

– Создать его, чем мы сейчас с вами и займемся. Я уже сделал наброски. Для начала вам следует отрастить усы. Вот такие. Ведь вы потомственный казак. А какой же казак без усов, – Никитин карандашом пририсовал на небольшой афише с изображением Поддубного лихо закрученные усы. Нравится?

– Я никогда не носил усов, – засомневался Иван, он смотрел на подновленный портрет и не узнавал себя.

– Отрастите и привыкнете, – поспешил успокоить его Никитин. – Именно такие, как я вам нарисовал. В чем вы выходите на ковер?

– В трико, как и положено.

– В трико вы боретесь и выступаете, а перед этим что на вас надето?

– Как и у всех, халат.

– К черту халат. Теперь вы станете выходить в бурке с галунами, а на поясе у вас будет висеть кинжал. Мой художник уже сделал эскиз, – с этими словами Никитин развернул скрученный в трубку лист бумаги.

На нем был изображен Иван в образе казака, с лихо подкрученными усами, в бурке с кинжалом и в папахе.

– Согласитесь, так будет лучше. Вас уже ни с кем не

спутаешь.

Поддубному было сложно что-либо возразить. Никитин был прав.

– Попытаюсь измениться.

– Даю вам две недели на то, чтобы отрастить подобающие усы. Бурку с кинжалом найти – не проблема, а потом я устрою вам встречу с газетчиками. О вас напишут, и только потом выйдете на манеж. Успех гарантирую. Я умею зажигать звезды, – пообещал Никитин. – Предупреждаю, у нас много гастролей, постоянные поездки по большим городам. Скучать вам не придется. А теперь попрошу к столу.

За едой немного поговорили о делах, о предстоящих выступлениях, но затем беседа перешла в другое русло. Жена Никитина, Юлия Михайловна, поинтересовалась, откуда родом Поддубный. И он принялся рассказывать о своей Красеновке. Немолодая умная женщина слушала внимательно, улыбалась.

– … я чувствую, вы очень любите родные места, – сказала она.

– Я туда обязательно вернусь жить, – произнес Иван.

Он сразу же ощутил доверие к этой женщине, она умела не только говорить, но и обладала более ценным даром – умела слушать и понимать собеседника.

На прощание она поинтересовалась, кто любимый писатель Ивана. Тот, к своему стыду, вынужден был признаться, что почти не читает книжек, только специальную литературу по атлетизму.

– Помилуйте, но это не правильно. Вы просто не пробовали читать хорошие книжки.

В этих словах не прозвучало превосходства образованного человека над самоучкой, в них не было ничего обидного.

– Погодите, я сейчас принесу, – Юлия Михайловна ненадолго вернулась в комнату и принесла оттуда томик Гоголя. – Вот, почитайте. Николай Васильевич из ваших мест. Вам должно понравиться. Начните с «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Наша библиотека всегда к вашим услугам.

Юлия Михайловна угадала с книжкой. Поддубный прочитал ее залпом, благо у него были две свободные недели на отращивание усов, и не стоило беспокоиться о том, что завтра придется рано вставать. Жена Никитина вскоре стала кем-то вроде духовного наставника Ивана. Она умела очень просто растолковать ему мудреные вещи, вовремя подсовывала книжки, которые ложились ему на душу. Поддубный теперь с удовольствием слушал, как она музицирует. Артем Никитин был рад такому неожиданному сближению, ведь умный артист – лучше, чем просто талантливый.

Идея изменить облик Поддубного удалась на славу. Накануне первого выступления в киевском цирке – Никитин, как и обещал, устроил Ивану Максимовичу встречу с газетчиками. Конечно же, за будущие статьи платил директор цирка. Большинство вопросов были предварительно согласованы, Ивану дали примерные тексты ответов. Но в ходе общения Поддубный разговорился, стал импровизировать. Это было примерно то же, что выйти на манеж. Общая канва выступления ясна, но всегда найдется место и неожиданному повороту.

– Иван Максимович, – поинтересовался один из газетчиков. – Это правда, что нет человека сильнее вас?

– Есть, – ответил Иван, не задумываясь.

– Кто же?

– Мой отец.

– И вас никто никогда не смог уложить на лопатки?

– Сколько раз укладывали, – рассмеялся Иван. – Бабы сильнее меня. Ничего не могу с ними поделать.

Эта шутка потом была напечатана во всех газетах, и к выходу Поддубного на киевский манеж уже создала ему славу ловеласа, что было очень кстати. Женщины любят ходить в цирк, приводят туда мужей и детей.

Первое выступление Поддубного стало триумфальным, о нем вновь написали в газетах. Теперь уже Никитину не пришлось платить, газетчики сами готовы были заплатить за то, чтобы встретиться с Иваном и взять у него интервью.

Жизнь втягивалась в новую колею. К доброму другу Дурову добавился еще один – дрессировщик Турнер, работавший со львами. Был он полной противоположностью Поддубному – выпивоха, гуляка, картежник, но очень добрый, остроумный и отчаянный человек. Супруга дрессировщика все время пыталась пресечь пагубные привычки мужа. Особенно пьянство. Случалось, и била его, когда тот возвращался поздно и навеселе, а сам он не мог на нее поднять руку. Спасаясь от разъяренной жены, Турнер нередко прибегал в цирк, где залезал в клетку к своему любимцу – льву по кличке Цезарь. Оттуда он показывал ей фиги, кричал: «Накося-выкуси, тут ты меня не достанешь!» – а потом укладывался спать рядом со львом. При всем при этом Турнер оставался очень милым человеком. Льва своего он безумно любил, и тот отвечал ему взаимностью.

Однажды, когда загноилась пораненная во время выступления лапа, Цезарь никого в себе не подпускал. Ветеринар же сказал, что необходимо удалить гноящийся коготь, иначе животное может погибнуть от заражения крови. Турнер рискнул, он сам ножничками, без заморозки, вырезал поврежденный коготь

с куском мяса и прижег рану йодоформом. Лев даже не вздрогнул, хотя до этого готов был растерзать любого, кто рисковал прикоснуться к его лапе.

Каждое свое выступление Турнер заканчивал коронным номером, клал в раскрытую пасть Цезаря голову. Когда его спрашивали, не страшно ли ему это делать, он неизменно отвечал, что, если потребуется, он может и заснуть в таком положении.

Поддубный пообещал себе, что больше никогда не будет влюбляться. Это не значило, что он стал вообще избегать отношений с женщинами. Скорее наоборот. У него появились любовницы, но он относился к ним неглубоко, легко сходился, легко расставался, ни одной из них он не сказал заветное: «Я люблю тебя». А посматривали на него многие, находились даже знатные дамы, стремившиеся вступить с ним в связь. Ивану казалось, что он навсегда избавился от влияния женских чар, стал смотреть на прекрасную половину человечества трезвым взглядом. Но вот однажды… а любовь случается именно «однажды», когда ее совсем не ждешь, произошло это чудо.

Поддубный и раньше видел невысокую, миловидную девушку – гимнастку Машу Дозмарову, выступавшую под куполом цирка на трапеции, но не обращал на нее внимания. Есть на Земле такая, ну и пусть себе. Он даже не смотрел на ее выступления. А тут случилось так, что из-за болезни одного из жонглеров пришлось поменять очередность номеров. Маша выступала перед самым выходом Ивана, и ему поневоле пришлось следить за ней из прохода.

Дозмарова потрясла его. Она порхала под куполом цирка, словно была невесомой, будто была не девушкой, а ангелом с крыльями, с которым ничего плохого случиться не может, она ничуть не боялась высоты. Публика, затаив дыхание, следила за ее полетами. В финале коверный объявил «смертельный номер» – прыжок из-под самого купола цирка.

Маша встала на трапецию, которая стремительно вознесла ее в высоту. С земли она казалась совсем крошечной. Блестки платья сверкали и переливались в свете прожекторов, будто рождественские снежинки. Дозмарова подняла руки над головой, некоторое время балансируя на трапеции, а потом стала клониться вперед. Девушка нырнула, как ныряют в воду. Летела вниз, сверкающая, неземная. У Поддубного перехватило дыхание, этот полет казался ему бесконечным. Он-то, проработавший в цирке не один год, прекрасно знал, чем иногда кончаются такие полеты, знал, что словосочетание «смертельный номер» – не просто красивые слова.

Маша упала на еле заметную из зала страховочную сеть, тут же пружинисто поднялась и с сияющей улыбкой поклонилась публике. Поддубный уже не слышал аплодисментов, он все свое внимание отдал этому порхающему существу. Он за секунды по уши влюбился в Дозмарову. С замирание сердца ловил на себе легкий ветерок, когда гимнастка пробегала около него, чтобы выйти на очередной поклон.

Для того чтобы влюбиться, много не надо. Для Ивана было достаточно однажды испугаться за жизнь Маши, пережить с ней в мыслях этот безумный, отчаянный полет из-под купола.

Уже после выступления, поздно вечером, Иван вернулся в цирк. Раньше ему и в голову не могло бы прийти забраться на конструкции для летающих гимнастов. Просто у каждого артиста имелось свое место, к которому он был «приписан». Ивану принадлежал борцовский ковер, гимнастам – цирковое «небо» – купол. А теперь он стоял в темном пустом зале и смотрел вверх на поднятую трапецию и небольшой мостик рядом с ней. Ему хотелось понять гимнастку, глянуть на зал ее глазами, в конце концов, проверить себя. Он не собирался прыгать, лишь хотел подняться на головокружительную высоту. Веревочная лестница призывно раскачивалась рядом.

Поддубный поплевал на ладони и полез по ней. Сперва было неудобно, лестница ужасно раскачивалась, выворачивалась из-под ног. Но Иван тут же вспомнил, как ловко взбираются по ней гимнасты, вспомнил, в чем секрет. Они поднимаются, держа перекладины перпендикулярно туловищу. Дело пошло быстрей. Поддубный не смотрел вниз. Его манили перекладина и мостик под самым куполом.

Насчет того что гимнастическое снаряжение может не выдержать его веса, Иван не беспокоился. Безопасности в цирке братьев Никитиных уделялось должное внимание. Поддубный сам видел, как раз в месяц испытывались лестницы и трапеции. К ним подвешивали груз, вдесятеро превышающий вес человеческого тела. Ну а сам Иван весил не больше, чем два среднестатистических гимнаста.

Наконец он добрался до заветной трапеции, коснулся ее рукой и почему-то тут же подумал, что именно тут стояла Маша, касалась ее своим телом. Прежде чем перебраться на мостик, Иван глянул вниз, даже дыхание перехватило. Огромная высота. Сверху страховочная сетка казалась малюсенькой, словно почтовая открытка. Было непонятно, как можно надеяться попасть в случае падения именно на нее. Поддубный ощутил, как мгновенно вспотели от волнения ладони.

– Она может, смогу и я, – пообещал себе Иван.

Колени подрагивали, когда он перебирался на мостик. Дощатый настил тревожно поскрипывал. Иван выпрямился, его голова почти касалась перекрытия купола. Зал казался сверху незнакомым, никогда прежде Поддубный не смотрел на него под таким ракурсом. Иван представил себе, как выглядит амфитеатр в свете софитов, прожекторов, как несется, сходится к одной точке гул зрительских голосов. Иван отпустил руки, поднял их над головой, закрыл глаза.

Снизу донесся шорох шагов. Иван открыл глаза и увидел на манеже фигурку Маши. Дозмарова стояла, запрокинув голову, и удивленно смотрела на забравшегося под самый купол Ивана.

– Что вы там делаете? – спросила она. Звонкий, как хрустальный колокольчик, голос, казалось, звучал совсем рядом. – Туда без подготовки, без страховки нельзя. Вы с ума сошли. Спускайтесь немедленно.

Поддубный чувствовал себя полным идиотом.

– Я сейчас, не волнуйтесь… – проговорил он, перебираясь на веревочную лестницу.

Наконец тяжело дышавший Иван ступил на опилки манежа. Виновато взглянул на Машу.

– Хорошо, что вас никто другой не застал за этим занятием, – уже слегка улыбаясь, произнесла гимнастка. – Артем Александрович устроил бы вам за такие дела взбучку.

– Но вы же ему не скажете?

– Не скажу. Зачем вам это понадобилось?

– Просто захотелось. Видел ваше сегодняшнее выступление и подумал себя испытать.

– Вы и прыгнуть хотели? Страховочная сеть не выдержала бы.

– Я бы и так спустился по лестнице, но тут вы вошли. Извините, если напугал. Больше не буду.

– Я за вас испугалась. Подумала, решили счеты с жизнью свести.

– С какой стати мне сводить счеты с жизнью? – напряженно улыбнулся Иван, он волновался, стоя так близко к Маше.

– Мало ли чего? Бывает и такое, из-за неразделенной любви например. Хотя это не про вас. Некоторые женщины ваши портреты из журналов вырезают и на стенку вешают. Сама видела. Женщины вас любят.

И тут Поддубный понял, что если не скажет этого сейчас, то, возможно, не скажет уже никогда.

– А я люблю вас, – произнес он.

– Что вы такое говорите? – покраснела Маша.

– Я вас люблю, – повторил Иван.

– И что я должна с этим делать? – прошептала Дозмарова.

– Сказать, любите ли вы меня. Могу ли я на это хотя бы надеяться?

– Так сразу? Прямо сейчас?

– Значит, не любите? И не полюбите? – Иван прикусил губу, а не дождавшись ответа, поставил ногу на веревочную лестницу. – Ну, тогда я полез под купол. Сами же говорили, что из-за неразделенной любви…

Не успел он взобраться и на высоту собственного роста, как Маша крикнула ему:

– Слезайте, я вам кое-что должна сказать.

Иван вновь стоял рядом с Дозмаровой, выжидающе смотрел на нее.

– Это очень странная история, – сказала девушка шепотом. – Когда вы впервые появились в цирке… Тогда у вас еще усов не было, но они вам очень к лицу… – торопливо добавила она. – Мы с подругой вас обсуждать начали, ну, как это обычно у женщин бывает. Говорили-говорили, а потом я ей почему-то сказала: «Вот увидишь, этот мужчина будет моим мужем». Только вы об этом никому не рассказывайте.

Признание ошеломило Ивана, оно показалось ему знаком судьбы. Он взял Машу за руки.

– Так любите или нет?

– Я должна подумать.

Уже на следующий день Иван с Машей вместе гуляли по Киеву. Дозмарова казалась Поддубному такой миниатюрной, как будто ее можно поставить на ладонь или носить в кармане. Маша рассказывала ему историю Киева, показывала древние церкви. Они вместе катались на лодке по Днепру. Иван сидел на веслах, течение ему было нипочем. Маша смотрела на него восхищенным взглядом.

Вскоре их постоянно видели вместе. Иван уже называл Дозмарову не иначе как своей невестой, души в ней не чаял. Они старались вместе отправляться на гастроли. При этом у них так и не было настоящей плотской близости, лишь поцелуи, объятия. Иван берег ее, боялся к ней прикоснуться, следуя старомодному сельскому принципу «только после свадьбы».

На Рождество он даже рискнул свозить ее на родину, в Красеновку, чтобы познакомить с родней. Отец сразу же воспринял Дозмарову настороженно, все еще помнил об Эмилии. А ведь и та и другая были циркачками. Но Маша с достоинством исполнила отведенную для нее роль. Оделась скромно. Вместе с семьей Поддубных сходила на богослужение в церковь. А потом и вовсе растрогала родителей, когда попросила постелить им с Иваном в разных комнатах, поскольку они «еще не венчаны».

Максим Иванович просветлел лицом и перед самым отъездом стал называть Машу «донечкой».

Все шло к свадьбе, возможно, ее бы и сыграли, если бы не напряженный график гастролей. Сменялись города. И вот в Тифлисе, куда приехала киевская труппа, прозвенел, как принято говорить, «первый звонок». Нет, Маша Дозмарова по-прежнему оставалась любимой и любила сама. Случилось то, что, к сожалению, иногда случается в жизни цирковых артистов.

В Тифлисе очень любили цирк. На представлениях никогда не оставалось свободных мест. Здание цирка было возведено из камня, стояло оно на Головановском проспекте. Посещали его в основном небогатые люди, занимавшие галерку. Вернее, две галерки – большую и малую. Но и партер не пустовал, хоть стоили туда билеты недешево. Во время схваток борцов именно галерки вели себя шумно. Иногда даже можно было слышать нецензурную брань раскрепостившихся любителей борьбы. И тем не менее Поддубный выступал с удовольствием. Темпераментные южане, а город в основном был населен грузинами и армянами, обожали борьбу. Вскоре Иван стал местным кумиром. Огорчало одно. Дрессировщик Тернер, как он любил выражаться сам, был «человеком подверженным», а потому не мог отказать себе в удовольствии. Вкуснейшего дешевого вина в Тифлисе плескалось целое море, его можно было купить на каждом шагу в неограниченном количестве. А потому дрессировщик обычно с утра уже бывал пьян и прятался от разгневанной жены в клетке у Цезаря. Если кому-нибудь требовался Тернер, то в первую очередь шли искать его туда, а не в гостиницу.

В тот злополучный день все шло своим чередом, как обычно. Ничто не предвещало плохого. Артисты показывали свои номера, забавляли публику. Вышел и Тернер. Был он слегка навеселе, но программа у него была отработана до автоматизма. Он и мертвецки пьяным показал бы свои номера так артистично, что никто ничего и не заподозрил бы. К тому же работать в основном приходилось зверям, самому дрессировщику оставалось лишь щелкать шамберьером.

И вот настал момент, когда на прощание со зрителями Тернер вложил свою голову в раскрытую пасть льва. Цезарь сидел смирно, не дергался. Публика зааплодировала. И вдруг мощные челюсти животного конвульсивно сжались. Никто в зале еще ничего не понял, а Цезарь уже выплюнул окровавленную голову укротителя. Тернер еще с секунду стоял на ногах, а потом замертво рухнул на опилки. Цезарь жалобно зарычал, спустился с тумбы и принялся слизывать кровь с лица своего хозяина. Он делал это так, словно хотел оживить любимого дрессировщика –

нежно и ласково. Только тогда до публики дошло, что Тернер мертв. Завизжали женщины. Началась паника. Лишь при помощи полицейских удалось очистить зал. Но зрители продолжали толпиться у цирка, надеясь услышать, что Тернер все-таки жив. Однако чудес не бывает. Укротитель лежал накрытый конской попоной, сквозь которую проступала кровь, рядом с ним дежурил безучастный полицейский.

Что заставило Цезаря убить своего хозяина, так и осталось загадкой. Наиболее вероятной казалась догадка, высказанная следователем. Цезаря пришлось временно усыпить, так как он никого не подпускал к себе. Тогда и осмотрели его пасть. На нижней губе с внутренней стороны обнаружили след укуса и припухлость. Скорее всего, в цирк залетела пчела или оса, она и оказалась в ненужное время в ненужном месте – в пасти у льва, когда туда доверчиво вложил свою голову дрессировщик. Укус заставил челюсти рефлекторно сомкнуться.

Гибель недавно приобретенного друга сильно впечатлила Поддубного. Это в самом деле было ужасно. Видеть человека, говорить с ним, а потом, всего через несколько минут, он лежит под конской попоной с раздавленной львиными клыками головой. Вот тогда и начинаешь по-настоящему бояться за близких тебе людей.

Иван и Маша медленно шли вдоль берега Куры. Вода неслась стремительным потоком, бурлила, брызгала. Дозмарова не поднимала головы, смотрела себе под ноги. Она понимала, что сейчас скажет Иван.

– Пообещай мне, что после того как мы обвенчаемся, ты уйдешь из цирка сразу, как только кончится твой контракт, и родишь мне сына, дочь… Неважно кого, родишь ребенка.

– Ты знаешь, что для меня значит манеж.

– Денег нам хватит. Я неплохо зарабатываю. Буду работать еще больше. Мы купим дом у теплого моря.

– Дело не в деньгах, – покачала головой Маша. – Я «отравлена» цирком. Это образ жизни.

– Ты станешь думать по-другому, когда сделаешься матерью. Подумай об этом. Пообещай, что уйдешь с манежа.

Поддубный буквально вырвал из нее это обещание и еще долго заглядывал ей в глаза, чтобы понять, выполнит ли она его.

– Я пообещала, слышишь? Чего ты от меня еще хочешь?

Гибель друга-весельчака легла черной тенью на душу Поддубного. Он был немного по-сельски суеверен, ему казалось, что судьба сделала ему предупреждение. Появлялись мысли и самому оставить цирк, доработав по контракту. Останавливала его только мысль о Маше. На что тогда он будет содержать

семью? Привыкнув к хорошим заработкам, он бы легко от них отказался, вновь пошел бы в портовые грузчики. Но это в случае, если бы жил один. Теперь он не отходил от Дозмаровой ни на шаг. Маша даже смеялась над ним, считая, что Иван стал ревнивцем.

По возвращении труппы в Киев страх потерять и Машу немного поутих. Было много тренировок, выступлений. Публика истосковалась по любимому борцу. А борьбе Артем Никитин, впрочем, как и его знаменитые братья, уделял много внимания. Ну сколько раз человек сходит в цирк, чтобы посмотреть одно и то же представление? Один, от силы – два. Но, если будет присутствовать интрига, кто и как на этот раз победит в схватке, можно ходить и каждую неделю, регулярно при этом пополняя цирковую кассу. Вот и требовалось от Ивана выкладываться целиком, сколько хватало сил.

Он неизменно наблюдал за выступлениями Дозмаровой из-за занавеса. Каждый раз, затаив дыхание, следил за ее полетами, мысленно молился за нее, считал дни, оставшиеся ей по контракту. Чем меньше оставалось дней, тем слабее ему верилось, что Маша сдержит слово и оставит манеж. Она была создана для цирка, жила им. Поместить ее в четырех стенах значило бы то же самое, как если бы птицу, привыкшую к полету, заперли в тесной клетке. Сидеть дома, ждать его возвращения с гастролей это было не для нее. Однако Иван хотел быть спокойным за свою женщину.

– …ну, я пошла. Пожелай мне удачи, – попросила Маша.

– Удачно выступить, – сказал Иван.

– К черту, – Дозмарова сделала вид, что трижды сплюнула через левое плечо.

А затем Маша грациозно вскинула руки и выбежала на манеж. Ее наряд сверкал сотнями блесток. Туго зашнурованные сапожки облегали лодыжки. Иван вновь поймал себя на мысли, что думает о том, какая миниатюрная у него будет жена. И впрямь, хоть на ладони носи или в кармане. Поддубный знал наперед каждое ее движение, прыжок. Он бы сразу различил, если бы что-то пошло не так. Но все происходило как в хорошо отлаженном часовом механизме. Маша взлетала, отпускала руки и успевала ухватиться за пролетающую рядом с ней трапецию. Затем еще одно качание, поворот на сто восемьдесят градусов… И вот один из последних трюков перед «смертельным номером» – прыжком из-под самого купола. Иван особо не волновался. Этот трюк только выглядел опасным, но на самом деле все было хорошо просчитано и обеспечено с точки зрения техники безопасности. Зрителю казалось, что Дозмарова, вращаясь,

несется по кругу на трапеции вниз головой, лишь слегка придерживаясь за нее кончиками сапожек, а трапеция взмывает выше и выше. На самом деле в носках сапожек, укрепленных сталью, имелись отверстия, в них надежно входили штифты, выступающие из трапеции. Самым сложным было незаметно для зрителей войти в это соединение и выйти из него. Но Маша всегда с честью справлялась с этой задачей. Она посылала публике воздушные поцелуи, махала ладошкой, а сама в эти мгновения незаметно закрепляла или высвобождала ноги.

– Все, никто не заметил ее хитрости, – прошептал сам себе, выглядывая из-за занавеса, Иван.

Трапеция понеслась по кругу. Сперва низко, почти над самым манежем, затем стала набирать высоту. Сноп прожектора сопровождал Машу. Смазанное сверкание блесток напоминало искристую метель. Вот уже трапеция нарезала круги под самым куполом. И тут Поддубный с ужасом увидел, как нога у Маши сорвалась с перекладины. Она продолжала держаться на одной. Домзарова не растерялась, делала вид, что так и надо, изящно изогнувшись всем телом. Побелевший ливрейный уже приготовился опускать трапецию, развязывал веревку. А ничего не подозревающая публика продолжала любоваться полетом.

«Не рисуйся, подтянись, схватись за перекладину руками!» – хотелось крикнуть Ивану, но это был номер Маши, и ей самой предстояло решать, как именно поступить.

Коротко скрежетнуло в вышине железо. Носок ноги сорвался с перекладины. Поддубный смотрел так, словно хотел и надеялся остановить падение взглядом. Но он уже знал, что чудес не бывает. Мелькнули блестки, послышался глухой удар тела о манеж. Маша пролетела мимо страховочной сетки. Когда Иван подбежал к ней, она еще была жива, но тело уже сотрясали конвульсии.

– Прости меня, – только и успела сказать Дозмарова, глаза ее закрылись, грудь приподнялась в последнем вздохе, жизнь покинула искалеченное тело.

Иван на руках вынес ее за кулисы.

– Врача, врача! – кричал он, уложив Машу на топчан.

Артисты и служители цирка, собравшиеся вокруг, только отводили взгляды. Было понятно, что Маша мертва и ничто уже не может воскресить ее, даже любовь Ивана.

Поддубный сел рядом с топчаном на пыльный пол и положил голову в ногах у любимой, плечи его вздрагивали. Он краем уха слышал слова пришедшего наконец врача. Медик говорил о том, что, вообще-то, к лучшему, что гимнастка сразу разбилась насмерть. При падении с такой высоты выжить практически

невозможно, зато пришлось бы мучиться. А если бы и выжила, то наверняка потом осталась бы парализованной до конца своих дней.

Когда тело Маши увезли, Поддубный побрел, как пьяный, к выходу. Его поддерживал Анатолий Дуров. И впервые королю шутов не приходили в голову подходящие ситуации слова.

На похоронах Дозмаровой Иван впервые увидел ее родителей. Они показались ему абсолютно чужими, ведь он никогда раньше их не видел, да и Маша о них не рассказывала. Было странно видеть, что они почему-то имеют право идти сразу за гробом, а он – Поддубный – идет вслед за ними.

Когда на кладбище прощались с Машей, Иван подошел к гробу и поцеловал носки ее туфель, прикрытые белым тюлем. Поцеловал и сразу отошел в сторону – именно так было принято у них в селе прощаться с женщинами. Без разницы, умерли они молодыми или старухами. Этим земляки Поддубного словно хотели сказать, что будут помнить земной путь покойницы.

На удивление, Иван держался, на этот раз не ушел в себя. Он продолжал выступать, но уже без прежнего куража. В его комнате на тумбочке стояла фотография Маши в незатейливой деревянной рамочке. Он подолгу разговаривал с ней бессонными ночами. Доводил себя до того, что ему казалось, будто слышит тихие ответы:

– Ты просил меня оставить цирк. Вот я и оставила… Только теперь я не смогу родить тебе ребенка… Почему ты не взял меня за руку и не остановил?.. Ты же мог это сделать… И почему ты побежал так поздно? Можно было успеть поймать меня. Я же легкая и маленькая. Ты собирался носить меня на ладони…

Иногда среди ночи ему казалось, что Маша приходит к нему, раздевается и ложится рядом. Иван боялся открыть глаза, пошевелиться – боялся спугнуть видение. Он реально чувствовал, как Дозмарова лежит рядом с ним.

Когда Поддубный решился рассказать о своих ночных разговорах и видениях Дурову, тот насторожился:

– Тебе нельзя поддаваться фантазиям. Они могут затянуть тебя. Это же настоящие галлюцинации.

– Но я не могу ничего с собой поделать.

– Тебе надо больше работать. Тогда и сил на другое не останется. Мозг сам отключится.

– Легко сказать.

– Я же вижу, ты находишься на самой грани срыва, – заглянул в глаза Поддубному Дуров.

Слова короля шутов оказались пророческими. В самом деле, последняя соломинка может сломать спину верблюду, так сказано

в Писании. И эта соломинка подоспела в ближайшие дни – умерла Юлия Михайловна. Это окончательно добило Ивана Максимовича, ведь с этой женщиной у него успела установиться тесная духовная связь. Он был в отчаянии, перестал узнавать знакомых, молчал, забросил выступления и тренировки. Даже подумывал наложить на себя руки. И, если бы рядом с ним не было верного друга Дурова, возможно, так бы и сделал.

Никитин и сам переживал потерю жены сложно, искал спасения в работе. Директор цирка понимал состояние своего лучшего борца, а потому и не беспокоил. Иван сам пришел к нему, когда горе слегка его отпустило.

– Артем Александрович, – сказал он в том самом кабинете, где принимал его Никитин в день приезда в Киев. – Не могу я больше здесь. Не могу выходить на тот самый манеж. Мне кажется, что я выступаю, а она все еще лежит там, но вижу ее только я.

– Я могу перевести вас в другой цирк, – предложил Никитин.

– Мне любой цирк ненавистен.

– Цирк вам многое дал.

– Многое дал, но забрал у меня все. Уйду опять в грузчики. Там проще.

– У вас контракт, – жестко напомнил Никитин. – И вы его не отработали. Потрудитесь завтра появиться на манеже. Иначе буду вынужден обратиться в полицию.

Иван удивленно посмотрел на Артема Александровича, не ждал он от него такой жестокости.

– Конечно, я для вас курица, которая несет золотые яйца.

– Считайте как хотите. Но завтра выходите на манеж.

Взгляды их встретились. И тут Поддубный понял, что деньги – не самое главное. Просто директор хочет спасти его – Ивана – от апатии. Желает с головой втянуть в работу и тем самым вернуть к жизни.

– Хорошо, я выйду выступать. Можете указать это в афишах.

– Непременно. И не держите на меня обиды…

Поддубный вновь стал выступать. Правда, теперь это превратилось для него в рутину. Он чувствовал, что «перерос» цирк, который уже не вытягивал его выше. Да и свободное время надо было чем-то занять. Иначе безумные мысли тут же возвращались, стоило Ивану остаться наедине с самим собой.

И тут вновь не обошлось без вмешательства судьбы. Одной рукой она забирала у него, другой – давала.

Время было такое, что борьба по всей Европе входила в моду. Она становилась королевой спорта. Атлетические клубы появлялись по всему Старому Свету, как грибы после теплого

дождя. Не отставала в этом вопросе и Российская империя. Несколькими годами раньше атлетический клуб был создан и в Киеве. Основали его известный врач Евгений Гарнич-Гарницкий и знаменитый писатель и журналист Александр Куприн. Членами клуба была киевская элита: адвокаты, врачи, инженеры, промышленники, деятели искусства и науки. Культивировалась так называемая французская борьба. Она давала куда большую, чем борьба на кушаках, возможность маневра на ковре, требовала необычайной ловкости, владения приемами. Она позволяла выигрывать не только самому сильному, но и самому ловкому, требовала от борца интеллекта.

Поддубный как городская знаменитость легко стал членом клуба, зачастил туда, увлекся французской борьбой. Сойтись с ним в схватке почитали за честь многие влиятельные люди. Иван почувствовал, что попал в иной, ранее не доступный для него мир. Пригодились и прочитанные с подсказки покойной Юлии Михайловны Никитиной книги. Теперь он мог рассуждать не только о простых бытовых вещах и о борьбе, но мог поддержать и светскую беседу. Правда, его обидело, что Куприн в одном из своих газетных выступлений, где рассказывал о встрече с Поддубным, написал, что Иван Максимович насколько силен, настолько же и неотесан. При следующей встрече писатель извинился и объяснил, что хотел сделать своей публикацией:

– Иван Максимович, я просто желал поддержать ваш образ, сложившийся у публики. Они любят и ценят вас не только за то, что вы великолепный борец, но и за то, что вы человек из народа, такой же, как и они сами, но только сумевший выбиться в люди. Вы кумир дешевой галерки, а не дорогого партера. Если бы вы обращались к своим зрителям по-французски, то растеряли бы половину своих почитателей. На самом деле я ценю вас как атлета и как умного человека.

Возразить было нечего, Иван и сам знал своих основных почитателей. Дни шли за днями, казалось, что ничто в судьбе Поддубного уже не изменится. Получал он неплохие деньги, боль утраты немного притупилась. Но новый горизонт жизни не просматривался. И вот однажды, когда Иван Максимович пришел в цирк, ему вручили телеграмму, пришедшую на его имя из Петербурга.

Подписана она была известным в спортивных кругах человеком – председателем Санкт-Петербургского атлетического общества графом Рибопьером. Текст казался достаточно загадочным. Ничего конкретного. Поддубному лишь предлагалось прибыть в Петербург для важного разговора. О графе Иван был немного наслышан. Личностью тот являлся легендарной. Ему

принадлежали два самых больших в Российской империи конезавода, многочисленные крытые манежи для выездки по всей стране. Он был очень богат, но прославился другим – был меценатом спорта. Потомок обрусевших французов многое сделал для своей родины. Он представлял Россию в Международном Олимпийском комитете. Правда, российские спортсмены так и не участвовали ни в Первых, ни во Вторых Олимпийских играх, но графу Рибопьеру единственному удалось создать команду профессиональных борцов и отправить их от России на промышленную выставку 1900 года в Париж для участия в спортивной программе. Он являлся инициатором и меценатом ежегодных чемпионатов России по тяжелой атлетике.

С этой телеграммой в руках Поддубный и отправился к Артему Никитину. Она казалась ему шансом вырваться из заколдованного круга, в котором он оказался. Артем Александрович не стал противиться отъезду Поддубного, хоть тот и не отработал до конца контракт. Наверное, чувствовал – Ивана уже не удержать.

– Если ничего не получится в Петербурге, возвращайтесь в Киев. Буду рад снова видеть вас.

Поддубный не мешкая взял билет и отправился в Санкт-Петербург.

Глава 10

Олимпийские идеалы графа Рибопьера. Уроки французского. «Мулен Руж» и красотка Матильда. Как пить и не пьянеть? Применяйте оливковое масло только по назначению! Двадцать минут петербургского позора Рауля ле Буше. Возвращение в Париж. Убийцы поджидают в Ницце.

Первая встреча с графом Рибопьером произошла в принадлежавшем ему манеже. Поддубный и граф неторопливо шли вдоль поля для выездки. Иван любовался чудесными лошадьми. Чувствовалось, что все здесь поставлено основательно и на широкую ногу. Граф пока еще так и не озвучил своего предложения, неторопливо ведя разговор. Наверное, важный для Рибопьера, но пока еще не слишком конкретный для Поддубного.

– …Олимпийские игры, спортивные чемпионаты – это будущее мира, – продолжал граф. – Возможно, вам известно, что в Древней Греции на время проведения Олимпийских игр прекращались войны. Спортсмены из всех полисов съезжались в Спарту. К олимпийским чемпионам относились как к героям. Им ставили памятники при жизни. И вот теперь это движение возрождается. Вскоре и российские спортсмены станут принимать в них участие. Поверьте, войны вскоре уйдут в прошлое. Их заменит спорт. Как когда-то борьба заменила кровавые гладиаторские бои. Именно в спортивных залах, на манежах и стадионах государства станут доказывать, какое из них сильнее, могущественнее…

Поддубный кивал, хотя речь графа казалась ему далекой от реальности фантастикой. Слишком жесток был реальный мир, в котором они жили. А Рибопьер уже затронул тему, которая была Ивану ближе.

– …в России много талантливых борцов. Но борьба у нас пока – в большей степени удел цирка, а не спорта. Без регулярных чемпионатов по борьбе невозможно выявить сильнейших.

– Сейчас проводится много чемпионатов, – возразил Поддубный. – Почти в каждом цирке.

– А так не должно быть! – воскликнул граф. – Такие чемпионаты – это мошенничество. В результате мы имеем более десяти чемпионов России. Но это же нонсенс. Чемпион должен быть один. Победивший на официальном чемпионате по прозрачным и понятным всем правилам. Так, как, скажем, происходит сейчас во Франции. А у нас в России все по-другому. Поэтому у меня к вам, Иван Максимович, есть предложение. Я давно слежу за вашей карьерой борца, несколько раз

присутствовал на ваших выступлениях. Через три месяца в Париже состоятся международные соревнования на звание чемпиона мира по французской борьбе. Уже идут подготовительные работы. Приглашены и российские борцы. Я должен определиться с кандидатурами. Мой выбор пал на вас. Вы согласны участвовать?

Поддубный даже растерялся:

– Почему я? Я только-только стал постигать французскую борьбу.

– И уже делаете успехи. Приемам, правилам борьбы можно научить. Это не проблема. Было бы желание. А вот у вас есть то, чему научить невозможно, – стремление к победе.

– Но… – начал Иван.

Граф предупредил закономерный вопрос.

– Я обеспечу вас всем необходимым. Квартира, деньги на жизнь, зал для тренировок. Вы сможете время от времени выступать и в цирке, чтобы публика не забыла вас, чтобы иметь возможность помериться силой с другими борцами. Вы согласны?

Это было предложение, от которого нельзя отказаться, и Поддубный дал согласие.

– Вот и отлично, – обрадовался граф. – У вас есть три месяца на подготовку. За это время вы должны успеть многое. В Париже соберутся лучшие борцы со всего мира. У вас будет лучший в России тренер – мсье Эжен де Пари. Методику тренировок он уже определил. В ваше распоряжение предоставят троих очень хороших борцов. Приступайте к занятиям завтра.

Мсье Эжен де Пари оказался жестким тренером. Сам в прошлом борец-профессионал, он не щадил своего подопечного. Эжен заставлял Поддубного не только бороться и постигать тонкости французской борьбы на ковре, но и ввел строгий режим. Каждый день Иван принимал так называемый «докторский ящик» – сперва пятидесятиградусная ванна, а затем длительное обливание холодной водой. Потом следовали схватки. Поддубный выматывал до изнеможения трех борцов, которые по очереди сменяли друг друга. Выматывался и сам до такой степени, что, вернувшись домой, тут же проваливался в сон. Эжен де Пари практически не знал русского языка. Его словарного запаса хватало лишь на быт. А в азарте тренировок он забывал и это немногое, объяснялся по-французски. Иван оказался хорошим учеником. Он не только сумел отработать до автоматизма приемы французской борьбы, но и выучил за три месяца французский лучше, чем тренер знал русский.

Три месяца тренировок пролетели мигом, они показались Ивану одним днем. Впереди его ждал Париж.

Соревнования предстояли серьезные. Сто тридцать лучших борцов со всего мира съехались во французскую столицу. Правила чемпионата были очень жесткими. Всего один проигрыш – и участник выбывал.

Париж буквально обрушился на Поддубного. Он совсем не походил на манерный официальный Петербург. Запахи парфюмерии, казалось, разливались по всем его улицам. Томные взгляды красавиц провожали борца повсюду. Здесь впервые Иван посетил и типично парижское заведение – кабаре. Впервые увидел знаменитый канкан в «Мулен Руж». Французская столица кружила голову. Раскрепощенность парижских дам удивляла. В первый же вечер в кабаре Эжен де Пари познакомил его с красавицей Матильдой. Молодая женщина происходила из знатного, но сильно обедневшего дворянского рода. Иван сразу же понял, что ему не откажут. И уже ближе к вечеру привел Матильду в свой гостиничный номер. Красотка не требовала от него слов любви, не пыталась выпросить дорогой подарок, просто осталась на ночь. Утром ушла, даже не договорившись о следующей встрече.

О соревнованиях говорил весь Париж. Все тумбы были заклеены афишами. Чемпионат проводился в театре «Казино де Пари», места в нем зрители брали с боем. Одиннадцать схваток подряд выиграл Поддубный. Дались они ему нелегко. Но все равно сил Ивана хватало и на Матильду, которая через день появлялась в его номере, иногда они ходили и в кабаре.

На следующую победу Поддубного ставили многие. Теперь ему предстояла схватка с любимцем парижской публики, чемпионом Франции, двадцатилетним красавчиком Раулем ле Буше, чрезвычайно техничным и амбициозным борцом.

Лишь только утром Матильда вышла из гостиницы, где встречалась с Иваном, и прошла квартал, как возле нее остановился экипаж с низко опущенным не по погоде верхом. Молодая женщина осмотрелась и юркнула внутрь. Ей улыбнулся ослепительной улыбкой Рауль ле Буше.

– Ну, как проходит время? Вы, смотрю, добились того, о чем я вас просил? – произнес он.

– Отлично. Он наивен, как ребенок. Готов выполнить любой мой каприз, – ответила красотка.

– Завтра вечером мне предстоит схватка с Поддубным. Нужно сделать одну вещь, – предложил Рауль несколько нервно. – Напоите его.

Матильда засомневалась:

– Вы хотите, чтобы в день соревнований Иван был пьян?

– За это вы получите от меня тысячу франков. – Чемпион Франции тут же достал деньги и положил пачку на колени

Матильды.

Женщина колебалась. Сумма была для нее огромной.

– Не думаю, что он напьется. Ему тоже очень важна победа.

– Пустите в ход свои чары, не зря же вы согласились соблазнить его, – предложил Рауль. – Не обязательно, чтобы он выпил много. Будет достаточно и бокала вина, если вы подсыплете в него вот это, – на деньги лег стеклянный пузырек с порошком.

Пачка банкнот исчезла в сумочке.

– Я постараюсь.

В тот день, когда вечером должна была состояться решающая для Поддубного схватка, Матильде удалось затащить его в кабаре. Француженка и Иван сидели за столиком, на сцене под разухабистую музыку мельтешил голыми ногами великолепный канкан.

– Я хочу выпить за твою победу, – предложила женщина.

Поддубный налил ей вина.

– Хотя у нас не принято пить за то, что еще будет. Но если хочешь…

– Выпей и ты, – попросила она несколько нервно.

Иван задумался, Матильда взяла бутылку, налила и ему.

– Один бокал не помешает.

Он был готов уже выпить, как женщина сжала ему локоть и зашептала в ухо:

– Это Рауль нанял меня, чтобы я тебя соблазнила. Но я не могу сделать подлость, ты понравился мне. Он дал мне порошок, чтобы я подсыпала его тебе. Не пей.

Иван с удивлением посмотрел на свою спутницу, подобная подлость не укладывалась у него в голове.

– Он мне заплатил тысячу франков. Мне очень были нужны деньги. Я не могла отказать.

– Теперь тебе придется их вернуть? – тихо спросил Поддубный.

– Он страшный человек. Думаю, одним возвращением денег не обойдется. Только сейчас я поняла, что не могу предать тебя.

– Ладно, спасибо, что рассказала. А деньги тебе возвращать не придется. Мы сделаем по-другому.

Цирковые уроки не прошли для Поддубного даром. Он делал вид, что пьет бокал за бокалом, а сам незаметно выливал вино в огромный вазон с пальмой. Вскоре Иван притворился, что сильно захмелел, даже пару раз звучно выкрикнул не очень приличные комплименты в адрес танцовщиц. Публика бросала в его сторону неодобрительные взгляды. Матильда потянула Ивана к выходу. Поддубный остановил экипаж и «не сразу сумел открыть дверцу».

Лишь когда они оказались внутри, борец позволил себе расхохотаться.

– Ловко мы их провели.

А в это время шпион Рауля, присутствовавший в кабаре, уже докладывал ле Буше, что Поддубный пьян и наверняка не успеет протрезветь до схватки.

На бой народу набилось столько, что зрители чуть ли не гроздьями свисали с балконов.

Перед поединком Рауль похвалялся журналистам, что непременно выиграет. Ле Буше вышел на ковер в халате, сбросил его на руки своему тренеру и тут же продемонстрировал залу свои мышцы. Гладкая загорелая кожа блестела в свете софитов. Одним своим выходом он сорвал шквал аплодисментов. Поддубный появился в образе, придуманном для него Артемом Никитиным, – в бурке. Не хватало только папахи и кинжала. В зале имелись и поклонники Ивана Максимовича, но их было значительно меньше. Рауль не сомневался в победе, тем более что отыскал взглядом в зале улыбающуюся Матильду.

Француз решил действовать резко и напористо. Он сразу же пошел в атаку. Но, к своему ужасу, понял, что противник абсолютно трезв. Выбранная тактика не сработала. Рауль быстро выдохся, потерял силы. Поддубный чувствовал, что скоро одолеет чемпиона Франции. У него был стимул к победе. Во-первых, приз – десять тысяч франков, а во-вторых – звание чемпиона мира, которое открывало бы для него двери по всему миру.

Зал неистовствовал. Но тут стало происходить что-то непонятное. Рауль сделался скользким, как рыба, ему удавалось выворачиваться из «смертельных захватов». Сперва Поддубный списывал это на то, что оба они вспотели. Но вскоре понял, дело в другом. Когда ле Буше в очередной раз ушел от его захвата, Иван Максимович ощутил явственный запах оливкового масла. Но когда Рауль успел им намазаться? Ведь все время находился на виду!

Перевес явно был на стороне Поддубного, это чувствовала и публика, но он никак не мог уложить скользкого чемпиона Франции на лопатки.

– Он намазан маслом! – крикнул Иван судье.

Тот остановил схватку, проверил. На листе промокательной бумаги, которой провели по телу ле Буше, остался явственный жирный след. Судейская коллегия, расположившаяся за большим столом, рассматривала промокашку, нюхала, только на зуб не пробовали. С одной стороны, следовало признать мошенничество Рауля, натираться маслом было запрещено правилами, с другой – на начало поединка он был «сухим». Это тоже было

зафиксировано, иначе бы его не допустили к схватке. Просто ле Буше провернул коварный финт на грани дозволенного. Три месяца подряд перед соревнованиями он натирался оливковым маслом, и все это время не мылся с мылом, лишь ополаскивался под душем. Вот теперь вместе с потом оливковое масло и выступало, делало его скользким.

Судьи прекрасно понимали, в чем дело. По большому счету следовало дисквалифицировать ле Буше за обман или хотя бы отложить продолжение схватки. Но решили по-другому. Судейской коллегии не хотелось терять лицо, подставлять любимца публики, знаменитого ле Буше. Это даже не походило на компромисс, скорее на анекдот. Было предписано каждые пять минут останавливать схватку и обтирать борца сухим полотенцем. Из зала раздавались негодующие крики. К тому же издавали их не только поклонники Поддубного. Но слово судей всегда последнее. Зрители видели, что схватка проходит с нарушениями. Перерывы на обтирание назначались в самые неподходящие для Поддубного моменты, к тому же ле Буше использовал их для отдыха. А ведь он выдыхался куда быстрее Ивана.

Истек час времени, отведенный для поединка, но Ивану так и не удалось уложить Рауля на лопатки. Теперь судьям предстояло выявить победителя по совокупности острых моментов, техничности. В этом смысле преимущество явно было на стороне Поддубного, ведь ему удалось навязать свою волю противнику. Практически всю схватку ле Буше только оборонялся и пару раз находился на волоске от поражения.

Судейская коллегия даже связалась по телеграфу с Петербургом. Но там не захотели раздувать скандал. Позиции России в международном спорте были еще очень слабыми. Из Петербурга посоветовали через пару дней провести еще один поединок между ле Буше и Поддубным. Но даже такой вариант не устроил судейскую коллегию, состоявшую в основном из французов. Вердикт ее был явно несправедлив. Победу присудили Раулю ле Буше с издевательской формулировкой: «За красивые и умелые уходы от острых приемов».

Поддубного возмутило даже не то, что ему пришлось выбыть из соревнования, к этому он был готов. Иван после душеспасительных бесед с графом Рибопьером разочаровался в его идеях. Оказалось, что даже на таком высоком уровне в спорте нет справедливости. Обман совершался с умным видом прямо на глазах у облапошенных зрителей.

С этого момента Поддубный окончательно и бесповоротно стал сторонником только «чистого» спорта, избавленного от

интриг и обмана.

* * *

По возвращении в Россию Поддубный уже не рисковал подписывать кабальные – годовые контракты. Работал по разовым. Выступал в разных цирках, принимал участие в соревнованиях. Возможность поквитаться с Раулем ле Буше представилась относительно скоро – через два года – в 1905 году.

В Санкт-Петербурге должен был пройти чемпионат по французской борьбе, на который съезжались лучшие борцы мира. И хотя это было больше коммерческое предприятие, затеянное в основном заграничными организаторами, поучаствовать в нем имело смысл. На нем не разыгрывался чемпионский титул, но зато был хороший призовой фонд для победителя, а главное – возможность вновь встретиться с ле Буше.

Рауль прекрасно понимал, что не сможет одолеть Поддубного в честной борьбе. Но ему хотелось избежать поражения. Для него ставка была высока, на кону стоял его авторитет как непобедимого чемпиона Франции. Вот и решился Рауль на отчаянный шаг, о котором потом ему пришлось сожалеть и который в результате через несколько лет привел его к позорной гибели. Если бы он лучше знал Ивана Максимовича, то никогда бы не предложил ему подобного.

Чемпионат уже начался. Поддубный с утра занимался разминкой в своем гостиничном номере, когда в дверь постучали.

– Войдите, – бросил Иван, подозревая, что это кто-нибудь из газетчиков решил его навестить.

Он даже не прервал занятий, продолжал выжимать двухпудовые гири. Меньше всего он ожидал увидеть на пороге Рауля ле Буше. Молодой француз зашел как-то неуверенно, с опаской. Поддубному даже показалось, что сейчас он услышит слова извинения за чемпионат мира в Париже, и даже готов был простить Рауля. Он поставил гири на пол и предложил присесть. Ле Буше остался стоять.

– Я готов предложить вам двадцать тысяч франков. Это вдвое больше, чем приз победителя.

Поддубный прищурился.

– Да, это большие деньги. Но за что вы хотите мне их предложить? – поинтересовался он, уже понимая, что об извинениях речь не пойдет.

– Вы проиграете мне схватку. Поддадитесь.

Гримаса исказила лицо Ивана, он поднял гирю, замахнулся

ей на Рауля.

– Пошел вон, подлец! – и хоть в запале это было сказано по-русски, ле Буше все понял и без перевода.

Он побледнел и выбежал за дверь. Еще дважды от него приходили люди, предлагали сделку, но Поддубный оставался непреклонен, всех визитеров выставлял в коридор.

Иван выигрывал схватку за схваткой, ничто не могло его остановить в стремлении стать победителем турнира. Цирк братьев Чизаретти, вмещавший три тысячи зрителей, буквально гудел, когда Иван выходил на ковер. Его боготворили. Наибольший интерес, конечно же, вызвал поединок с Раулем ле Буше. Газетчики постарались, напомнив публике о схватке в Париже, когда победа незаслуженно досталась французу.

Ле Буше вышел на манеж в своем обычном красном халате, сбросил его, было видно, что он волнуется. Поддубный отбросил бурку, пригладил усы. Он смотрел на противника с пренебрежением, хотя и пожал ему, как положено, перед поединком руку. Судья объявил начало схватки. С первых же мгновений Иван не дал французу и шанса на победу. Ле Буше только защищался, не сумев провести ни одной атаки. На двадцатой минуте Поддубный захватил его, но, вместо того чтобы уложить на лопатки, поставил на четвереньки. Судейская коллегия с удивлением смотрела на это явление, не понимая, что происходит. Иван упустил верный шанс вырвать победу в начале схватки. Рауль дергался, пытался освободиться, но не мог сдвинуться с места, продолжая стоять на четвереньках. Зал улюлюкал.

– Это тебе за оливковое масло! Это за жульничество! – кричал Иван. – Это тебе за двадцать тысяч, которые ты мне предлагал за то, чтобы я тебе поддался!

Унижение было ужасным. Ле Буше чертыхался, отплевывался, но Поддубный крепко держал его. Из зала на ковер летели букеты цветов, студенческие картузы, дамские перчатки. Иван продержал ле Буше в унизительной позе двадцать минут. И отпустил только по настоянию судей. Позор заставил Рауля налиться кровью, а зрители кричали, забыв о приличиях, обидные слова, свистели. Продолжение поединка было недолгим. Морально сломленный француз, наверное, и сам желал поскорее покинуть манеж. Поддубный впечатал его лопатками в ковер, подержал несколько секунд, а затем встал и брезгливо отряхнул руки.

Иван, когда судья поднимал ему руку, встретился взглядом с ле Буше. Тот смотрел не то что зло, а разъяренно. Был бы у него сейчас в руке нож, он бы, не задумываясь, всадил бы его Ивану под ребра. Но победа над Раулем являлась лишь половиной дела.

Предстояла еще финальная схватка с действующим чемпионом мира – французским борцом Полем Понсом. До поражения Рауля чемпиону победа над Поддубным казалась легким делом. Он хоть и слышал о нем, но никогда прежде не видел в деле. Полю думалось, что он с легкостью сумеет одолеть какого-то мужика из провинции. Ведь у Ивана еще не было ни одной медали, ни одного громкого титула. Однако самоуверенности у мсье Понса поубавилось, когда он собственными глазами увидел разгромное поражение такого грозного противника, как ле Буше.

Этой финальной схватки и ждала публика, болевшая за своего. Напряжение, царившее в трехтысячном зале, казалось, могло буквально взорвать его.

Первые минуты этой схватки пошли как-то вяло. Во всяком случае, так казалось со стороны. Обожатели просто не узнавали своего любимца Поддубного. Обычно он начинал стремительно, обрушиваясь на противника всей мощью своего тела, буквально сминал его, заставляя принять свой стиль борьбы. Теперь же борцы иногда по несколько минут просто топтались, сцепившись. У Ивана Максимовича имелись веские причины сменить тактику, он не мог себе позволить рисковать. Ведь ему противостоял по-настоящему великий борец – чемпион мира. Он решил вымотать двухметрового Поля Понса, и это ему пока удавалось. Гигант-француз страшно вспотел, его шаровары сползали, сделались мятыми, майка потемнела от пота, ее можно было выжимать, дыхание стало хриплым, но он не сдавался.

И вот, отыскав, прощупав слабые места, Поддубный пошел в наступление. Он уже буквально швырял Понса по арене. Зрелище до этого невиданное. Но француз держался до последнего, хоть ему уже и приходилось только защищаться. За пять минут до окончания двухчасовой схватки Ивану удалось наконец уложить его на лопатки. Истощение сил было такое, что борцы так и остались лежать на ковре. В глазах у Поддубного потемнело, он уже не соображал, что происходит, продолжая прижимать Понса к ковру. Его пришлось оттаскивать за ноги.

Победа была полной и очевидной. Зал бесновался. Казалось бы, уже все. Но тут к присевшему перевести дыхание Ивану подошел тренер и шепнул на ухо, что, по его информации, иностранные организаторы чемпионата решили не выплачивать денежный приз. Пообещают вручить его завтра. А сегодняшней ночью покинут Петербург, потом «достать» их из-за границы будет очень сложно.

– Мне еще шепнули, что тебя могут убить. Сделают все так, будто это было просто разбойное нападение. Так что один за кулисы не уходи.

У Поддубного вновь потемнело в глазах. У него хотели забрать его заработанные потом и кровью деньги.

Началась церемония награждения. Ивану надели на шею золотую медаль – первую в его жизни, – а затем председатель оргкомитета чемпионата торжественно объявил, что денежный приз будет вручен победителю завтра.

«Значит, правда», – подумал Иван.

Солидный господин в сюртуке, галстуке-бабочке и в золотом пенсне мало походил на мошенника, но его выдавали глаза, они суетливо бегали по сторонам.

– Чемпионат закончен! – зычно объявил он. – Прошу всех к выходу!

Поддубный еще чувствовал непогасшую энергию зала. Это единственное, чем он мог еще воспользоваться, обратить ее в свою пользу.

– Э, нет, так не пойдет! Деньги на арену и мое пальто тоже. Без приза я не уйду! – крикнул он.

Зал ответил одобрительным гулом.

– Деньги на арену! Приз давай!

– Неужели вы думаете, мы вас обманем? – вскинул брови председатель.

– Именно так я и думаю. А еще мне сказали, что меня собираются убить! – без лишней дипломатии ответил Иван.

Председатель стал объяснять, что деньги находятся в банковском сейфе. А банк в такое позднее время закрыт и доставить их в цирк возможно только утром. Но зал не поддавался на провокацию. Иван стоял на арене с пальто в руках и упрямо твердил:

– Никуда без денег я не уйду. Делайте что хотите.

Назревал крупный скандал. В дело пришлось вмешаться находившемуся в зале главе петербургской полиции. Он приказал арестовать кассу цирка и взять призовые деньги из нее. Что и было сделано. Обещанные пять тысяч рублей принесли на манеж и вручили победителю.

С деньгами и золотой медалью победителя Поддубный в сопровождении толпы зрителей покидал цирк. Его встречал живой коридор почитателей, растянувшийся вдоль улиц до самого Литейного моста. Звучали крики:

– Ура!

Когда извозчик вез Ивана, он с недоумением смотрел на людей, приветствующих его с тротуаров. Махали шляпами, платками, кричали так, словно случилась победа в большой войне. Он обернулся на своего пассажира и спросил:

– Барин, скажи на милость, кто ты такой будешь?

Самое странное, он, не интересовавшийся борьбой, все же слышал фамилию Поддубного и понял-таки, в чем дело.

* * *

В том же 1905 году в Париже проходили очередные соревнования по французской борьбе на звание чемпиона мира. Естественно, пропустить такое событие Иван Максимович не мог. Все, что он делал до этого, вело его на чемпионат. И вновь он оказался в Париже. Но местная публика уже успела его забыть. Сперва практически никто не делал ставок на борца с Полтавщины. А пари здесь временами заключались на астрономические суммы. Случалось, что проигравшие даже стрелялись.

На чемпионат собралось сто сорок сильнейших борцов со всего мира. И Поддубный с первых же дней засиял в этом созвездии. Ему удавалось всех укладывать на лопатки. Игроки, делавшие ставки, тут же переключились на Ивана. Была и встреча с Раулем ле Буше. На этот раз внешне она прошла не так драматично. Поддубный уже не напоминал ему о прошлых обидах. Все на ковре происходило в рамках правил и традиций. Когда после получасовой схватки француз оказался прижатым к ковру, он прошипел Ивану в лицо:

– Ты ответишь мне за это кровью. Тебя убьют.

Тогда Иван Максимович списал это на эмоции. Мало ли что можно сказать, потерпев обидное поражение? Но зря он не придал значения этим словам. Просто не было времени подумать над ними. Впереди Поддубного ждала финальная схватка с датчанином Иессом Педерсеном. Вся пресса неизменно величала его «самым сильным человеком в Европе», и это было правдой… но только до встречи с Поддубным.

Соревнования проходили в великолепном театре «Фоли Бержер». Иесс сознательно выбрал не зрелищную, зато надежную технику оборонительного боя. Он надеялся измотать Поддубного, а потом собирался перейти в наступление. Иван сразу же раскусил его замысел. Он сделал вид, что устает, специально тяжело дышал, совершал кажущиеся ошибки. И вот Педерсен поддался на уловку, посчитал, что противник «созрел», тут он и провел свой любимый обхват. Однако Поддубный только и ждал этого момента, был к нему готов. Иван Максимович мгновенно наклонился назад и тяжестью своего тела увлек за собой датчанина. В падении он подмял Педерсена под себя и бросил на лопатки.

Бросок оказался таким сильным и неожиданным, что датчанин еще несколько минут лежал на ковре, не будучи в силах подняться самостоятельно. Пришлось ставить его на ноги. Поддубный торжественно принял призовые деньги – десять тысяч франков, диплом и ленту чемпиона мира 1905 года.

Заветная мечта сбылась. Теперь перед ним открывались все двери. Любой импресарио считал за счастье подписать с ним контракт. Ни один цирк не отказался бы от его выступления. При этом Поддубный мог диктовать свои условия.

Вернулся в гостиницу он поздно. Не успел даже раздеться, как в дверь постучали. Усталость была такой, что не хотелось никого видеть, но все же он подошел к двери и спросил:

– Кто здесь?

– Это я, – послышался тихий ответ.

Иван, хоть они и не виделись несколько лет, тут же узнал голос Матильды, сразу же открыл. Молодая женщина скользнула в номер, торопливо закрыла за собой дверь.

– Извини, я должен был сам отыскать тебя, – произнес он, обнимая свою бывшую любовницу.

– У меня мало времени, – проговорила женщина торопливо. – Я вырвалась всего на минутку. Ле Буше нанял убийц. Берегись. Тебе нельзя оставаться в Париже.

– Ты уверена?

– Я слышала это своими ушами. Он страшный человек.

Иван хотел задержать ее, но Матильда выскользнула из его рук и исчезла за дверью. Поддубный стоял и вдумывался в ее слова. Вспомнились и бешеный взгляд поверженного Рауля, и его обещание, что Иван заплатит за свою победу кровью.

– А ведь это не шутки, – решил Поддубный. И ему по-настоящему стало страшно.

Импресарио, с которым Иван уже подписал контракт на турне, почему-то даже обрадовался этому сообщению.

– Ну так и хорошо. Не станут же они гоняться за вами по всему миру. Просто не успеют за нами. Не откладывая, начинаем гастроли. Вас ждут повсюду. С чего начнем?

Так и началось продолжительное турне Ивана Максимовича. От гастролей в Северной Италии пришлось отказаться. Киллеры преследовали Поддубного по пятам. Кстати, не один только ле Буше собирался с ним поквитаться.

Пришлось ввязаться в выступления борцов в Северной Африке. Поддубный гастролировал в Бельгии, посетил Германию, где наконец-то побывал в полулегендарном для каждого настоящего циркового борца Гамбурге с его знаменитым «гамбургским счетом». Эта традиция уже ушла к тому времени в

прошлое, уступив место чемпионатам мира. Пять лет странствовал Поддубный, и всюду ему сопутствовал триумф. Выступил он и в Северной Италии, даже завоевал титул чемпиона этой страны. Еще пять раз он сумел подтвердить звание чемпиона мира по французской борьбе. Теперь он был непревзойденным. Никому до этого не удавалось что-либо подобное. Теперь в газетах его называли «чемпионом чемпионов».

Но вместе с этим приходило и разочарование в людях. Поддубный все больше убеждался, что импресарио – настоящие хозяева борьбы. Они расписывали, кто и кому должен поддаться, ведь на этом зарабатывали огромные деньги, обманывая настоящих знатоков борьбы. Если борец не соглашался, разрывали контракт. Отказывались платить. Лишь однажды Поддубный согласился на договорной поединок. А случилось это так.

В одном из цирков он буквально за десять секунд уложил на лопатки знаменитого борца. Публика решила, что тот просто поддался, устроила свист. Требовала нового, «честного» поединка. Иван был согласен на такое. А вот его противник потребовал у Поддубного, что выйдет на манеж только в том случае, если тот ему поддастся. Ивана уговорила жена владельца цирка. Женские слезы всегда делали его сговорчивым.

– Они разнесут цирк. Все здесь поломают. Мы будем разорены. Что станут есть мои дети? Смилуйтесь, поддайтесь ему, умоляю вас! Ну что вам стоит? Это же не чемпионат, а представление.

И Иван согласился проиграть. Правда, сделал это в своем стиле. Противники вновь вышли на ковер. Схватка оказалась недолгой. Поддубный схватил несговорчивого борца за пояс и неожиданно поднял того в воздух. Вознес над головой в вытянутой руке. Обошел с ним арену, чтобы зрители смогли вволю налюбоваться этим странным зрелищем. Завершив круг, он лег на спину и опустил борца, возомнившего, что он может выиграть у шестикратного чемпиона мира, себе на грудь. Формально получалось, что Поддубный проиграл – его лопатки коснулись ковра. Однако смущенный «победитель» стремглав убежал с манежа под свист публики.

Да, всякое случалось в турне. И вот судьба снова занесла Поддубного во Францию. Его пригласили в Ниццу на двухнедельное выступление. Вот тут на горизонте вновь замаячила зловещая фигура его злейшего врага – Рауля ле Буше. Он был где-то в городе, хотя на выступлениях не показывался. Об этом его вновь предупредила красавица Матильда, проникнув в гардеробную Ивана во время перерыва.

Выступления уже невозможно было отменить. Иван решил поостеречься, раздобыл себе револьвер. Каждую ночь клал его себе под матрас. Жил он в арендованном особняке. Днем там имелась прислуга, а вот по ночам борец оставался один. И вот в выходной Поддубный сидел в кафе на террасе, пил кофе. Внезапно появились четверо парней, вели себя они нагло и развязно. Иван тут же понял, что это так называемые «апаши» – бандиты. Не укрылось от его глаз, что они прячут в рукавах ножи.

«Апаши» подсели к его столику, завели разговор. Мол, знаменитый борец из России достаточно богат и мог бы себе позволить угостить их шампанским. Иван разыгрывал из себя простака.

– Почему бы и нет, – сказал он. – Только лучше пойдемте ко мне в дом. Там у меня есть и шампанское, и коньяк. Угощу всех.

Парни согласились. Иван специально выбрал путь через променад, здесь обязательно встретится кто-нибудь из знакомых. Так и случилось, навстречу шел один из его больших почитателей – помещик Долинский. Иван неприметным кивком головы указал ему на следовавших за ним парней. Долинский все сразу понял, ведь только вчера они говорили с Поддубным о наемных убийцах. Не подавая вида, что узнал Ивана, Долинский тут же направился к полицейскому участку.

Поддубный же уже входил в дом.

– Сейчас свет зажгу, – сказал он и направился в спальню.

Выхватив из-под матраса револьвер, он тут же нацелил ствол на «апашей».

– Стоять и не двигаться!

Никто из наемных убийц не рискнул пошевелиться. Вскоре подоспела и полиция. На допросе выяснилось, что «апашей» нанял ле Буше. Правда, бывшему чемпиону удалось избавиться от обвинений в попытке заказного убийства, а вот «апаши» ему не простили. Рауль допустил ошибку, ведь вместе с ним оправдали и «апашей». Оказавшись на свободе, они потребовали с него деньги. Ле Буше наотрез отказался платить за несделанную работу. Тогда «апаши» подкараулили его в темном переулке и зверски избили резиновыми палками по голове. Вскоре знаменитый борец умер от воспаления мозга, вот так – бесславно закончив свою карьеру.

Глава 11

Помещик из Красеновки. Черные дни наступают, когда ты к ним готовишься. Интересные времена. Цирк Нестора Махно и Одесское ЧК. Твоих женщин уводят, если ты подолгу не бываешь дома. Счастье все-таки есть. Американское турне. Душители с ножницами и другие прелести боев без правил.

Иван продолжал свое триумфальное уже не восхождение, а шествие, ведь подняться выше было невозможно. К 1910 году вес завоеванных им медалей уже составлял два пуда. Пояса, ленты, дипломы, медали Иван хранил в особом сундучке, который всегда возил с собой. Его хорошо знали во всей Европе и в России. Портреты Поддубного на открытках печатали тысячами, и они расходились не хуже, чем горячие пирожки в базарный день.

Но накопилась и усталость. Все, что ни делал Иван, было уже повторением пройденного им пути. Получить звание чемпиона мира в седьмой раз? А что это изменит в его жизни? Он и так чемпион чемпионов. К тому же в его жизни вновь появилась любимая женщина – Нина Квитко-Фоменко. Эта красотка была артисткой передвижного драматического театра, на гастролях они и познакомились. Нина сразу же очаровала Поддубного, умела ему подыграть, притвориться.

Любая женщина в душе артистка и умеет, если понадобится, изобразить страстную любовь. А Квитко-Фоменко вдобавок была талантливой артисткой. Вот и не стоит удивляться, что сорокалетний борец решил оставить профессиональный спорт и жениться. Нужно же и о продолжении рода подумать.

Вместе с красавицей женой и увесистым сундучком с медалями он снова объявился в родных краях – в Красеновке. Но не только для того, чтобы повидать родных. Теперь он решил обосноваться здесь всерьез. Денег для этого, как казалось Ивану, у него было больше, чем нужно. Для начала он купил особняк помещика Абеля. Того самого, у которого работал еще мальчишкой. Завел пасеку, прикупил земли, скота. Чтобы не обижались родственники, тоже щедро одарил их, купив землю, перестроив, подновив прежние дома. Даже две ветряные мельницы поставил и зажил помещичьей жизнью, твердо решив, что больше не будет выходить на борцовский ковер.

Поначалу все шло неплохо. Иван отдыхал душой, иногда и сам впрягался в крестьянскую работу, к которой был приучен с детства. Наслаждался тихой семейной жизнью. Огорчало лишь то, что Нина не спешила родить ему ребенка.

Этой сельской идиллией Иван Максимович наслаждался три

года. Иван оказался плохим помещиком, он ничего не смыслил в крупном товарном производстве. Его с легкостью обманывали собственные приказчики. Хозяйство, вместо того чтобы приносить прибыль, давало одни убытки. А тут еще и брат Митрофан по пьяни спалил мельницу. Деньги подошли к концу. Ведь много он тратил на жену. Та, будучи родовитой по происхождению – из потомственных дворян, любила наряды, украшения. Иван махнул рукой на хозяйство. Ему вновь довелось податься на помост. А может, он и сам подсознательно вел к банкротству свое хозяйство? Ведь никуда не делось стремление побеждать, желание слышать гул восхищенной толпы зрителей. В нем странным образом уживались эти две души – душа мирного пахаря и душа бойца.

Правда, теперь Ивану становилось все трудней зарабатывать для требовательной жены. Физическая форма была уже не та, что прежде. Он не уезжал на далекие гастроли, где мог бы получать неплохие деньги, стремился быть поближе к дому, словно чувствовал, что случилось с его женой. Нина все четче понимала, что попалась в этот сельский капкан. Когда она только строила планы на Поддубного, то считала, что выходит замуж за человека богатого, знаменитого. Что впереди ее ждет роскошная жизнь в больших городах, путешествия. Но все вышло по-иному.

Она знала, что на иностранных счетах у Поддубного еще хранятся большие деньги, но Иван не трогал их, говорил, что это на черный день. Вот этого Нина никак не могла понять, ей казалось, что эти самые «черные дни» уже наступили.

Поддубный выступал, а времена, между прочим, надвигались очень странные и опасные. Началась Первая мировая война. Правда, она почти не затронула Ивана, коснулась лишь краем. Попасть на фронт и превратиться в пушечное мясо ему не грозило. В цирках стало меньше зрителей, уменьшились сборы. Иван Максимович подался в Петроград, чтобы заработать там, все-таки столица, публика там побогаче, чем в глубинке.

Однако сборы были средние. Вот тогда и проявилась изобретательность Ивана, раскрылся его талант делать номера. Он отыскал живущего в Петрограде на Васильевском острове самого настоящего индейца. Тот был человеком с характерной индейской внешностью, внушительной комплекции, сильным, но никогда раньше борьбой не занимался. А поскольку ему были нужны деньги, то его и удалось уговорить выступать в цирке. Всего неделя пришлась на тренировки. А потом по городу расклеили афиши, извещавшие, что такого-то числа состоится выступление индейца – чемпиона Южной и Северной Америк, Австралии и Новой Зеландии. На экзотику подтянулся зритель,

все билеты были раскуплены. «Чемпиона» выпустили на арену, предварительно обвешав его бутафорскими медалями. «Сражаться» ему предстояло с борцом-красавцем – латышом Росо. И вот борьба началась с того, что индеец сразу же уложил Росо подножкой. В зале тут же раздались свист, возмущенные крики.

– Это запрещено!

На что тут же вмешался наш герой.

– А у них разрешено! – заявил он публике.

Конечно же, эта фраза была им заготовлена заранее, чтобы превратить схватку с индейцем просто в веселое представление, вывести ее за скобки настоящей французской борьбы. Еще три дня выходил на манеж индеец. Росо постоянно шутливо жаловался на своего противника:

– Это единственный борец, за которого мне приходится бояться, что он сам упадет. Мне постоянно приходится поддерживать его. Отпустишь – повалится.

Из индейца борца так и не получилось. На третий день он отказался снова выходить на арену, хоть и очень нуждался в деньгах. Но цель была достигнута. Зритель получил веселое представление, а цирк собрал хорошую кассу в трудное время.

Но следом за войной грянула революция. В Украине одна власть сменяла другую. Немцы с австрийцами, гетманщина, белые, петлюровщина, большевики, махновщина… За три года на территории Украины было провозглашено шестнадцать государственных образований. Некоторые из них существовали параллельно. Иван особо не разбирался в расстановке сил, не сочувствовал ни одной из политических партий и движений. Он просто не понимал, чем одни лучше других, если все равно льется людская кровь, горят, топчутся поля. Поддубный являлся артистом и спортсменом, а потому продолжал выступать. Ведь это было единственное, что он умел делать лучше других.

Власти сменялись так быстро, что, как шутил сам Иван Максимович, иногда приходилось начинать выступление при белых, а заканчивать его при красных. Военные приходили на представления с оружием, пьяные. Нередко в зале начиналась пальба, достаточно было одного неосторожного слова. Так, в Керчи пьяному белому офицеру не понравилось, что Поддубный слишком быстро и, как ему показалось, не по правилам, уложил противника на лопатки. Недолго думая, офицерчик решил восстановить справедливость. Выстрелил в Ивана Максимовича. К счастью, затуманенные водкой глаза смотрели в разные стороны. Пуля лишь оцарапала Поддубному плечо, и уже назавтра он вновь вышел на манеж.

Иван путешествовал по всей Украине, не упускал малейшего

шанса выступить, случалось, что расплачивались с ним только продуктами. Все сложнее стало добираться в родную Красеновку. Встречи с женой становились реже и реже.

Чуть не окончились трагедией выступления в Бердянске. Хотя там у Ивана имелся солидный покровитель, который и пригласил его на гастроли – огромным почитателем таланта борца являлся владелец местной крупной табачной фабрики. Прямо во время выступления в зал ворвались налетевшие на город махновцы. Они, угрожая оружием, нагло согнали зрителей и заняли их места. Программа представления их не устраивала. Выстрелами в воздух и криками они прогнали с манежа клоунов. Банде анархистов хотелось посмотреть борьбу.

– Поддубного давай! Поддубного сюда! – послышались пьяные крики, для пущей убедительности еще и стреляли в воздух.

Директор цирка трясущимися губами уговаривал Ивана Максимовича:

– Придется выйти. Я же ничего не могу сделать.

Наскоро переодевшись, Поддубный вышел на манеж. Коверный объявил его выход и выход борца-напарника. Последнего тут же освистали, и ему пришлось покинуть арену. Иван стоял один на один с пьяной вооруженной толпой. И тут поднялся со своего места сам батька Махно. Невысокий, с длинными волосами, с острым колючим взглядом, на удивление, абсолютно трезвый.

– Братья, – обратился он к своим бойцам. – Мы же с вами знаем, что в этом буржуазном цирке все куплено. И звание чемпиона мира тоже. Это полный обман. А мы строим новый мир. Анархия – мать порядка. Пусть попробует сразиться с одним из наших. Вот тогда посмотрим, где правда.

Предложение прошло «на ура». Сразу же стали предлагать кандидатуры. Постепенно выкрики слились в синхрон.

– Грыцька выставляем! Грыцька!

Поддубный смотрел на сброд, заполнивший зал. Это было страшное зрелище, что-то вроде разбушевавшейся стихии, хотя и обычная цирковая публика особо благородными манерами похвастать не может. На бортик арены взобрался грузный, могучий махновец, тот самый Грыцько, в чью победу свято верили анархисты. Он был могуч, с этим следовало согласиться, мог любого смять лишь одним своим весом. Но пропитое похмельное лицо свидетельствовало, что его запала надолго не хватит.

Махно сам дал сигнал к началу схватки. Иван Максимович мог бы положить Грыцька на лопатки сразу, он умел использовать силу противника против него самого, но стал тянуть время.

Следовало хорошенько подумать, стоит ли выигрывать. Махновцы – народ горячий, могли после победы вывести во двор и поставить к стенке, а то и пристрелить прямо на манеже. С них станется.

Грыцько густо дышал перегаром и чесноком, широко ставил ноги, пытался, обхватив Ивана, оторвать его от земли.

«Может, самое время поддаться? – мелькнула в голове предательская мысль. – Пять минут позора, зато жив останешься».

Искушение проиграть было большим. Умирать никому не хочется. Но это значило бы предать себя, перечеркнуть все, что до этого делал. К чему тогда было раньше упрямиться, отказываться от договорных схваток и больших денег, наживать себе среди импресарио славу склочного и несговорчивого борца?

– Будь что будет, – решил Иван и перешел в наступление.

Грицько буквально перекатывался по манежу от бросков Ивана Максимовича, но валить на лопатки его Поддубный не спешил. Следовало показать махновскому сброду, что звание чемпиона мира не покупается, его завоевывают в честной борьбе. Грозный Грыцько ничего не мог поделать с противником, если ему и удавалось захватить Ивана, то он тут же уходил, выворачивался. Промучив самонадеянного Грыцька почти час, Иван Максимович сжалился над ним и играючи уложил на лопатки, даже дожимать грудью не пришлось. Еще во время состязания слышались недовольные крики, непристойные ругательства, угрозы, Ивана обещали пристрелить.

Поддубный встал и посмотрел в зал. На него смотрели не только глаза, но и стволы оружия.

«Здесь пристрелят или же на улицу поведут? – подумал Иван. – Наверное, все же прямо здесь».

Ситуацию спас батька Махно. Все-таки он был умным и даже в чем-то справедливым человеком. Да и поступок Поддубного его впечатлил. Храбрых людей, готовых поплатиться жизнью за свои убеждения, он любил.

Нестор Махно поднялся и выстрелил в воздух, тут же наступила гробовая тишина. Батька вышел на манеж, вытащил из-за пазухи пухлую пачку банкнот и вручил ее Поддубному:

– Это мой личный приз. Так сказать, от почитателя искусства.

Приз Иван принял, очень были нужны деньги, в другое время – непременно отказался бы. Сказал бы, что не возьмет их из-за любви к чистому искусству.

Поддубному было уже почти пятьдесят лет, а он мотался по Украине. В Одессе прямо в цирке его арестовало ЧК, посадили в тюрьму, собирались расстрелять, обвиняя в организации еврейских погромов. Но и тут известность помогла Ивану Максимовичу, пригодился узнаваемый образ, придуманный ему

Артемом Никитиным. Для чекистских умов все же был доступен пониманию демократический цирк, некоторые в прошлом и в настоящем ходили на представления. Поддубного узнали. Оказалось, что произошла ошибка. Ивана Максимовича просто перепутали с настоящим виновником – антисемитом Поддубовым, тоже, кстати, борцом. Его отпустили, но, как подумалось вскоре Поддубному, лучше бы его расстреляли или ЧК, или махновцы. Сразу же по выходу из тюрьмы он получил известие из Красеновки о том, что его любимая жена Нина, ради которой он и старался все последние годы, сбежала от него с деникинским офицером. Но не это было самое страшное, она прихватила с собой львиную долю его золотых наград. Смысл жизни был вновь утерян. Иван понимал, уже слишком поздно надеяться на то, что он заведет настоящую семью – обретет детей. Кто знает, сколько лет ему отпущено впереди? Ивану не хотелось, чтобы его еще не рожденные дети росли потом в нищете.

Это известие свалило его с ног. Он впал в прострацию. Снова переставал узнавать знакомых, говорить с людьми. Через несколько лет Нина написала ему из-за границы, просила простить ее, предлагала все начать сначала. «На коленях проползу до тебя», – обещала обманщица. Просто измену Поддубный бы сумел простить, но то, что Нина посягнула на его награды, было выше его понимания. Он ответил коротко: «Отрезано» – и подал на развод.

В 1922 году Поддубного пригласили работать в Московском цирке, он, конечно же, согласился. Советская власть прекрасно понимала, что любимый народом цирк – очень хорошее место для ведения коммунистической агитации. Луначарский и сделал это предложение Ивану Максимовичу, понимая, что тот не откажется. Относительная стабильность. Город большой, со зрителями проблем не возникнет.

Иван Максимович уже разменял шестой десяток, и врачи, исследовавшие его, удивлялись. Даже после выступлений и изнурительных тренировок у атлета не наблюдалось утомления сердечной мышцы. Медики называли его между собой «железным Иваном». А вот коллеги по манежу все чаще звали его уважительно дядей Ваней.

В Москве вновь оказалось востребованным умение Ивана Максимовича ставить номера. Существовал в Московском цирке такой номер. Известный борец Чуфистов выходил на манеж, ложился, на грудь ему укладывали доски, сбитые брусками, и по этим доскам проезжал грузовой автомобиль. Сдуру руководство цирка решило ввести в номер дублера, другого борца – Ярона. Мол, таким образом публике будет продемонстрировано, что

любой советский человек способен на подвиг, нужно лишь желание. Об этом нововведении тут же оповестили в афишах. Но во время тренировок выяснилось, что грудь Ярона не может толком выдержать даже веса помоста, не говоря уже о весе грузовой машины. А ведь представление уже объявлено! Выход нашел дядя Ваня. Он предложил такое решение. Ярон выходит на манеж, ему кладут на грудь помост, выезжает грузовик, но тут из зала выбегает супруга Ярона. Она кричит: «Не позволю», разгоняет всех к чертовой матери и уводит мужа за руку за кулисы.

Так и сделали. Правда, жена борца, никогда до этого не выходившая на арену, так разволновалась, что чуть не пропустила свою реплику. Однако обошлось. Грузовик благополучно переехал уже через опытного в таких делах Чуфистова.

НЭП дал Ивану перевести дыхание. Гражданская война, военный коммунизм остались позади. Теперь он ездил с гастролями по всей стране. И как-то раз, когда он был на цирковых выступлениях в Ростове-на-Дону, Иван Максимович зашел в гости к своему воспитаннику, молодому борцу Ивану Машонину. Он начинал тренировать его еще мальчишкой. Парень подавал надежды, с пониманием воспринимал моральные позиции Поддубного, придерживался их в спорте. Там, в Ростове, Иван Максимович неожиданно для себя и повстречал свою будущую судьбу, хотя к этому времени уже разуверился в семейной жизни.

Он сидел за столом, накрытым матерью Машонина, и смотрел на нее – молодую, симпатичную вдову. Засиделись за разговорами до позднего вечера. Назавтра Иван Максимович снова наведался в гостеприимный дом, послезавтра пришел вновь, уже с цветами. Гастроли еще не закончились, а Поддубный уже знал, что не сможет прожить без этой женщины и дня. Она ничему не удивлялась, ничего от него не требовала. Ее красота была тихой и неброской, но она завораживала, заставляла быть добрее, чище.

Такому человеку, как Поддубный, не составило большого труда уговорить Марию Семеновну принять его предложение руки и сердца. Сама она была человеком религиозным, и Иван Максимович, безразличный к церкви, охотно согласился даже обвенчаться с ней. В какой-то мере исполнилась и мечта иметь детей. К своему пасынку Иван Максимович относился с любовью. Во всем ему помогал. Он хотел дать им достойную жизнь, но Ростов-на-Дону был не тем городом, где он смог бы хорошо зарабатывать. Пришлось вновь решиться на зарубежные гастроли. Благо время на дворе стояло еще относительно либеральное –

НЭП, и ему без особого труда, благодаря Луначарскому, хватило его визы, удалось получить разрешение на выезд из страны. К тому же в СССР у него оставалась семья, никто не сомневался, что Поддубный вернется.

Целый год ушел на это германское турне. Но оно не оправдывало себя. Да, Поддубный был непревзойденным борцом. Но это, странное дело, и являлось его недостатком. Зритель знал, что он непременно должен победить. А предсказуемость схватки – не лучшая вещь для импресарио и букмекерских контор. Вновь начались обманы. Поддубному предлагали огромные деньги за сомнительные, с его точки зрения, сделки. Дело в том, что победа над чемпионом чемпионов являлась недосягаемой мечтой борцов всего мира. Само его имя являлось символом, обладающим мистической силой. Вот и находились те, кто поддавался соблазну одержать над Иваном Максимовичем хотя бы липовую победу. Такой человек благодаря рекламе и прессе сразу бы превратился в небожителя.

Разговор с такими нечистыми на руку импресарио, а их было большинство, проходил по одной и той же схеме. Получив предложение поддаться, Иван Максимович возмущался: «Неужели вы не знаете Поддубного? Если кто меня уложит, я под того лягу. И никак иначе». В ответ звучало предсказуемое: «Ну, тогда и борьбы не будет. В ваших услугах мы не нуждаемся». Поддубный шел в другой цирк, но история повторялась и там. Не помогал и переезд в другой город. Повсюду было одно и то же.

– У них трест, – сокрушался Поддубный перед журналистами. – Борцы выходят на ковер, а их хозяева загодя расписывают, кто кого должен победить. Это же обман, в котором я не собираюсь участвовать.

Иногда Иван все же на обман шел, правда, вновь в своем ключе, на словах соглашался поддаться, а потом проводил схватку не в «шике», а в «буре». Но тогда импресарио лишали его гонорара за выступление. Заколдованный круг!

Да и сборы в цирках были не очень большими. Все же чувствовались последствия контрибуции и репараций, которые Германия выплачивала из-за поражения в Первой мировой войне.

Через год мытарств пришлось возвращаться домой. Но Поддубный не собирался сдаваться. И тут, как нельзя кстати, подоспело предложение от чикагского антрепренера подписать двухлетний контракт на турне по Америке. Однако такое Иван мог позволить себе свободно сделать только во времена царизма. Теперь же государство стало иным, оно контролировало каждый шаг своих граждан. Не был исключением и такой знаменитый гражданин, как Иван Поддубный. К тому же в те годы еще не

были налажены международные отношения между США и Советской Россией. И вновь на помощь пришел Луначарский. Он понимал, что турне Поддубного послужит толчком к налаживанию связей с Америкой, станет отличной рекламой СССР на Западе. Разрешение на выезд было получено. Это казалось чудом. Оставив семью на Родине, Иван Максимович на свой страх и риск отправился в Америку. Ведь ему со стороны СССР не было оказано ни юридической, ни дипломатической поддержки. Ее просто и быть не могло. Не зная английского языка, без сбережений он взошел на борт парохода.

По прибытии в Чикаго выяснилась, казалось бы, убийственная для Поддубного вещь. В Америке к соревнованиям без ограничений допускались только атлеты не старше тридцати восьми лет. Все остальные могли быть допущены только с разрешения специальной медицинской комиссии. Зная, какие нравы царят в среде организаторов соревнований, Иван Максимович было уже опустил руки. Не всем нравился приезд в Чикаго знаменитого борца, комиссию могли подкупить, чтобы она зарубила гастролера на корню. И все же его антрепренер тоже являлся акулой бизнеса, справился с конкурентами. Ивана подвергли тщательному и на самом деле независимому медицинскому освидетельствованию. Заключение потрясло и самих врачей, было официально засвидетельствовано и признано, что здоровье пятидесятичетырехлетнего атлета полностью соответствует максимум сорокалетнему возрасту. В рекламных целях Поддубного «окрестили» Иваном Грозным. И вот уже в газетах, на афишных тумбах было растиражировано: «Иван Грозный вызывает на бой всех желающих».

Но и после этого не заладилось. Для Поддубного и его антрепренера, не так давно перебравшегося в Новый Свет, стало ясно, что классическая французская борьба мало привлекает американского зрителя. Тут царили другие – неевропейские – нравы. Зритель жаждал жестокого зрелища, ему хотелось, чтобы на ковре лилась кровь, трещали кости, а борцы вопили от настоящей боли.

То, что называлось в Америке спортивной борьбой – борьбой без правил, на самом деле являлось ее уродливым вырождением. Но вкусы публики следовало учитывать, иначе нельзя было рассчитывать на прибыль. В самом зените славы находился борец Эд Льюис, носивший прозвище Душитель. Дали ему эту красноречивую кличку за его излюбленный прием – захват шеи. Он проводил его так, что противник рисковал задохнуться, если не сдавался.

Поддубный вряд ли бы согласился на американское турне,

если бы заранее знал, какая дикость его ждет. Но обратной дороги у него не существовало. Во-первых, контракт был подписан, в случае отказа от него Ивану Максимовичу грозили астрономические штрафы, а действовал он только от своего имени. Во-вторых, советское правительство сделало на него ставку и ждало успехов, чтобы потом трубить о них во всех газетах. Пришлось срочно овладевать варварскими приемами американской борьбы без правил.

Первые же бои подтвердили опасения Поддубного. Это была не борьба, а практически бойня. Разрешалось практически все. Его соперник-канадец, которого Ивану удалось уложить на ковер, и он уже дожимал его грудью, чтобы лопатки коснулись земли, внезапно схватил его за усы и попытался их вырвать с корнями. Правда, за это канадец тут же поплатился. Разъяренный наглостью и беспардонностью противника, Иван Максимович схватил его, поднял в воздух и швырнул на стол судейской коллегии, отчего этот стол и разлетелся в щепки. Да, он умел ставить цирковые номера, умел удивлять зрителя.

Поддубного пугали не столько трудности нового для него вида борьбы – ведь спортсмены все же договаривались между собой не применять слишком уж садистские приемы, не калечить друг друга – а эмоции публики, жаждущей кровавых, костодробительных боев. Это в очередной раз подрывало веру в человечество, которая у Поддубного и так была основательно подорвана.

Вскоре Иван Максимович стал одним из американских кумиров. О нем писали в газетах, его портреты красовались на многочисленных афишах. Он с успехом выступал в Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Филадельфии. Деньги за победы и выступления уже не капали, а бурным потоком лились на его банковский счет. Он собирал полные залы. Но нравы, царившие в среде антрепренеров, сама продажная сущность спорта вызывали в нем отторжение и даже брезгливость. Тем не менее в этом безобразии приходилось участвовать. Ему постоянно хотелось расторгнуть контракт и уехать домой. Он жалел, что не может так поступить.

Главный поединок еще был впереди. Вся Америка ждала, когда наконец сойдутся на ковре Поддубный и чемпион Америки Джо Стечер. Последний был знаменит своим «коронным» приемом «ножницы». Он мастерски делал его ногами – намертво захватывал ими голову противника. С его помощью он сумел даже победить такого прославленного борца, как Иван Заикин. Самоуверенный Джо собирался применить свое оружие и против Поддубного, не скрывая, озвучивал свои планы журналистам. Но

американцам пришлось разочароваться в непобедимости своего чемпиона. Схватка прошла предельно напряженно, драматически, красиво с точки зрения владения борцовской техникой, но закончилась она вничью.

Обаяние Поддубного, его популярность были так велики, что его, пятидесятисемилетнего, даже признали самым красивым мужчиной на Международном конкурсе мужской красоты, проводившемся в Америке. Теперь уже у Ивана покупали право использовать его портреты и имя для рекламы товаров, что, конечно же, умножило его доходы.

Советская пресса непрерывно в деталях освещала американское турне Поддубного. Ведь он в своем лице воплощал для мира мощь молодого СССР. В репортажах с удовольствием смаковали не только спортивные подробности – кого и как он победил, какие титулы завоевал. Но и писали о том, как Ивана Максимовича пытались подкупить, угрожали ему, даже пробовали споить или убить, но, мол, он как «советский человек» не поддавался на провокации, был верен коммунистическим идеалам. Это была правда, всякое случалось в этом турне, но дело в том, что Поддубный был таким всегда: и при царизме, и при советской власти. Коммунизм, в котором пришлось пожить, ничуть его не изменил.

И вот срок контракта наконец истек. Это было как освобождение из рабства. Иван Максимович расправил плечи, задышал полной грудью. Естественно, антрепренер был заинтересован, чтобы Поддубный и дальше работал на него. Но Иван Максимович отказался подписывать новый контракт. Ему предлагали принять американское гражданство, угрожали расправой. Ответ был один и тот же: «Нет, нет и еще раз нет. Отдавайте мои деньги, и я уезжаю». Тогда в ход пошла последняя угроза. Оказалось, коварный антрепренер еще в самом начале предвидел такой поворот событий, а потому в контракте и заложил «бомбу замедленного действия». Имелся там один пункт, даже – пунктик, прописанный совсем маленькими буквами, без лупы и не прочтешь. Деньги мог снять со счета лишь гражданин Соединенных Штатов. А таким Поддубный не являлся. Подписывал контракт Иван Максимович, еще не зная английского языка, полагался на устный перевод того самого антрепренера. И, как оказалось, зря считал его поначалу порядочным человеком.

– Принимайте гражданство, – другого выхода у вас нет. Впереди вас ждет замечательная жизнь, – как змей-искуситель уговаривал антрепренер.

– Все равно уеду.

– Но в таком случае вы никогда не сможете получить свои

деньги! Это же огромная сумма. Более полумиллиона долларов! Шикарный легковой автомобиль стоит четыреста, особняк в городе – полторы тысячи. Вы подумайте, что вы теряете. Неужели можно быть таким сильным и таким глупым?

– Вы сами знаете, что я не дурак. Я уезжаю.

Денег своих Поддубный так и не получил, они остались лежать на его банковском счету за океаном. Зато поклонники устроили ему шикарный прощальный ужин, на котором присутствовали две тысячи человек. И все, кстати, оплатили из своих карманов. Америка провожала теперь уже и своего героя. А Поддубный увозил на родину вместо честно заработанных капиталов лишь чемодан с одеждой да притороченный к нему чайник, купленный по случаю.

В ленинградском порту Ивана Максимовича встречали восторженные толпы почитателей. Мария Семеновна бросилась ему на шею.

– Больше я тебя никуда не отпущу, – прошептала она.

Поддубного окружили репортеры, посыпались вопросы.

– Что поддерживало вас во время поединков?

– Любовь к моей родной Украине. Она вообще самая моя большая любовь, – отвечал знаменитый борец, продолжая обнимать жену.

Правда, почему-то в завтрашних газетах этот ответ оказался отредактированным. В одной было написано «любовь к Родине», в другой «любовь к Советской Украине». Поддубный был из тех людей, которые умудряются своей прямотой и несгибаемостью всегда раздражать власть имущих. Хотя, казалось бы, что такого он сказал? Всего лишь правду, то, что просилось на язык, но эту правду журналистам захотелось немного приукрасить, сделать ее более советской.

Глава 12

Дом на берегу моря. Чем может обернуться обмен паспорта и зачем электропаяльник в НКВД? Как золотые медали превращаются в чужие зубы. Из забытья на Красную площадь. Орденоносец и немцы. Лишние 200 граммов хлеба чемпиону чемпионов не положены. Забытая могила.

Вернувшись домой, Поддубный купил себе хороший дом с обширным садом в небольшом городке Ейске на берегу Азовского моря. То ли севастопольская цыганка правильно ему нагадала, то ли он сам решил сделать ее предсказание правдой, но получалось так, что жил он теперь с любимой женой на берегу теплого моря. Он по-прежнему выступал в цирках, но все реже. Теперь для публичных выступлений требовались разрешения, получать же их становилось все сложнее. Не было уже Луначарского, который мог бы помочь. Страна менялась и, как казалось Поддубному, менялась в худшую сторону. Власти стали забывать заслуги Поддубного. Оно и не мудрено, ведь, вспоминая его, приходилось бы напоминать народу и его легендарную жизнь. А в ней было то, что сегодняшним советским гражданам стало абсолютно недоступно: свободные поездки по всему миру, работа за границей, хорошие заработки, обеспеченная, в смысле наличия товаров, жизнь.

Иван Максимович с ужасом смотрел на то, что происходит вокруг. Смертельным катком прокатился по Украине Голодомор, унесший миллионы жизней, приведший отчаявшихся людей на грань сумасшествия – к каннибализму. Поддубный и сам был из крестьян, а потому прекрасно понимал, что голод был рукотворным. Даже в самый неурожайный год Украина могла прокормить не только себя, но и Европу. Просто загототряды выгребли у крестьян все зерно подчистую, даже не оставив на будущие посевы. Даже не все изъятое зерно удавалось вывозить, не хватало транспорта. Его ссыпали прямо в здания железнодорожных вокзалов и станций, вокруг которых выставляли пулеметчиков. Там оно прорастало, гибло.

В Красеновку тоже страшно было приезжать, там всегда поджидали плохие новости. Раскулачивали и высылали его родных только за то, что у них имелись крепкие хозяйства, и не в последнюю очередь, благодаря тому, что это он, Поддубный, раньше помог им деньгами. Получалось, что он – Иван – становился причиной их страданий.

Иван Максимович не боялся говорить открыто о том, что думает, рассказывать о том, как живут люди в Европе, Америке.

Ясное дело, компетентные органы знали о его разговорах и рассказах. Все-таки он находился на особом учете, хотя бы потому, что столько лет прожил за границей, знал французский, немецкий и английский языки. Знали о крамольных разговорах, но пока не трогали, наверное, был наверху кто-то, кто сказал «не трогать». То ли являлся поклонником таланта Поддубного, то ли берег его для каких-то будущих манипуляций с его всемирной славой.

Иван Максимович был не в претензии за это единственное послабление. На жизнь он себе худо-бедно зарабатывал. Много ли надо ему и супруге – Марии Семеновне? Да и живут они лучше многих. Грех жаловаться. Он по-прежнему был силен, выступал на ковре. По большому счету, к его жизни уже не было чего добавить. Все возможное и невозможное он успел совершить.

И все же однажды где-то что-то не сработало. Скорее всего, сам Иван Максимович перешел ту грань, до которой его была согласна терпеть советская власть, не прощавшая ничего и никому. Случилось это в 1937 году и началось с абсолютно невинного дела. Пришла пора Поддубному поменять паспорт. Как положено, сдал паспортистке старый, выданный ему еще в Украине. А новый через недельку пошел получать в отделение милиции. Как положено, расписался в конторской книге и вышел с документом на крыльцо. Раскрыл новенький, как писал поэт, «серпасто-молоткастый», паспорт, выданный ему уже в РСФСР. И тут глаза у Поддубного полезли на лоб. В графе «национальность» у него было написано русским по белому «русский», хотя всю жизнь он писался и считал себя украинцем. К тому же его фамилия в документе значилась уже, как Поддубный, а не Піддубни, как в прежнем паспорте. Раньше Иван Максимович сознательно воспринимал себя сперва как подданного Российской империи, потом – как гражданина СССР, выступал за эти государства за границей, приносил им славу. Пусть его фамилия и писалась на афишах «Поддубный», но это не делало его русским, всю свою сознательную жизнь он чувствовал себя и был украинцем, никогда не забывал родной язык.

Поддубный повернул назад, зашел в кабинет, высказал свое мнение милиционеру и попросил его переписать паспорт. На что, конечно же, получил отказ. Мол, есть ли для вас разница, гражданин, какая национальность у вас в паспорте стоит?

– …или вы считаете, что русским быть хуже, чем украинцем? Может, вы националист? – правда, говоря это, милиционер опасливо косился на силача, заполнившего собой чуть ли не весь тесный кабинетик.

– Значит, не станете переписывать, даже если я официально

напишу заявление? – уточнил Иван Максимович.

– Не будем ни в каком случае.

После этого подтверждения Иван Максимович, ни слова не говоря, сел к столу, не спросив разрешения, макнул милицейскую ручку в милицейскую же чернильницу, зачеркнул своей рукой в паспорте национальность «русский» и вписал «украинец», ту же манипуляцию проделал и с фамилией, написав ее по-украински. После чего с победоносным видом откатал свежие чернила мраморным пресс-папье и подул на паспортную страничку.

– До свидания, – бросил он милиционеру и покинул кабинет.

Этим же вечером к дому Поддубных, стоявшему на самом берегу лимана, подъехал «черный ворон». Сотрудники НКВД показали ордер, провели в доме обыск, изъяли злополучный паспорт, другие документы, всю литературу на иностранных языках и даже дипломы чемпиона вместе с золотыми медалями.

«Черный ворон» увез Поддубного в ночь. Марии Семеновне посоветовали ждать. Мол, о судьбе мужа вам будет вскорости сообщено, хотя, конечно же, ничего ей никто сообщать не собирался.

Поддубного доставили в тюрьму Ростовского отделения НКВД, располагавшуюся на улице имени Энгельса. Как потом говорил сам Поддубный: «Там меня Энгельс учил ленинизму». Тут ему припомнили и переписанный своей рукой паспорт, и заграничные поездки, контакты с иностранцами, выступления перед махновцами и деникинцами. Но больше всего следователей интересовали номера счетов в заграничных банках, на которых лежали деньги Поддубного.

Ивану Максимовичу сперва просто не давали спать. Следователи сменялись, уходили отсыпаться, а допрашиваемого оставляли в кабинете постоянно. Поддубный пытался достучаться до их сознания, чтобы они поняли – американские деньги даже он, Поддубный, не мог получить, находясь в Америке. Тем более он не может получать их, находясь в СССР. Те же, что лежали в банках Западной Европы и Северной Африки, возможно, и получил бы, если бы они его отпустили туда съездить, хотя бы под конвоем. Но только не с этим паспортом, где неправильно написаны его национальность и фамилия. По такому точно не дадут. Да и номера счетов он не помнит. На требование назвать адреса банков ответил сущую правду, что не может вспомнить, но любой извозчик или таксист привезет с вокзала по нужному адресу, стоит ему сказать название банка. Следователи для устрашения и сговорчивости борца в довершение всего обвинили его в украинском национализме, хотя Поддубный был состоявшимся патриотом, не раз и не два доказавшим это

качество на деле, завоевывая для великой страны великие награды.

Он не признавал своей вины несколько месяцев. Тогда следователи перешли к пыткам, его спину методично прижигали электрическим паяльником, повторяя прежние вопросы. Но ответы звучали тоже прежние. Наконец его оставили в покое. Великий борец тупо изо дня в день просто сидел в камере, откуда его выводили на редкие прогулки. Но привыкший к жизни по режиму, Иван Максимович быстро нашел себе занятие, он продолжал тренировки, чтобы не сойти с ума от безысходности.

Через год его все же выпустили, сняв все обвинения. Вероятно, таинственный высокий заступник Поддубного решил, что с него хватит, и с этого времени борец станет вести себя более осмотрительно. Даже медали с дипломами и лентами Ивану Максимовичу вернули, что было по тем временам совсем уж невероятно.

Поддубный возвратился в Ейск к жене. Если раньше вокруг него был просто заговор молчания – его имя не вспоминалось в прессе, то теперь он уже не мог и выступать. Директора цирков отводили глаза в сторону, когда говорили, что они не могут предоставить манеж, мол, возраст у Поддубного уже не тот, чтобы выходить на арену. А он по-прежнему был способен уложить на лопатки чемпионов страны! Даже дворником его никуда не брали.

Работы не было, Марию Семеновну, даже если бы она и попыталась, тоже никуда не приняли бы на службу. Да и Поддубный не позволил бы себе жить на деньги жены. Пришлось сдать комнату в доме, но это не могло кардинально изменить положение. Довелось понемногу уносить из дома медали. Иван Максимович вынужден был продавать их по цене золотого лома зубным техникам. Хотя на Западе коллекционеры заплатили бы за них в сотню раз больше. Прежде чем расстаться с очередной наградой, Поддубный подолгу сидел у окна, любовался ею, вспоминал, как и где она ему досталась, вновь переживал напряжение борьбы, азарт зала и задумывался, не предает ли он сейчас свое прошлое? Но нет, это настоящее предавало его, заставляло чувствовать себя униженным и растоптанным. Словно кому-то наверху была ненавистна сама мысль о его прошлом величии, словно его всемирная слава не давала покоя. И мало было – его уничтожить, ведь слава бы осталась все равно.

Теперь, когда Поддубному приходилось видеть розовощекого совчиновника или заведующую каким-нибудь складом, сверкающих, лязгающих золотыми зубами, ему становилось невыносимо от мысли, что эти коронки сделаны из его наград,

доставшихся ему ценой неимоверных усилий. Но такова судьба любого золота. Оно неуничтожимо. Возможно, в обручальном кольце, которое он когда-то купил Эмилии в ювелирной лавке, был кусочек золота от древнегреческой монеты, которое потом успело побывать в королевской диадеме, а затем превратилось в золотую пуговицу купчихи… Кто скажет, чем оно теперь стало? Ведь подобрал же кто-то на улице скатанное в шарик кольцо. Золотой запас Поддубного таял, как тает под мартовским солнцем снег. И было абсолютно неизвестно, что ждет его впереди.

Впереди Европу ждала война. Иван Максимович понимал это, хоть политикой и не интересовался, ведь ему довелось поездить по миру, он знал настроения немцев, их обиды на остальную Европу за позорный Версальский договор. И вот теперь Германия поднимала голову. Не сомневался он и в том, что в результате Третий рейх непременно столкнется с СССР. Двум монстрам – Сталину и Гитлеру – будет тесно рядом. Но пока еще их отделяла друг от друга Польша, судьба которой была уже решена.

И тут случилось то, что казалось невозможным. Министр иностранных дел Германии Риббентроп прилетел в Москву, встречался со Сталиным. Молотов летал в Берлин, и его принимал Гитлер. Советы и Третий рейх внезапно стали большими друзьями. Это не укладывалось в голове. Хотя, как казалось, никоим образом не могло повлиять на тихую, провинциальную жизнь в Ейске. Однако повлияло.

Как оказалось, в Германии хорошо помнили Поддубного, по-прежнему боготворили его. И вот после подписания соглашения о дружбе и сотрудничестве между СССР и Германией Немецкое атлетическое общество принялось разыскивать Ивана Максимовича. Хотели предложить ему поехать в Германию, чтобы он тренировал немецких борцов. Отыскать Поддубного было сложно. После ареста, годового заключения и освобождения он словно в воду канул. Ни одним словом о нем не обмолвилась пресса. Единственное было понятно, что он жив. Помогло то, что между гестапо и НКВД было заключено секретное соглашение о сотрудничестве, согласно которому они должны были обмениваться между собой не только информацией, но даже выдавать бывших граждан этих стран. В Германию депортировали немецких антифашистов, которые в свое время получили убежище в СССР, а немцы выдавали НКВД антикоммунистов, монархистов и просто эмигрантов. Вот такие вот встречные перевозки.

Получив запрос от гестапо на информацию о Поддубном и приглашение Ивану Максимовичу на поездку в Германию для

подготовки немецких атлетов, в НКВД стали усиленно думать. С одной стороны – немцы теперь друзья и можно было бы им организовать встречу со знаменитым борцом. Но с другой стороны, судя по информации из Ейска, Иван Максимович бедствовал. Позориться перед недавно приобретенными союзниками не хотелось. В НКВД умели принимать нужные и эффектные решения. Идею отправить Поддубного в Германию отмели сразу же – после того, что с ним творили в застенках, он, при всем своем патриотизме, был ненадежен. К тому же и патриотизм у него был с «украинским душком». По донесениям информаторов, Иван Максимович нередко резко высказывался о русификации кубанских казаков, бывших потомками казаков запорожских. Выпусти такого из страны, хлопот не оберешься. Вот тогда Лаврентий Берия, посоветовавшись «с товарищами», придумал идеальный план, как Стране Советов и Поддубного не выпустить из СССР, и перед немецкими друзьями-нацистами в грязь лицом не ударить. Естественно, до поры до времени Иван Максимович об этих планах ничего не знал…

В конце мая 1939 года к дому Поддубных подъехала, поблескивая черным лаком, начальственного вида легковая машина. Мария Семеновна не на шутку испугалась, подумала, что снова приехали забирать ее мужа. А к дому уже шагал немолодой мужчина в полувоенном френче.

– Что ж это такое? – запричитала женщина.

Иван Максимович вздохнул, он тоже решил, что приехали по его душу, все-таки его острый язык мог привести и не к таким последствиям. Но когда незваный гость перешагнул порог, то Поддубный узнал в нем первого секретаря райкома партии.

– Не ждал, – искренне признался хозяин дома, поднимаясь навстречу и все еще теряясь в догадках насчет целей и последствий такого неожиданного визита.

– Дорогой Иван Максимович, – улыбаясь во весь рот, проговорил первый секретарь. – Вас вызывают в Москву.

Когда он говорил, во рту у него блестели две золотые коронки, знаменитый борец смотрел на них, а не в глаза собеседнику, чем несколько смущал прибывшего с визитом ответственного товарища.

– А зачем приглашают? – поинтересовался наконец Поддубный.

– Вам все объяснят на месте московские товарищи, я на это не уполномочен, – прозвучало в ответ.

До отъезда Поддубному за государственный счет сшили белый костюм, купили хорошую обувь, вручили билет до Москвы и потом даже доставили на вокзал в легковой машине.

В столице его уже встречали чиновники от спорта, но не пышно, без помпы. И вновь на машине доставили прямо в гостиницу «Москва». Из окон номера открывался вид на Кремль. Только сейчас Поддубному объяснили, зачем затеяна вся эта кутерьма. Ему предстоит участвовать в физкультурном параде на Красной площади, который состоится 18 июля.

– …учитывая ваши выдающиеся заслуги в развитии советского спорта… – гулко, как в храме, звучало в шикарном гостиничном номере.

Не было произнесено ни слова извинения за годы забытья и нищеты, ни слова о безумном аресте и не менее безумных издевательствах в застенках НКВД. Чиновники премило улыбались и говорили так, словно Поддубный все это время находился в фаворе, словно ему и раньше оказывалось подобающее уважение.

«Наверное, в лесу огромный медведь сдох. Пойти бы поискать его. Шкуру на шубу содрать», – подумал Иван Максимович.

Он понимал, что люди, организовавшие его приезд в Москву, вытащившие его из забытья, альтруизмом не занимаются, у них свои шкурные планы насчет него, что-то внешнее подтолкнуло их. И все же он был рад. Ведь предстояло встретиться с уцелевшими друзьями и воспитанниками. Будущее приобретало оптимистическую окраску. Наметилось хоть какое-то изменение в жизни…

Колонны физкультурников и спортсменов текли по Красной площади. На открытых кузовах грузовых машин атлеты и гимнасты изображали композиции из живых тел. Поддубный шагал рядом с Александром Сенаторовым – действующим чемпионом СССР по классической борьбе, так теперь стали называть бывшую французскую борьбу. Они уже приближались к Мавзолею, с трибуны которого вождь со своими подручными приветствовал свой народ. На гостевых трибунах, конечно же, присутствовали дипломаты, в том числе и немецкие, а также делегация атлетов из Германии. «Шестерки» из Наркомата иностранных дел ненавязчиво показали им Поддубного, которым те интересовались. Мол, видите, великий Поддубный жив-здоров, полон сил. Партия и правительство помнят о нем. К сожалению, в дружественную нам Германию отпустить его не можем, да он и сам туда не поедет. Шестикратному чемпиону мира и на Родине дел невпроворот, видите, тренирует подрастающее поколение советских борцов, готовит новых чемпионов мира.

Миновали Мавзолей, двинулись к Василию Блаженному. На Васильевском спуске кто-то в толпе горожан, глазевших на колонны спортсменов из-за редкой цепочки милиционеров, узнал

Поддубного. На действующего чемпиона СССР Сенаторова никто не обратил внимания, а вот Ивана Максимовича помнили.

– Это же Поддубный! Смотрите!

– Поддубный!

– Чемпион чемпионов!

Люди кричали, махали, а потом стали наваливаться вперед, теснить друг друга, образовалась давка. Каждому хотелось посмотреть на человека-легенду вблизи, прикоснуться к нему. Милиция уже ничего не могла сделать с толпой, цепочка оцепления рассыпалась, не было силы, которая могла бы остановить стихию народной любви к «воскресшему» кумиру. У Ивана Максимовича на глаза навернулись слезы, он махал бегущим к нему людям руками, кричал слова благодарности. Но тут Сенаторов схватил его за руку, потащил, крича прямо в ухо:

– Иван Максимович, у меня глаз наметанный, сам в милиции раньше служил. Затопчут сейчас. Спасаемся! Ей-богу, затопчут!

Поддубный мгновенно «протрезвел», пелена упала с глаз, реакция у него была отменной.

– И точно, Саша. Затопчут. Тикать надо.

И они побежали, спасаясь от толпы обожателей Поддубного. Укрыться удалось лишь в гостинице «Москва». Шестикратный чемпион мира и чемпион СССР еле переводили дыхание.

Потом Поддубному организовали встречу с немецкими атлетами, на которой ему самому пришлось озвучить отказ ехать в Германию. Знал, что по-другому нельзя, иначе ему не жить. Напоследок ему присвоили звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, вдобавок сам Калинин вручил Ивану Максимовичу орден Трудового Красного Знамени. После вручения к Поддубному подошел Ворошилов, поздравил, пожал руку и сказал напоследок:

– Если будут трудности, обращайтесь ко мне лично. Помогу.

В Ейск Поддубный вернулся триумфатором. Он теперь мог снова выступать, тренировать борцов. Сил еще хватало. Без ордена он появлялся теперь лишь на борцовском ковре. Все остальное время носил его, не снимая. Тогда орденоносцев было очень мало, счет их шел на сотни. И орден на груди у Поддубного открывал перед ним любые двери, решал любые проблемы. В разумных, по советским понятиям, пределах, конечно.

Но начинало немного пошаливать сердце. Его Иван Максимович лечил не таблетками, а настоями кубанских трав, которые ему заботливо заготавливала Мария Семеновна. 12 мая 1941 года состоялось прощальное выступление Ивана Максимовича в Тульском цирке, где он на манеже публично подтвердил свое желание оставить арену, пообещал, что все свои силы будет отдавать воспитанию подрастающего поколения

борцов. Он ушел из спорта в семидесятилетнем возрасте.

Казалось, что впереди его ждет счастливая и обеспеченная старость рядом с любимой женой, но… началась война.

* * *

Поддубному предлагали эвакуироваться, но он отказался, сказал, что слишком стар, чтобы сниматься с места. Немцы вошли в Ейск в августе 1942 года. Случилось это буднично. Просто по улице проехало два мотоцикла с колясками. Солдаты остановились на берегу лимана, побросали оружие, смеясь, стали раздеваться, бросились в море. Лишь один из них остался на берегу стеречь карабины и технику. Он очень мирно и мило выглядел в своих светлых трусах. Поддубный стоял у своего дома, смотрел на это вторжение. На его груди привычно краснел рваной раной орден Трудового Красного Знамени. Немец приветственно помахал рукой старику, не подозревая, кто перед ним. Мол, все хорошо, жизнь продолжается.

Соседская девчонка, прибежавшая посмотреть на немцев, с радостным криком бросилась назад к своему дому.

– Мама, мама, – кричала она. – Они же – люди!

Иван Максимович усмехнулся, понимая, что имелось в виду. Девчонка, родившаяся и выросшая при советской власти, наверняка представляла себе фашистов так, как их изображали на карикатурах, – с рогами и хвостами, словно чертей или животных. Но он-то знал, что в любой нации найдутся и свои люди, и свои звери.

На что он теперь будет жить с женой, Иван не знал. Вряд ли немцы станут платить ему прежнюю советскую пенсию, орденскую доплату и доплату за звание заслуженного артиста РСФСР.

Поддубного не трогали, пока в городе не организовали гестапо, хоть и продолжал он свои обычные моционы по городу с краснозвездным орденом на груди. Но гестаповцы проявили бдительность. Крамольного старика арестовали, несмотря на то что он отлично говорил по-немецки, но, разобравшись, кто он такой, тут же отпустили с извинениями.

Через несколько дней к дому Поддубных подъехала легковая машина в сопровождении автоматчиков, всю улицу оцепили. Повидать Ивана Максимовича приехал крупный немецкий чин, бывший борец. Гость напомнил Поддубному, что когда-то встречался с ним на борцовском ковре в Мюнхене. Но для Ивана он был одним из многих, кого он укладывал на лопатки в своей

жизни, той схватки он не смог припомнить. В чем честно и признался. Немец поразился бедности, в которой живет великий борец, бережно подержал в руках величайшую реликвию – ленту чемпиона мира, полученную Иваном Максимовичем в Париже. Повторил предложение уехать в Германию, чтобы там тренировать борцов. Поддубный мог бы сослаться на возраст, но не стал этого делать, он, как всегда, оставался прямолинейным и честным:

– Сперва я был российским борцом, потом стал советским. Им и останусь, – заявил он.

И все же визит высокопоставленного гостя принес свои положительные плоды. Поддубному предложили работу маркером в открывшейся офицерской бильярдной. Теперь кроме зарплаты ему полагался паек – пять килограммов мяса в месяц, вдоволь хлеба, маргарина, муки и сахара.

Так и ходил он на работу в офицерскую бильярдную с советским орденом на груди. Рядом располагалось кафе, и офицеры нередко приходили играть пьяными, дебоширили. Приходилось выступать и в роли вышибалы. Могучий Иван Максимович никого не уговаривал. Просто брал разошедшегося за шиворот, поднимал и под смех присутствующих выносил из зала, аккуратно ставил на тротуар. Никто на Поддубного не обижался, наоборот, некоторые нарывались на такой вынос сами, чтобы потом иметь возможность похвалиться, что их выдворял сам чемпион чемпионов.

В бильярдной имелся радиоприемник. И по ночам у Поддубного почти в открытую собирались местные мужчины, чтобы послушать новости из Москвы. Немцы, скорее всего, знали об этом, но из-за уважения к Ивану Максимовичу и его былым заслугам «лавочку» не прикрывали.

К Поддубному зачастил военный комендант Ейского морского порта. Он сам в прошлом был борцом, огромным почитателем таланта Поддубного. Иногда в знак уважения присылал ему на дом обеды прямо из офицерской столовой. Как-то раз он осторожно поинтересовался у Ивана Максимовича:

– Как, на ваш взгляд, обстоят теперь дела в Украине?

Явно хотел услышать, что стало лучше по сравнению с советскими годами. Поддубный ответил без обиняков, как думал:

– Сталин был дьявол, а Гитлер – сатана.

И это сошло ему с рук.

Ейск советские войска освободили в феврале 1943 года. Поддубный не воспользовался возможностью уйти вместе с немцами, хоть ему и предлагали. Сразу же на него посыпались доносы. Мол, сотрудничал с немцами, принимал фашистские

подачки в виде обедов. Иваном Максимовичем вновь занялось НКВД, или, как он сам его называл, «аспидная канцелярия». Но обошлось. Бильярдную органы квалифицировали как «исключительно коммерческое заведение». Нашлись и смельчаки, заступившиеся за Поддубного, приходили сами в страшное учреждение, давали показания, что Иван Максимович «во время оккупации Ейска немцами занимался и подпольной работой», собирал людей слушать информсводки из Москвы.

Поддубного отпустили, все-таки велика была его слава, хотя кого-нибудь другого за такие дела наверняка бы упекли в лагерь. Но его фамилия подействовала даже на самые горячие головы смершевцев магически, заставляла думать о последствиях. Поддубный ездил по военным частям, госпиталям, делился с солдатами воспоминаниями.

То время было для всех нелегким. В тылу свирепствовал голод, война-то продолжалась. Паек, который выдавали по всему Ейску, и для обычного человека выглядел скудным, а могучий организм борца требовал своего рациона. Иван Максимович писал в горсовет: «По книжке мне выдают 500 граммов хлеба, этого мне не хватает. Прошу выдавать мне на 200 граммов больше для того, чтобы я мог выжить». Написал он и Ворошилову, напомнив о предложении обращаться, если будет трудно, но ответа так и не дождался. Иногда, когда становилось совсем невмоготу, он приходил к директору местного хлебозавода, тот ни разу не отказал ему в лишней буханке. Случалось, от недоедания Поддубный ложился в постель и практически без движения лежал по нескольку дней, копил силы. Соседи видели, что творится с ним, приглашали зайти к себе в дом, будто бы поболтать. За разговором подкармливали его борщом, кашей. Иван Максимович ужасно стыдился своей «прожорливости», понимал, что объедает людей, их детей и внуков, но ничего не мог с собой поделать. Голод – одно из самых сильных чувств, способных побеждать даже разум. Стыд заставлял Ивана Максимовича втягивать голову в плечи, сутулиться, когда он выходил на улицу, на лице застыла грустная маска. По природе он был натурой широкой, щедрой, всегда слыл бессребреником, а тут сделался прижимист. А ведь в Западной Европе и США на счетах Поддубного по-прежнему лежало около миллиона долларов, которыми он не мог воспользоваться, и от этой мысли становилось совсем уж худо. В скупку уходили последние медали.

В 1945 году Поддубному присвоили звание заслуженного мастера спорта СССР, но это практически ничего не решало для Ивана Максимовича. Ноги еле держали старика. И однажды, возвращаясь с базара, Поддубный неудачно упал и сломал шейку

бедра. Впервые могучий организм предал своего хозяина – перелом не срастался. Теперь Поддубный мог с трудом передвигаться только на костылях. Добирался до лавочки перед улицей, которую по утрам выносила Мария Семеновна, сидел с ней, взяв за руку, смотрел на лиман, иногда обменивался парой фраз с прохожими.

Его сердце остановил внезапный инфаркт 8 августа 1949 года, когда Ивану Максимовичу шел семьдесят восьмой год жизни. Для мужчин из его казацкого рода это был не возраст, бывало, они жили и более ста лет.

Эпилог

О чем подумал великий человек, когда понял, что жизнь уходит от него, выскальзывает из его объятий, что вспомнил? Возможно, перед ним промелькнули его победы. Борцовский ковер, поверженные противники, пьедесталы, награждения. Он видел тех, кто оказался слабее его, а предсмертный шум в ушах чудился ему ревом возбужденного очередной победой зала. А может, он видел другое? Старую цыганку, нагадавшую ему жизнь с любимой женой у теплого моря. Счастливо хохочущую Нину – она сидит верхом на палевом жеребце, которого он, Иван, ведет по сжатому полю за околицей Красеновки, и их любовь кажется вечной. Срывающуюся с трапеции Машу в искрящемся от блесток платье, ее бездыханное тело на опилках манежа. Эмилию, посылающую ему воздушный поцелуй с каната. И Аленку, идущую ночью к Шведским могилам, словно призрак…

Кто знает, что это было? Какие видения посещают перед смертью, чтобы напомнить человеку о смысле его жизни? Это знает только он сам. Из-за порога смерти еще никто не возвращался, чтобы рассказать о своих видениях.

Для местной власти смерть Поддубного стала проблемой – как хоронить? Чтобы не «промахнуться», запросили Москву. Оттуда пришла не очень вразумительная телеграмма: «Хоронить зпт как положено тчк». Поэтому гроб для прощания выставили в здании местной спортивной школы. Похоронили Ивана Максимовича не на кладбище, а в Ейском городском парке. Обнесли могильный холмик простой деревянной оградой и написали на табличке суриковой краской, которой обычно красили полы, «Иван Поддубный».

Похоронили и вскоре забыли о могиле. Никто после смерти верной Марии Семеновны за ней не ухаживал. Ограда сгнила, развалилась, табличка исчезла, место заросло травой. Его облюбовали местные козы да коровы. Но однажды, в одной из передач BBC, прозвучало, что в Ейске, практически стертая с лица земли, все же существует могила чемпиона чемпионов – Ивана Поддубного, человека, прославившего на весь мир свою Родину. Власти спохватились, ведь из Москвы поступило указание «не давать поводов для вражеских провокаций». Могилу отыскали, поставили на ней памятник из гранита, на черном надгробии выбили пафосные слова: «Здесь русский богатырь лежит».

Почти один в один повторилась «история с паспортом». Вряд ли бы сам Поддубный согласился с такими словами. Да, он был подданным Российской империи, советским гражданином,

завоевывал для великой страны великие награды, прославлял их в мире, но всегда считал себя украинцем и не скрывал этого. За что не единожды поплатился. Даже после смерти у него остались недруги на этой почве. Какой-то мерзавец в 1988 году разбил стелу на его могиле кувалдой и краской безграмотно написал на обломках: «ХАХОЛ-ПЕТЛЮРОВЕЦ!» А ведь великие достижения дореволюционной России и СССР – это заслуга не одного русского народа, но и всех других, населявших эти ушедшие в прошлое империи. Они исчезли, оставив после себя темные и светлые страницы. Одну из которых, ослепительно яркую, пронзительно честную, написал своей жизнью уроженец Полтавщины – Иван Максимович Поддубный.

notes

Примечания

1

Имеется в виду адмирал Павел Николаевич Зеленой (1833–1909) – российский военачальник и государственный деятель, бывший в 1885–1898 гг. градоначальником Одессы. Фамилия его, изначально с ударением на последний слог, в многочисленных пересказах этой знаменитой в свое время истории постепенно трансформировалась в более удобную для понимания данного каламбура.